

Ирина Звягельская

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КЛИНЧ

**Конфликты на Ближнем Востоке
и политика России**

АСПЕКТ ПРЕСС

Московский государственный
институт международных отношений
(Университет) МИД России

Институт востоковедения РАН

Ирина Звягельская

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КЛИНЧ

**Конфликты на Ближнем Востоке
и политика России**

Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
345

Издание подготовлено при поддержке
члена Попечительского совета МГИМО
Ф. К. Шодиева

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *В. Я. Белокреницкий*;
доктор исторических наук, профессор *А. И. Яковлев*

Звягельская И.

345 Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России / Ирина Звягельская. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 208 с.

ISBN 978–5–7567–0754–0

Конфликты на Ближнем Востоке — межгосударственные и внутренние, возникшие недавно и сохраняющиеся десятилетиями, которые во многом определяют лицо этого региона, затрагивают интересы России и определяют выбор ею стратегии реагирования. В книге рассматривается политика РФ в отношении событий вокруг Ирака, ее подходы к процессам трансформации в арабском мире, и, наконец, к затяжному, но по своему эволюционирующему арабо-израильскому конфликту, где у РФ сохраняются особые обязательства.

Книга может быть рекомендована специалистам в области международных отношений, студентам и аспирантам, занимающимся проблемами Ближнего Востока, а также для широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0754–0

© Звягельская И. Д., 2017
© МГИМО МИД России, 2017
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2017

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Россия и арабский мир	15
Глава 2. Иракский конфликт	30
Вторжение в Кувейт и «Буря в пустыне»	33
Операция «Иракская свобода»	46
Глава 3. «Арабское пробуждение» и позиция России	60
«Арабская весна»: повторение пройденного?	60
Как это было в XXI веке	66
Формирование российских подходов	74
Внешнее вмешательство: Ливия и Сирия	83
Исламистский вызов для России	102
Глава 4. Отношения с Государством Израиль	117
Политические отношения: эволюция подходов	117
«Русская» иммиграция в Израиль	128
Экономические связи	129
Военно-техническое сотрудничество	130
Ближневосточный контекст как источник разногласий	132
Глава 5. Палестино-израильский конфликт: политика РФ	136
Общая характеристика конфликта	139
Динамика конфликта	142
Планы урегулирования и идея конференции	147
Двусторонний формат	159
«Дорожная карта» и план одностороннего отделения	179
«Хамас»: испытание ответственностью	181
Стагнация или политический провал?	184
Вместо заключения	192
Именной указатель	197
Литература	200
Summary	206
About the Author	207

ВВЕДЕНИЕ

Американская исключительность на [Ближнем Востоке] не будет длиться вечно... Российская мощь неизбежно вернется в регион, столь близкий к ее южным границам, таким, какими они в конечном итоге будут.

Адам Гарфинкль

Ближний Восток вступил во второе десятилетие XXI в. в состоянии раздробленности и общей нестабильности. Межэтнические, межконфессиональные, социальные разногласия, всегда существовавшие в арабском мире, неожиданно и стремительно вышли на первый план, необратимо нарушив привычный ход вещей. Так, разочарование в светских националистических режимах, когда-то соответствовавших общественным ожиданиям и выполнивших задачу по укреплению государства в постколониальную эпоху, но затем утративших идейную привлекательность и погрязших в коррупции, обеспечило поиск альтернативы в политическом исламе, также оказавшемся пока неспособным предложить рецепты общественного переустройства. Последствия рухнувшего социального контракта между властями и населением, приведшие к нарастанию протестных настроений в арабских государствах, незавершенный и болезненный переход к обретению гражданского самосознания, который обозначился в процессе народных выступлений, кризис светской модели управления в отсутствие привлекательной и объединяющей идеологии и последовавший за ним кризис попыток установить исламское правление — все это в комплексе отражает общие для мирового развития проблемы, возможно, только в более острых и беспорядочных формах, соответствующих специфике организации арабского общества. В отсутствие гражданских институтов или при слабых институтах исчезновение идеологических ориентиров привело к возрастанию религиозности, выходу на авансцену представителей политического ислама, позиционировавших себя как силу, умеющую навести порядок, и как движение, полностью совместимое с демократией.

Происходящее на Ближнем Востоке трудно считать исключительно региональным феноменом. Кризис социального контракта

обозначился во вполне социально благополучной и политически модернизированной по сравнению с арабскими государствами Европе, где волнения в экономически ослабленных странах, обострение сепаратистских тенденций на базе возрождения этничности в контексте давно существующих наций-государств стали системным фактором. Представления о светскости, о либерализме и демократии также шли с Запада, но, преподнесенные в виде абстрактных ценностей, не приживались в традиционном в своей основе обществе. Взаимозависимость современного мира выразилась и в том, что многие исламистские кадры, преследовавшиеся в своей собственной стране, пережили тяжелые времена в Европе, в частности в Лондоне (лондонистане!), где либеральное законодательство позволяло им не только жить, но и проповедовать достаточно радикальные антизападные идеи.

Рост напряженности в арабском мире — Ирак, Египет, Тунис, Сирия, Ливия, Йемен, Бахрейн — стал свидетельством перенапряжения системы международных отношений, когда под влиянием взаимозависимости и при помощи информационных потоков импульсы турбулентности достигают самой отдаленной периферии. Все более различающаяся трактовка национального суверенитета, территориальной целостности, роли военного вмешательства, представленная главными акторами на мировой арене, была вызовом и для России, определившим стремление изменить не устраивающие ее правила игры, при которых ее влияние оказывается суженным, а возможности для маневра ограниченными. Намерение РФ играть важную роль в строительстве нового миропорядка подвели, как представляется, черту над системой взаимоотношений глобальных игроков, порожденной результатами Второй мировой войны. Мир вступил в период, отличающийся неопределенностью, связанной в том числе и со спецификой принятия решений в государствах все более узкой группой лиц, со все большей оглядкой на внутривнутриполитический расклад сил, вне зависимости от доминирующей там политической модели.

Многие наблюдатели отмечают перемещение центра мирового притяжения в Азию, то обстоятельство, что будущее человечества все в большей степени определяется на Востоке. Поворот к Азии (*pivot to Asia*), который характеризовал политику администрации Б. Обамы, не был исключительно приметой американской внешней политики. С меньшей отчетливостью он проявился во внешнеполитическом курсе России, что объяснялось как намеренным выбором ориентиров и партнеров, так и вынужденным после присоединения Крыма и Се-

востополя поиском альтернатив сузившемуся в результате санкций экономическому и политическому взаимодействию с США и ЕС.

Особые отношения с расположенными на Востоке государствами определялись для России не только прагматическим стремлением к получению преимуществ в мировой гонке за влияние. Немаловажным фактором являлся и незавершенный поиск идентичности, связанный с уникальным положением РФ между Западом и Востоком. Растянувшаяся на столетия дискуссия между западниками и славянофилами, утверждавшими, что западная культура бесконечно далека от России и, более того, даже враждебна ее исконным ценностям, не могла не отражаться и на выборе внешнеполитических решений.

О том, как велась эта дискуссия и какие выводы из нее делались, напоминают известные слова Ф. М. Достоевского, написанные им, когда Российская империя вела войну в Средней Азии: «Тем не менее и во всяком случае трудно сказать, чтобы общество наше было проникнуто ясным сознанием нашей миссии в Азии и того, что собственно для нас значит и могла бы значить впредь Азия. Бывали даже и очень резкие голоса: “Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добыть и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!” Эти суждения иногда и теперь раздаются у умников наших, от очень их большого ума, конечно... Потому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»¹ Эта максима великого писателя вряд ли является универсальной на все времена. Но она, безусловно, акцентирует двуликость российской идентичности, определяемую спецификой исторического формирования российского общества, в котором разрыв между верхами и низами был не только социально-экономическим, но и культурным. «Правительство — единственный европеец в России», — писал А. С. Пушкин.

Россию и Восток разделяют глубокие цивилизационные различия, но порой проявляется близость ценностных установок, и, по замечанию ведущего российского востоковеда В. В. Наумкина, есть сходство в негативном восприятии Запада. «Аналогично России, в исламском мире, также выстраивающем свои модели развития в остром противоборстве сторонников конфликтующих концепций, именно тезис о моральной деградации Запада лежит в основе неприятия его

культурной экспансии со стороны защитников национально-религиозной самобытности»². Впрочем, с точки зрения мотивов, лежащих в основе отторжения Запада, разница все же очень велика. Россия не переживала процесса колонизации западными державами, ее элите через образование и финансовые инструменты Запад не навязывал определенной модели политического поведения, а российская аристократия и образованный класс всегда были частью западной культуры, что бы ныне ни писали и ни говорили современные наследники славянофилов и евразийцев.

Российское антизападничество может диктоваться особыми историческими предпосылками, периодом острого соперничества эпохи «холодной войны», конъюнктурными политическими соображениями, безразличием основной массы населения и ростом национализма, но не непреодолимыми культурными различиями. Оно может рассматриваться как реакция на политику западных стран, не желающих воспринимать РФ как равного игрока на международной арене, и как отражение внутривнутриполитических трендов, в том числе роста авторитарных и патерналистских тенденций, маркером которых является опора на традиции, консерватизм, религию. Вот почему среди некоторых российских экспертов бытует мнение, что исламский мир с его ценностями гораздо ближе русскому обществу, чем заблудшая христианская Европа.

Если поворот к Востоку составлял фон российской политики на Ближнем Востоке, то ее конкретное содержание предусматривало решение задач, которые прямо или косвенно связаны с интересами безопасности России, что особенно актуально в современных условиях. В самом общем виде их можно сформулировать как предотвращение нестабильности, способной приблизиться к собственно российским границам, как поддержку статуса державы, имеющей свои подходы к глобальной и региональной ситуации и способной проводить независимую линию, как защиту интересов российского бизнеса (прежде всего оперирующего в сфере энергоресурсов) и военно-промышленного комплекса, осуществляющего поставки оружия странам региона. Столь общий подход может позволить сделать выводы о некой универсальности российских интересов, которые можно применить практически к любому району мира. На самом деле иерархия интересов РФ, настойчивость по их реализации, наличие угроз безопасности, включая внутривнутриполитическое измерение, напрямую диктуются спецификой региона — геополитическим положением, традицион-

ными и новыми связями России с расположенными здесь государствами, развитием местных конфликтов. Понятие безопасности является для Российской Федерации, равно как и для других государств мира, достаточно широким, выходящим за рамки собственно оборонных задач. Обеспечение национальной безопасности включает преобразования в политической, социальной, экономической и культурной жизни, направленные на реализацию конституционных прав, сохранение территориальной целостности и суверенитета, а также устойчивое развитие страны. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной указом президента РФ от 12 мая 2009 г., содержатся указания на возможные вызовы безопасности государства в сфере международных отношений. «На обеспечение национальных интересов Российской Федерации негативное влияние будут оказывать вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов... Усилятся глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам. Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма»³.

Наряду с общими угрозами глобального характера выделяются также отдельные регионы, где существует наиболее напряженная и вызывающая озабоченность ситуация. Ближнему Востоку уделяется внимание в контексте борьбы за энергетические ресурсы и негативного воздействия конфликтов на международную обстановку. Ближний Восток при всей его значимости все же не занимает первых мест на шкале внешнеполитических приоритетов РФ. Отношения с государствами СНГ, выстраивание отношений с США и ЕС, Китаем, Индией, несомненно, играют большую роль в обеспечении стратегических задач, чем Ближний Восток. Однако такие игроки, как Иран, Египет, Саудовская Аравия, Турция, Израиль, влияние которых выходит за региональные рамки и которые имеют собственную значимость для России, при любом развитии событий останутся для РФ важнейшими партнерами, фокусирующими ее внимание на Ближнем Востоке.

С геополитической точки зрения этот район обеспечивает выход России в Средиземное море, связывая ее со странами Восточного

Средиземноморья, Ближним Востоком, Северной Африкой, где расположены государства, не являющиеся непосредственными соседями РФ, но представляющие для нее интерес в качестве партнеров. Любая военная угроза, концентрация иностранных армий, гражданская война в расположенных здесь государствах, конфликты и террористические акты способны вызвать озабоченность России с учетом того, что границы по периметру бывшего СССР не всегда хорошо оборудованы и перетекание радикальных идей и их носителей на Кавказ и в Центральную Азию делают РФ особенно уязвимой.

Уход авторитарных лидеров в результате «арабской весны» привел к разбалансированию управляемости, углублению экономических проблем. В условиях гражданской войны (Сирия), продолжающихся племенных столкновений (Ливия) и затяжного внутреннего противостояния (Ирак) все большую роль начинают играть джихадистские экстремистские группировки. Косвенно это не может не отразиться на ситуации в России, где около 14% населения являются мусульманами, а также на положении в Центральной Азии. Возвращение военного правления в Египте с его запредельной жесткостью по отношению к оппонентам-исламистам вызывает ответное сопротивление не только традиционных сторонников «Братьев-мусульман», но и части студенчества, готовой на радикальный ответ и использование силы. Несмотря на откат революций, вопрос «исламисты или светский режим» вовсе нельзя считать окончательно решенным.

Россия на Ближнем Востоке и за его пределами столкнулась с удивительно быстро развивающимися социальными и политическими процессами, которые в сжатые сроки меняют политические режимы, выводят на поверхность силы, ранее не претендовавшие на то, чтобы быть политическим мейнстримом, но мгновенно завоевывающие широкую поддержку, причем не только архаизированной или традиционной части общества. Такого рода стремительные изменения, порождаемые, казалось, малозначительными триггерами, привлекают внимание не только политологов, но и специалистов в области естественных наук.

Как отмечал российский ученый Александр Рубцов, «с некоторых пор мир изменился кардинально. Вероятностная схоластика сменяется логикой бифуркационных процессов. Есть удивительная, почти мистическая закономерность: человек открывает в природе те закономерности, по которым в эту эпоху живет общество. Абсолютизм был механистичен, как детерминизм Лапласа или как логика “Опас-

ных связей” Шодерло де Лакло. Прошлый век был веком вероятности и статистики в науке, искусстве и политике. Но уже в его конце в физической и живой природе ученых поразили процессы, в которых малые сигналы на входе дают несоразмерные, а главное, непредсказуемые эффекты на выходе. Система скачкообразно, через каскад бифуркаций переходит в новое качество “из-за ничего”, через “черный ящик”»⁴.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке возник мощный «каскад бифуркаций». Происходило резкое переформатирование системы региональных международных отношений под влиянием внешнего вмешательства, быстрая смена политического пейзажа в охваченных потрясениями арабских государствах, сохранялись застарелые конфликты. Традиционные и новые угрозы и вызовы в большей или меньшей степени затрагивают российские интересы. Не случайно, по признанию руководства ГРУ, в зоне особого внимания российской военной разведки «находятся в первую очередь те “горячие точки”, где действуют террористические и экстремистские группировки, а также потенциальные маршруты и источники незаконного распространения ядерных материалов и компонентов оружия массового поражения»⁵.

У России имеются военно-политические и деловые связи с арабским миром, которые сужались под влиянием арабских революций, но которые в принципе могут быть восстановлены и даже расширены в будущем. Проблема заключается в более серьезных последствиях — в болезненных процессах восстановления государственности, перспективе раскола отдельных государств и переливе напряженности в соседние страны.

Важным последствием конфликтов и внутренних потрясений на Ближнем Востоке стал неконтролируемый рост насилия. Он проявился в межгосударственных конфликтах, в мятежах и выступлениях эпохи «арабской весны», в гражданских войнах. По мнению известного американского историка и философа Ханна Арендт, насилие является инструментом или средством, а средства всегда превалируют над целями. «Если целей невозможно достичь быстро, результатом будет не просто поражение, а внедрение практики насилия в политический организм. Предпринятое действие не может быть отменено, и возвращение к статус-кво всегда маловероятно. Практика насилия, как и действие, меняет мир, но наиболее вероятным изменением является мир, еще более склонный к насилию»⁶. События в Ираке, Си-

рии, Ливии, отмеченные немотивированными зверствами, размывают, как представляется, весьма условную грань между сознательным использованием насилия как средства борьбы за власть, запугивания, деморализации, мести и т.п. и насилием ради насилия, диктуемым обретенной властью над людьми и наслаждением от безнаказанности. Именно безнаказанность стала, например, по мере развития конфликта в Сирии важнейшей движущей силой наиболее радикальной и экстремистской части сирийской оппозиции, изощренно уничтожающей местное население и сталкивающейся с меньшей жестокостью со стороны правительственных войск. Затяжной характер конфликта пронизал насилием всю политическую систему Сирии, превратив его во все более рутинное дело. Наступление боевиков организации «Исламское государство Ирака и Леванта» в Ираке сопровождалось резней и зверствами. Разрушительные тенденции, набирая силу, способны распространяться и оказывать воздействие на отдельные страны, правительства, общины далеко за пределами Ближнего Востока.

За последние годы России удалось выстроить отношения с различными игроками на Ближнем Востоке, включая Иран, Израиль, Турцию, арабские государства, «Хамас» и «Хизбаллу», что, безусловно, можно оценивать как позитивную и проносящую России определенные дивиденды линию. Можно согласиться с анализом американского специалиста Марка Каца, который представлял политику РФ на Ближнем Востоке как «искусство дружить со всеми»⁷. В то же время в современных условиях углубления противостояния на Ближнем Востоке как на межгосударственной, так и на межконфессиональной основе проблема взаимоисключающих интересов может стать весьма острой. Так, хорошие отношения РФ с Ираном, являющимся ближайшим соседом и активным игроком на Кавказе и в Центральной Азии, ее жесткая позиция по недопущению внешнего военного вмешательства в Сирии и свержения под давлением извне сирийского режима приходили в противоречие с подходами Саудовской Аравии, других арабских стран, а также ряда западных государств.

Ключевыми моментами, заставлявшими Москву корректировать свой курс на Ближнем Востоке и за его пределами и менявшими в лучшую или худшую сторону ее восприятие в регионе, были конфликтные ситуации, потребовавшие особого внимания международного сообщества и быстро интернационализировавшиеся. Прежде всего, это агрессия Ирака против Кувейта, прекращенная при вмешательстве сил коалиции, свержение иракского диктатора в результате внешнего

вмешательства, всплеск трансформаций в арабском мире и, наконец, сохраняющийся на протяжении десятилетий, но по-своему эволюционирующий арабо-израильский конфликт, где у РФ сохраняются особые обязательства. В контексте ближневосточного конфликта создан механизм взаимодействия РФ с США, ЕС и ООН в рамках «ближневосточного квартета». Это не исключает особой роли администрации США, активность которой традиционно зависит от выборных циклов.

Ближневосточный конфликт имеет для РФ и внутривнутриполитическое измерение с учетом того, что в Израиле и в арабских странах проживает много российских граждан, защита прав и безопасности которых также является составляющей российской политики в регионе.

Отношение к конфликтам на Ближнем Востоке части российского населения, политических групп и экспертного сообщества отражает сохранившееся восприятие Ближнего Востока как арены противостояния проискам Запада, нацеленным на сокращение российского влияния на международной арене, на ее вытеснение из имеющих для нее приоритетную значимость районов и сфер деятельности. Нельзя отрицать, что такое соперничество сохраняется и под влиянием политической конъюнктуры становится порой весьма острым. В то же время не все происходящее в регионе можно объяснять происками Запада. Внутренние линии напряженности, активность региональных сил и противоречия между ними не в меньшей мере провоцируют конфликты, чем политика внешних игроков. Более того, в ходе арабских трансформаций складывалось впечатление, что региональные государства — Саудовская Аравия, Катар, Иран, Израиль — нередко переигрывали глобальных акторов. Несмотря на имевшиеся у них собственные интересы и повестку дня, местные игроки стремились прямо или косвенно вынудить их действовать определенным образом. Не стоит также абсолютизировать соперничество РФ с западными державами — конфликты на Ближнем Востоке дали примеры сотрудничества и координации усилий.

Сложность изучения данной темы обусловлена не только сложностью представленных в книге региональных проблем, но и традиционно закрытым процессом принятия политических решений в России. О мотивах российских лидеров порой приходится догадываться, сопоставляя различные ситуации и реагирование на них, используя официальные заявления и весьма скудную мемуарную литературу.

Ближневосточные «конфликтные» сюжеты дают большой простор для размышлений. Отражая общемировые тенденции и одновре-

ВВЕДЕНИЕ

менно политическую, социально-экономическую и культурную специфику региона, они ставят принципиальные вопросы, касающиеся цены перемен в обществах, где отсутствует система сдержек и противовесов, где властные институты формируются по принципам лояльности и где относительно успешные экономические реформы не меняют униженного положения нетерпеливого и требовательного молодого поколения. В таком контексте внешнее вмешательство способно разрушить хрупкие балансы и предложить модель восстановления, далеко не всегда пригодную для местных условий.

Автор выражает глубокую благодарность своим друзьям и коллегам А. Г. Аксененку, В. Я. Белокреницкому, Т. А. Карасовой, В. А. Кузнецову, Д. В. Макарову, Д. Б. Малышевой, В. В. Наумкину, Т. В. Носенко, Г. К. Прозоровой, А. О. Филонику, А. И. Яковлеву за ценные замечания, за обмен мыслями и идеями, за дискуссии и споры, за самое важное в нашей профессии — радость общения с талантливыми людьми и выдающимися специалистами в своей области.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Собр. соч. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 504.

² Наумкин В. В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens). 2014. № 4. С. 5.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html>.

⁴ Рубцов А. Азартные игры со смертельным исходом // Новая газета. 2014. 3 марта.

⁵ Российская газета. 2012. 19 января.

⁶ Arendt Hannah. On Violence. Orlando: A Harvest Book, 1970. P. 80.

⁷ Кац М. Российская политика на Большом Ближнем Востоке, или Искусство дружить со всеми. IFRI Центр Россия // ННГ. 2010. Апрель. Russie Nei. Visions. No 49.

Глава 1

РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР

Политика России в арабском мире стала в первые годы ее независимого существования жертвой многих объективных и субъективных обстоятельств. Отсутствие ресурсной базы и сворачивание двусторонних отношений относились к первой категории. Однако не менее важным обстоятельством был намеренный уход РФ из региона, дистанцирование от тех арабских стран и режимов, которые числились в ряду антиимпериалистических и которые в новых условиях стали восприниматься российским руководством как одиозные. Его желание поскорее отринуть «советские принципы» на Ближнем Востоке диктовалось стремлением максимально улучшить отношения с западными державами, принципиальным выбором Запада в качестве модели современного развития. В конце 1990-х — начале 2000-х годов Россия стала более активным игроком в регионе, что было обусловлено укреплением государственных институтов и возможностью более эффективно реализовывать внешнеполитические приоритеты, выходом на международную арену российского бизнеса.

После распада Советского Союза Россия стала государством с новым режимом, границами, системой обязательств, внутренней и внешней политикой. Отказавшись от идеологизированного восприятия действительности, от наследия «холодной войны» с блоковым противостоянием по всем азимутам и столкнувшись с собственными нелегкими проблемами укрепления государственности и завоевания международных позиций, она все же не была новым государством, лишенным прошлой истории со своей славой и поражениями, интересами и устремлениями. За РФ тянулся шлейф советских обязательств, восприятия и оценок ее прежними союзниками, собственных представлений о своей глобальной и региональной роли, навешанных прошлым и скорректированных настоящим. Разрыв между советской и российской политикой на Ближнем Востоке при всем различии возможностей и подходов все же не означал полного отсутствия прием-

ственности. Как известно, традиция не только в истории, но и в международных отношениях занимает особое место. Давние союзники все еще ждали особого к себе отношения, требуя от РФ активного присутствия, а руководство России (на разных этапах по-разному) не могло не рассматривать свою региональную политику как фактор укрепления позиций и создания более благоприятных условий для проведения независимого курса в условиях нараставшего геополитического соперничества и при асимметрии возможностей.

Вот отсутствие мощной ресурсной базы, какой обладал СССР, у России было стремление сделать внешнюю политику символом успешности. Ближний Восток предоставлял для этого особые возможности. Расположенные там страны были заинтересованы в ее возвращении не только в качестве союзника, но даже в качестве беспристрастного посредника (*honest broker*). Они сохраняли ностальгию по государству, игравшему в регионе роль противовеса политике США. При этом Ближний Восток не был, как уже говорилось, внешнеполитическим приоритетом для РФ и здесь для достижения успеха не требовалось чрезмерных ресурсов. Дипломатические усилия в контексте высокого уровня напряженности в регионе могли дать очень существенный политический эффект.

Рассматривая политику РФ в арабском мире и в регионе в целом, нельзя абстрагироваться от советского этапа, принципиально отличавшегося от современного, но по-своему все еще формирующего образ России в регионе, а также (в зависимости от того, о каких странах, режимах и негосударственных акторах идет речь) их ожидания, разочарования, надежды и неприятие.

Советский Союз пришел на Ближний Восток и закрепил там свои позиции в эпоху подъема национально-освободительного движения арабов, который называли «первым арабским пробуждением». Возможно, точнее считать «первым арабским пробуждением» события Первой мировой войны, когда арабы, выступившие против османского владычества, надеялись на создание собственных независимых государств. Этого не произошло, и попытки пробуждения замерли в самом начале, задавленные колониальным переделом Ближнего Востока.

Крах колониальной системы, революции в арабских странах, приход на смену монархам в Египте, Йемене, Ираке националистов, выступавших за создание республик, ряд государственных переворотов со все более радикальными лозунгами в Сирии после обретения

страной независимости. Казалось, что весь арабский мир пришел в движение в поисках нового политического будущего. Шел период складывания национальных государств, который так и остался незавершенным в плане формирования гражданской идентичности и гомогенной культуры. В силу устойчивого структурирования традиционных обществ — племя, регионы, конфессиональные общины и т.п. — принцип идентификации с государством оказывался нередко нарушенным, так как на первый план выходили иные, более важные для индивидуума идентичности. Главный принцип национализма, заключающийся в том, чтобы национальные и политические границы совпадали, реализовывался в различных арабских странах с разной степенью успеха. В первое десятилетие XXI в. незавершенность процесса создания наций-государств и очевидная невозможность его завершения на Арабском Востоке стала одной из причин, определивших особенности нового арабского пробуждения и его динамику.

Коммунистическая партия СССР, официальная идеология которой базировалась на принципах интернационализма¹, всегда настоятельно относилась к национализму, рассматривая его сторонников как идейных и политических оппонентов. Первый тест на способность к переоценке ряда стереотипов советское руководство прошло в начале 1950-х годов, когда критикуемые им лидеры египетской революции были вынуждены силой обстоятельств обратиться к СССР за военной помощью. Хотя первоначальное восприятие Насера и его сподвижников, являвшихся молодыми арабскими националистами, было в Москве крайне негативным, открывшиеся достаточно неожиданно новые возможности в арабском мире (и не только в Египте) побудили советское руководство действовать быстро и решительно. Прорыв СССР на Ближний Восток был предопределен как необходимостью для Египта укрепить свою безопасность в условиях израильской военной активности, так и недальновидной политикой Запада в отношении помощи стране, особенно в строительстве Асуанской плотины.

Египет справедливо связывал с Асуанской плотинной возможность ускоренного экономического развития. На ее возведение требовалось около 1 млрд долл. Часть средств обещал предоставить Всемирный банк, а США и Великобритания должны были предоставить займы. Египет давал обязательство покрыть самостоятельно около

700 млн долл. Дело, однако, портил Багдадский пакт. Пакт был создан 24 февраля 1955 г. вначале как турецко-иракский союз. 4 апреля 1955 г. к нему официально присоединилась Великобритания, а в сентябре—ноябре 1955 г. Пакистан и Иран. США возлагали надежды на то, что Насер станет активным членом пакта. В условиях «холодной войны» Багдадский пакт был нацелен на сдерживание СССР и его союзников, поэтому США придавали данной организации, составленной из государств Ближнего Востока и Южной Азии, особое значение. Отказ Египта вступить в пакт и избранный президентом Насером курс на неприсоединение привели к обострению американо-египетских отношений. Когда Насер принял решение заложить будущий урожай хлопка и приобрести дополнительное оружие у СССР, реакция последовала незамедлительно — западные страны отложили предоставление кредитов. Именно в это время СССР предложил Египту беспроцентный заем. США поспешили отозвать свое согласие дать деньги на строительство плотины. То же самое сделали Великобритания и Всемирный банк. В дальнейшем отношения с режимом Насера развивались успешно и сохранились, даже несмотря на разгром арабских армий в «шестидневной войне» 1967 г. Тогда, как известно, население Египта обвиняло СССР в том, что советские войска не пришли на помощь их стране. Насколько подвержены были подобным настроениям элиты — трудно сказать, но, наверное, чувство горечи и обиды у них было.

Массированная помощь во время «войны на истощение» с мощным военным присутствием СССР (операция «Кавказ») не только залечили раны, но и способствовали выведению советско-египетских отношений на новый уровень. До 1972 г. Египет (тогда ОАР) оставался официальным союзником СССР, что было закреплено Договором о дружбе и сотрудничестве.

В свое время, чтобы обосновать прагматический выбор в пользу поддержки новых арабских руководителей, пришедших к власти на волне первого арабского пробуждения, в 1950–1960-е годы, в СССР была разработана концепция трех революционных потоков, включавшая в себя мировое коммунистическое движение, мировое рабочее движение и национально-освободительное движение. «Каждый из трех потоков революционного процесса, преобразующего облик современного человечества, имеет такие задачи, которые можно осуществить только в союзе с другими революционными силами. Свергнуть колониальные порядки, очистить свои страны от остатков империализма, окончательно лишить империализм его

тылов — это дело сил национального освобождения, опирающихся на поддержку народов мировой социалистической системы и рабочего класса империалистических стран. Свергнуть капитализм в его главных империалистических бастионах — это дело прежде всего рабочего класса, возглавляющего антимонополистическую коалицию в своих странах и опирающегося на поддержку сил мирового социализма и национального освобождения. Нанести решающее экономическое поражение капитализму в соревновании двух миров, поддержать своей мощью все революционные силы и вместе с ними привести человечество к торжеству коммунизма — это дело народов мирового социалистического содружества»².

В таком контексте национализм молодых развивающихся государств был канонизирован как часть мирового революционного процесса, что автоматически зачисляло его лидеров в потенциальные советские союзники и во враги Запада. Подобная идеологизация была далеко не безвредна. Применяемые клише отражали искаженный взгляд на действительность, более того, предполагали научное обоснование не существующих в реальности процессов. Отсюда появились теории некапиталистического пути развития, социалистической ориентации, призванные наделять советских клиентов особыми чертами развития, отличавшими их от ориентировавшихся на Запад государств «третьего мира».

Известный российский политический деятель академик Е. М. Примаков, связавший свою судьбу с Ближним Востоком, писал по этому поводу: «Серьезным препятствием на пути сближения СССР с арабскими революционными националистами стал их антикоммунизм. Он доводил до кровавых расправ с членами местных компартий, как это случилось и в Ираке, и в Судане... Но вражда между постколониальными режимами и коммунистами не превратилась в нечто определяющее ближневосточный курс Советского Союза. Произошло это не сразу, так как в ЦК ВКП(б), а до конца 1950-х годов и в ЦК КПСС, исходя из догматических представлений, считали, что национально-освободительное движение в мире может развиваться только под руководством компартий или в крайнем случае с их участием в “коллективном руководстве”. Однако жизнь заставила признать ведущую роль в национально-освободительном процессе за мелкобуржуазными революционерами, которые отрицали и диктатуру пролетариата, и классовую борьбу, и вообще деление общества на классы. Выходу из идеологического тупика была призвана служить теория некапиталистического раз-

вития стран социалистической ориентации. Был пущен в оборот даже термин “революционные демократы” — так стали называть и тех, кто не имел ничего общего с демократией, а в ряде случаев перерождался в фашиствующих правителей. Должен сказать честно, что в тот период и автор этих строк был приверженцем теории социалистической ориентации. Ее широкое распространение среди советских научных кругов во многом объяснялось стремлением преодолеть догматизм тех, кто отрицал роль мелкобуржуазных руководителей в постколониальном мире и продолжал считать их противниками социализма»³.

Отличаясь от советских руководителей по менталитету, моделям поведения, полученному образованию, молодые лидеры освободившихся государств, включая арабские, вне зависимости от степени искренности в стремлении избавиться от старых порядков и преодолеть катастрофическое отставание своих стран в социально-экономическом развитии, были нацелены прежде всего на сохранение завоеванной власти. Поддержка Советского Союза была для них важнейшей гарантией политического выживания. Кроме того, советская модель модернизации могла выглядеть для некоторых достаточно привлекательно, тем более что и они были готовы не постоять за ценой. В конечном итоге новые арабские руководители быстро усвоили правила игры и научились превозносить роль прогрессивных сил во всем мире во главе с СССР.

Связи с наиболее радикальными режимами и движениями в арабском мире, выступавшими с крайне жестких позиций по таким принципиальным для арабов вопросам, как, например, палестинская проблема, нередко ограничивали свободу маневра СССР в регионе, привязывая советскую политику к политике таких союзников, которые по самой природе своих интересов играли роль спойлеров при решении значимых для Ближнего Востока задач, коль скоро в их решении был задействован Запад.

При этом нельзя отрицать значимость многих экономических и образовательных проектов, осуществлявшихся Москвой в развивающихся странах, которые реально способствовали их модернизации. Сирия, Южный Йемен, Египет, палестинцы были включены в программы подготовки специалистов. Советский Союз строил предприятия и создавал рабочие места, готовил военные кадры, предоставлял широкие возможности повышения квалификации. В Адене даже существовала высшая партийная школа, которая, несмотря на огромную разницу культур и уровней социального развития, готовила кадры

функционеров, способные сгладить эту разницу и обеспечить СССР успешное ведение дел с южнойеменской политической верхушкой.

И все же попытки преподать племенному обществу основы партстроительства или научного коммунизма, как это было, например, в Южном Йемене, приводили в лучшем случае лишь к поверхностному восприятию коммунистической догматики. Неудивительно, что йеменские революционеры, решившие радикально бороться с религиозными пережитками, сажали в тюрьму местных мулл, заставляя их зубрить там Маркса и Ленина. Они же шарахались от преподносимой им советскими преподавателями теории эволюции Дарвина, воспринимая ее исключительно как богопротивное утверждение о происхождении человека от обезьяны.

Военное, экономическое и политическое сотрудничество активно развивалось с Ираком, где к власти 17 июля 1968 г. в результате переворота вернулась партия «Баас». Вершиной развития советско-иракских отношений стало подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в апреле 1972 г. Впоследствии дружбу не раз омрачала политика Саддама Хусейна, предпочитавшего следовать собственным путем и не слишком зависеть от партнеров и союзников. Этому немало способствовали имевшиеся у Ирака преимущества — огромные финансовые возможности страны, являвшейся одним из ведущих экспортеров нефти, ее водные ресурсы и человеческий капитал. Несмотря на политические зигзаги Хусейна, Ирак долго оставался в списке стран социалистической ориентации.

Особое место в советской политике на Ближнем Востоке заняли связи с Сирией. В отличие от других арабских государств, отношения развивались не только по официальной межгосударственной линии, но и в контексте межпартийных связей между КПСС и «Баас». По мнению польского исследователя Андрея Крейца, «учитывая нежелание коммунистов развивать отношения с некоммунистическими партиями или признавать их как равных партнеров, этот шаг был особенно значимым»⁴. Радикальное крыло «Баас» (Партии арабского социалистического возрождения) пришло к власти в Сирии в результате переворота 1966 г., которому предшествовала мощнейшая по накалу внутрипартийная борьба, завершившаяся переделом власти. Социализм баасисты понимали ограниченно: как укрепление госсектора и социальную справедливость. К тому же социализм у многих ассоциировался не с обобществлением собственности, а только с партнерством, в соответствии с арабским значением этого термина. Придя

к власти, радикалы начали закручивать гайки, проводить экспроприацию мелких собственников, чем дискредитировали партийную линию на сотрудничество с частником, за что позже и поплатились.

Наиболее важным для сирийского руководства направлением в то время являлось строительство сильных и современных вооруженных сил, способных противостоять Израилю и западным державам. Москва сразу предложила Дамаску кредит и стала главным поставщиком оружия сирийскому режиму.

Превращение сирийских баасистов в одного из главных советских союзников в арабском мире было в 1960-е годы не случайным. Сирия, как светская и одна из модернизированных в экономическом отношении стран Арабского Востока, стала своего рода рекламой советской помощи и поддержки и с этой точки зрения приобрела даже большую значимость, чем Египет, который и в лучшие годы дружбы и сотрудничества порой стремился дистанцироваться от слишком однозначной и прямолинейной ориентации на Советский Союз.

Развитие связей СССР с сирийским режимом не только означало его следование в фарватере советской политики, но и требовало от Москвы большего учета позиции союзника, диктовавшейся его собственными интересами, фобиями, реальными опасениями, которые не совпадали с широкими советскими интересами на Ближнем Востоке. Так, сирийцы, которые находились в состоянии почти постоянного «горячего» конфликта с Израилем, повлияли на советскую политику накануне войны 1967 г.

Не исключено, что информацию о якобы имевшей место концентрации израильских войск у сирийской границы советский МИД получил от сирийцев и распорядился ею по своему усмотрению. В 1966 г. сирийцы неоднократно снабжали СССР подобной информацией. Так, в телеграмме МИД СССР послу СССР в Израиле от 11 октября 1966 г. утверждалось: «...по имеющимся сведениям, в настоящее время снова наблюдается концентрация израильских войск на границе с Сирией и ведется подготовка к воздушному нападению на граничащие с Израилем районы сирийской территории с целью последующего вторжения израильских войск в глубь Сирии»⁵. Судя по предыдущим телеграммам, такого рода сведения поступили из Сирии⁶.

Поскольку израильско-сирийские отношения действительно были напряженными, Москва не сомневалась в заинтересованности Израиля в ослаблении или даже свержении сирийского режима. Позиция Дамаска была принята во внимание и при решении вопроса

о визите премьер-министра Израиля Л. Эшкола в Москву. Столкнувшись с противодействием собственных военных и с непониманием в стране, Эшкол решил использовать еще одну возможность политического выхода из кризиса. Он планировал 30 мая 1967 г. совершить визит в Москву. Советское руководство стало консультироваться со своими арабскими партнерами. Египтяне, несмотря на воинственные заявления, вначале все же поддерживали соображения советского правительства относительно этого визита, поскольку он давал гарантию, что в эти дни Израиль не нанесет удар. Сирийские лидеры, не способные реалистически оценить ситуацию и, возможно, рассчитывавшие на прямое вмешательство СССР в случае необходимости, высказались категорически против. В результате в приеме Эшколу было отказано.

После прихода к власти Хафеза Асада в 1971 г., сделавшего ставку на более реалистичный курс и большую самостоятельность Сирии во внешней и внутренней политике, советско-сирийские отношения развивались достаточно динамично. Огромная военная помощь и подготовка сирийских военных дали возможность Сирии одержать ограниченный, но психологически очень важный успех в октябрьской войне 1973 г.

Сирия стала первым советским союзником после подписания А. Садатом кэмп-дэвидских соглашений в 1978 г., а затем и египетско-израильского договора. С точки зрения СССР это была сепаратная сделка, которая открывала для США возможность встать в регионе «на обе ноги», втянув ведущую арабскую страну в орбиту своего влияния через процесс ближневосточного урегулирования. США впоследствии действительно монополизировали процесс ближневосточного урегулирования, хотя и без особого успеха, учитывая сложность самой проблемы. Обвиняя Садата в сепаратизме и фактически отказываясь признать обоснованным его стремление во что бы то ни стало выйти из конфликта, высасывавшего из египетской экономики последние соки, СССР солидаризировался в подходе к Кэмп-Дэвиду с подавляющим большинством арабов, позицию которых он должен был принимать во внимание. Сирия получила после изоляции Египта в арабском мире уникальный шанс выйти наконец на авансцену арабской политики и обеспечить свое определяющее влияние на многие политические процессы. Достаточно вспомнить сирийскую роль в Ливане после начала гражданской войны в 1975 г.

Принимая во внимание новую роль Сирии в регионе, СССР шел навстречу ее просьбам о поставках вооружений. В 1974—1985 годах СССР поставил в Сирию около 500 современных военных самолетов, 2500 танков и 1200 бронетранспортеров⁷.

Относительное понижение значимости региона в иерархии основных приоритетов российской внешней политики было продиктовано прежде всего принципиальным переформатированием системы международных отношений после распада СССР. Отказ от противостояния с Западом как главной составляющей биполярных отношений, вынужденное ограничение обязательств в условиях ограниченных ресурсов для проведения амбициозной глобальной политики, постепенное становление полицентричного мира при сохранении ведущей роли США, устранение идеологического фактора из процесса принятия внешнеполитических решений, переход к более рациональным и реалистическим подходам и оценкам — все это в комплексе не могло не отразиться на российских подходах к региону Ближнего Востока, где когда-то развертывалось острое соперничество с США.

Тем не менее существовала заинтересованность руководства РФ в поддержании связей с прежними арабскими союзниками, хотя и не в тех объемах и не с теми обязательствами, как прежде. В этом ряду свое место заняла и Сирия, что объяснялось несколькими соображениями. Во-первых, у Сирии оставался большой еще советский долг (7—9 млрд долл.) и вопросы, связанные с урегулированием этой проблемы, постоянно поднимались на двусторонних встречах. Во-вторых, сирийская армия, когда-то вооруженная советским оружием, по-прежнему нуждалась в запчастях и поставках, которые могла получить только от РФ. В свою очередь для России задача остаться на рынке вооружений Ближнего Востока была очень важной, особенно при ограниченных тогда внешних поступлениях и общей кризисной ситуации в стране. В-третьих, Сирия продолжала играть ведущую роль в регионе, и от ее позиции во многом зависели перспективы переговоров по урегулированию арабо-израильского конфликта. Соответственно, РФ должна была принимать во внимание позицию Дамаска и даже пытаться воздействовать на нее в выгодном для себя направлении, коль скоро она хотела бы сохранить традиционную вовлеченность и влияние на процесс урегулирования.

Особенности функционирования государственной машины и характерные черты сирийской политической культуры были в достаточной степени ясны и понятны в России. Я вспоминаю возмущенно-

го американского профессора, прожившего несколько лет в Сирии, который рассказывал мне о нравах, царивших в сирийской армии. Офицер, получавший специальные талоны на бензин для заправки своего автомобиля, щедро делился ими со своими родственниками и знакомыми, а себе выписывал новые. «Вы можете себе это представить?!» — восклицал профессор. Я, конечно, могла, но предпочла в этом не признаваться.

После распада СССР традиционные связи с арабскими государствами были вынужденно принесены в жертву новым обстоятельствам. Поддерживать свое присутствие в государствах, считавшихся опорой влияния СССР, на прежнем уровне Россия не могла и не стремилась. Да и сами радикальные арабские режимы давно начали свою эволюцию, в рамках которой выгодные и перспективные контакты с западными странами стали рассматриваться как желаемые и необходимые. Даже считавшийся когда-то лидером государства социалистической ориентации Саддам Хусейн поддерживал широкие связи с политическими и силовыми структурами США и был уверен, что в Вашингтоне не заинтересованы в его устранении, а только занимаются запугиванием.

Отсутствие «железного занавеса» и либерализация законодательства (естественное для современного мира явление), активное передвижение людей и идей через границы привели к тому, что Россия стала все более отчетливо ощущать влияние глобальных трендов, и в том числе дестабилизирующее воздействие исламистских организаций, базирующихся в арабских странах.

Развитие в 1990-е годы сепаратистских тенденций в РФ, затронувших Северный Кавказ, сопровождалось и провоцировалось исламистскими организациями, пытавшимися оседлать националистическое движение. Стремясь использовать в своих политических целях огромный мобилизационный потенциал ислама, многие радикальные чеченские политики и полевые командиры, будучи по своим взглядам кавказскими националистами (Ш. Басаев, М. Удугов, З. Яндарбиев и др.), после окончания первой войны сделали ставку на ваххабизм. С ваххабитами их объединяли готовность продолжать борьбу за Кавказ, экспортируя «чеченскую революцию», а также стремление получить доступ к финансовым средствам исламских радикалов-спонсоров, для которых война в Чечне была символом и воплощением борьбы за утверждение исламского порядка. В частности, одним из главных распорядителей средств, направляемых

в Чечню международными радикальными исламскими организациями, считался Хаттаб.

В Дагестане во второй половине 1990-х годов на базе двух населенных пунктов была создана община, фактически вышедшая из подчинения местным властям. С ее представителями активно сотрудничали как международные исламские благотворительные фонды, так и многочисленные неправительственные исламские организации, базирующиеся в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, Иордании, а также Пакистане⁸.

Внешнее радикальное влияние на республики Северного Кавказа не могло не приводить к тому, что традиционно позитивное и в этом смысле даже не всегда сбалансированное отношение к арабским странам стало подвергаться определенной эрозии. Этому способствовали и развивающиеся отношения с Израилем, правительство которого, не заинтересованное в появлении исламских анклавов где бы то ни было, в отличие от арабских государств, с пониманием относилось к действиям федеральных сил на Северном Кавказе и к политике РФ на Балканах.

Движение маятника российской политики на Ближнем Востоке не означало полного и окончательного пересмотра всех ранее имевшихся подходов, хотя бы в силу того, что они отражали не только идеологические предпочтения, а диктовались и реальными потребностями обеспечения безопасности государства. Арабский мир по-прежнему привлекал экономически и политически, тем более что и борьба с сепаратизмом, терроризмом, исламским экстремизмом предполагала развитие отношений с арабскими странами, которые и сами сталкивались с подобными угрозами и имели определенный опыт по их нейтрализации.

Помимо таких, достаточно узко понимаемых задач, как сдерживание военных и военно-политических угроз, российская политика на Ближнем Востоке была призвана обозначить высокий международный вес РФ, ее способность проводить свой собственный, независимый курс. Попытки обеспечить проведение РФ такой линии, которая свидетельствовала бы о настойчивости в защите ею своих интересов, трансформировались в активизацию связей с различными региональными акторами, возобновление поставок оружия и поддержку государством усилий российского бизнеса. «Арабские страны по-прежнему нуждаются в российском вооружении и военной технике, традиционно пользующихся спросом благодаря высокой надежности

по сравнению с китайскими образцами и меньшей цене по сравнению с западными. По данным Центра анализа мировой торговли оружием, последние цифры (2012–2013 гг. — *И. 3.*) показывают, что арабские государства остаются важнейшими покупателями оружия, объем которого составляет 14% российского военного экспорта»⁹.

Несмотря на прилагаемые усилия, торгово-экономические отношения с арабским миром были в начале XXI в. относительно невелики и имели неустойчивый характер. Ежегодный объем торговли составлял в среднем 6,5–7,0 млрд долл. К 2011 г. объем заметно увеличился. При этом свыше 90% стоимостного объема взаимного товарообмена приходилось на экспортные поставки из РФ, т.е. торговый баланс складывался исключительно в пользу России, что вызывало и продолжает вызывать весьма негативную реакцию со стороны арабских партнеров, постоянно указывающих на дисбаланс в российско-арабских торговых связях. Существенная доля в российско-арабском технико-экономическом сотрудничестве отведена инвестиционным проектам в нефтегазовой сфере и участию российских компаний в качестве генеральных подрядчиков при выполнении заказов на возведение и обслуживание объектов капитального строительства. По некоторым оценкам, примерный объем интересов российского бизнеса в арабском регионе, в который также входят финансовые обязательства по инвестированию и стоимость выполняемых контрактов на ближайшие годы, можно оценить в 3–4,5 млрд долл. Важнейшими рынками РФ в этой сфере стали Египет и Саудовская Аравия, на которые приходилось около 80% подобных обязательств. Особенно активными в этой области предстают ЛУКОЙЛ, Газпром, Стройтранс, Роснефтегазстрой, Силовые машины, АвтоВАЗ, Тяжпромэкспорт. Следующими по значимости для России рынками были Ливия, где Технопромэкспорт в качестве генерального подрядчика работал над проектом стоимостью 600 млн долл., РЖД — стоимостью 4,5 млрд евро, а также Алжир и Сирия (объемы — по 350–400 млн долл. в каждой стране), где главными российскими подрядчиками выступали Роснефть, Союзнефтегаз, Уралмаш, Татнефть. Весомое присутствие топливно-энергетического сектора имело свои издержки в связи с тем, что он подвержен колебаниям в зависимости от динамики цен на нефть¹⁰.

Развитие экономических отношений с арабскими странами испытывало ряд объективных трудностей, связанных и со спецификой российского бизнеса. Среди них стремление сразу получить очень

большой заказ и пренебрежение к небольшим проектам, незнание местной конъюнктуры и законодательства, непрофессиональный менеджмент, не привыкший работать по международным стандартам, языковой барьер (переводчики в бизнесе полезны, но не способны выполнить всю необходимую работу). Со своей стороны арабские бизнесмены, хорошо осведомленные о неэкономических рисках в России — коррупция, прорехи в законодательстве, отсутствие гарантий защиты собственности, — предпочитали делать более надежные капиталовложения в других странах.

Хотя поддержка российского бизнеса, в том числе и на Ближнем Востоке, была провозглашена одним из приоритетов российской внешней политики, бюрократический аппарат не был приспособлен для такого рода деятельности, особенно если она не сулила немедленных выгод. И все же, несмотря на ограничители, развитие экономических связей с государствами Ближнего Востока, военный экспорт в регион в целом способствовали укреплению позиций РФ. При этом поддержание отношений с партнерами, находящимися в состоянии конфликта, не могло не приводить к конфликту различных российских интересов. Например, поставки оружия в Сирию¹ или Иран всегда вызывали резкую критику в Израиле, отношения с которым успешно развиваются и имеют собственную ценность.

За прошедшие годы России удалось вернуться на Ближний Восток. Она стала восприниматься местными государствами и глобальными силами как важный ближневосточный игрок, имеющий собственную повестку дня и обладающий сравнительно высоким уровнем влияния. Свои политические возможности Россия реализовывала в том числе в контексте ближневосточных конфликтов. Они были разными по своей структуре (межгосударственными и внутригосударственными), отличались различной ролью внешних сил, продолжительностью и влиянием на международные отношения. Для России все они так или иначе становились тестом на умение проводить соответствующую ее интересам политику, выбирать оптимальные средства реагирования.

¹ Хотя интернационализм был для КПСС идеологическим оружием и в СССР реально не соблюдался, тем не менее сам по себе он акцентировал равенство различных народов. В современной России этот принцип был, к сожалению, отодвинут на второй план даже Компартией РФ, вероятно в угоду набравшим силу националистическим настроениям в рядах ее избирателей.

² Мельников Д. Е., Томашевский Д. Г. Международные отношения после Второй мировой войны. Т. 3: 1956—1964 гг. М.: Политическая литература, 1965. С. 22—23.

³ Примаков Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. статей / Отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 24.

⁴ Kreutz A. Russia in the Middle East. Friend or Foe? Westport, Connecticut, L.: Praeger Security International, 2007. P. 14.

⁵ Телеграмма МИД СССР послу СССР в Израиле от 11 октября 1966 г.: «Сов. секретно, снятие копий воспрещается. Вне очереди» (АВП РФ. Ф. 059. Оп. 53. П. 111. Д. 500. Л. 43—44 // Ближневосточный конфликт 1957—1967. № 231. Т. 2. С. 518).

⁶ Телеграмма посла СССР в Сирии А. А. Барковского в МИД СССР:

«11 мая 1966 г. Сов. секретно

Министр (Сирии. — И. 3.) указал на имеющиеся достоверные данные о концентрации израильских и иорданских войск на сирийских границах, на курсирование американских кораблей в восточной части Средиземного моря, на подозрительную деятельность посольства Саудовской Аравии в Дамаске, поддерживающего контакты и финансирующего местные реакционные круги, на частые поездки по стране посла США» (АВП РФ. Ф. 059. Оп. 53. П. 37. Д. 166. Л. 331—334 // Ближневосточный конфликт 1957—1967. № 253. Т. 2. С. 503).

⁷ Kreitz A. Russia in the Middle East. P. 15.

⁸ См. подробно: Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: ИВ РАН, 2000. С. 46.

⁹ Senkovich V. The Arab World's Potential Importance to Russia's Economy. URL: http://RussianCouncil.ru/en/inner/?id_4=1548#top. 2013. March 18.

¹⁰ Неопубликованный материал, подготовленный Александром Филони-ком и Владимиром Исаевым.

¹¹ Подробно о российско-сирийских связях см.: Крейц А. Сирия: главный российский козырь на Ближнем Востоке. IFRI Центр Россия / ННГ. 2010. Ноябрь. Russie Nei. Visions. No 55.

Глава 2

ИРАКСКИЙ КОНФЛИКТ

Власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления.

М. Е. Салтыков-Шедрин

Иракский конфликт занимает особое место в международной политике. Иракская агрессия против Кувейта осуществлялась в контексте все еще не завершенной «холодной войны». Однако под влиянием перестройки в СССР, формирования концепции об общечеловеческих ценностях, вывода советских войск из Афганистана отношения между СССР и США стали налаживаться. Соответственно, иракскому конфликту было уже не суждено сыграть тривиальную роль в соперничестве двух сверхдержав, стремившихся к укреплению позиций через поддержку своих вовлеченных в конфликт региональных союзников.

Как известно, советско-американское противостояние имело двоякое влияние на развитие региональных конфликтов. С одной стороны, оно нередко способствовало закреплению непримиримых позиций сторон, каждая из которых осознавала свою значимость для глобального союзника и не стремилась к поиску компромисса, если только ее жестко к этому не принуждали глобальные акторы по собственным соображениям. Вовлеченность в конфликтную ситуацию великих держав на стороне своих местных союзников, как правило, не способствовала урегулированию конфликтов, придавала им затяжной характер. Высокий уровень взаимного недоверия препятствовал адекватному восприятию великими державами выдвигавшихся друг другом планов урегулирования — из-за опасений того, что их реализация принесет противоположной стороне односторонние преимущества. Хотя СССР и США обладали существенными рычагами воздействия на своих региональных союзников, зависевших от поставок оружия и экономической помощи, тем не менее непосредственные участни-

ки конфликтов вовсе не являлись послушными марионетками. У них были свои интересы, не обязательно совпадавшие с интересами США или СССР. Они нередко пытались втянуть великие державы в собственную игру, побуждая занимать жесткие позиции в СБ ООН, требуя дополнительной помощи и предоставления самых современных видов вооружений.

С другой стороны, двухполюсная структура международных отношений обладала большей устойчивостью. Существовали неписанные правила поведения, призванные не допустить эскалации конфликта до уровня прямого советско-американского столкновения. Что касается структуры конфликтов, то наиболее распространенным типом конфликтов после Второй мировой войны стали межгосударственные конфликты в зоне национально-освободительных движений — Азии, Африке, Латинской Америке. В этих конфликтах нередко имелась межэтническая и/или межконфессиональная составляющая, которая придавала им особую остроту. Достаточно вспомнить индо-пакистанский конфликт или арабо-израильский. Имели место и внутригосударственные конфликты, где этнокультурный фактор выступал на передний план.

Последним конфликтом двухполюсного мира, вызвавшим сплоченную международную реакцию, была агрессия Ирака против Кувейта. 2 августа 1990 г. иракские войска вторглись на территорию Кувейта, захватили ее и, несмотря на требования международного сообщества, оставались в захваченной стране.

Архитектором очередной военной авантюры был иракский лидер Саддам Хусейн. Он стал президентом Ирака в 1979 г. и за годы своего правления создал диктаторский режим, отмеченный жестокостью, коррупцией, отсутствием всяких противовесов. Хусейн был наследником долгой истории Ирака, в которой было много насилия и в которой лояльность была традиционно связана с трайбализмом. С 1958 г., который положил конец монархии, и до 1968 г., когда к власти пришла партия «Баас», страна пережила четыре удачных и множество неудачных переворотов. Саддам, на протяжении многих лет отвечавший за безопасность в партии и государстве, привыкший к политическим убийствам и постоянной борьбе, стал обеспечивать необходимую ему стабильность и управляемость за счет переформатирования старой системы управления.

И все же с самого начала своей карьеры Саддам, по воспоминаниям знавших его советских дипломатов, не производил впечат-

ления законченного негодяя. Он воспринимался как уверенный, располагающий к себе человек, наделенный чувством юмора, авторитарный лидер, но не параноидальный диктатор, каким он стал позже, подтвердив известную формулу, что «абсолютная власть развращает абсолютно». Соответствующие задатки у него были, и свою абсолютную власть и преданность подчиненных Саддам, принадлежавший к конфессиональному меньшинству в Ираке (суннитам), на протяжении своей политической карьеры активно создавал собственными руками. Ведущий американский специалист по странам Залива Джудит Яфе выделяла несколько направлений этого переформатирования. Он очистил партию «Баас» от интеллектуалов, видных военных и левых, обладавших собственным влиянием и привлекательностью для населения. На их место в партию пришли люди, лояльные Саддаму, которые получили образование, позиции и богатство благодаря членству в партийном аппарате. При этом сама партия, превратившаяся в инструмент управления, расширилась до 2 миллионов. Параллельно Саддам Хусейн, происходивший из провинции, где племенные, клановые и семейные связи были очень сильны, активно задействовал традиционные структуры, соединив их с военной организацией и службами безопасности. Представители его племени получили основные позиции не только в службе личной охраны президента и его семьи, но и в обеспечении безопасности важнейших объектов и программ. И наконец, члены его семьи — сводные и двоюродные братья, а позже и сыновья получили все принципиально важные посты в сфере безопасности, а также индустриального развития¹. Казалось, что эволюция режима завершилась, он окончательно закапсулировался и Саддаму Хусейну больше ничего не грозит. С внутривнутриполитической точки зрения это было верно, но внешнеполитические вызовы Саддам не только не просчитал, но, напротив, сделал все, чтобы они стали для Ирака и для его режима все более чувствительными.

Иракскому лидеру в силу особенностей его характера и в силу логики развития созданного им режима было необходимо постоянно демонстрировать силу, обосновывать претензии на особую роль в регионе, привлекать к себе внимание, чтобы заслужить если не уважение, то страх презираемых им ближневосточных элит. Прежде всего это касалось ближайших соседей — государств Персидского залива.

Вторжение в Кувейт и «Буря в пустыне»

Непосредственных причин для принятия решения о нападении на Кувейт у Хусейна было несколько. Он преследовал цель реабилитации после неудачной и кровопролитной войны с Ираном, длившейся с 1980 по 1988 г. Начавший войну Ирак так и не смог решить поставленные задачи, по его армии был нанесен существенный удар, и только нефтяные богатства позволяли не допустить полного обнищания населения. Официальная пропаганда представляла провал как «мать всех побед», а на главной площади Багдада появились арки из огромных мечей, к эфесам которых были прикреплены сетки, набитые касками погибших иранских солдат. Правда, экономические трудности нельзя было игнорировать.

Поражение Ирака было очевидно и для государств региона, и для глобальных игроков. Образ воинственной и непобедимой страны, способной нанести поражение любому противнику, главной силы Персидского залива, способной сдерживать вечного арабского оппонента — Иран, подвергся серьезной эрозии.

В освещении начального периода ирано-иракской войны советские журналисты и даже ученые были жестко связаны идеологическими и политическими установками. Особые отношения с баасистским режимом и причисление его к режимам социалистической ориентации не позволяли прямо сказать, что С. Хусейн начал военные действия против Ирана. Его поражение имело место уже в то время, когда в СССР под влиянием перестройки происходил пересмотр старых представлений о дружественных режимах и когда скрывать иракские неудачи уже не было смысла.

Триумфальный захват Кувейта, не имевшего шансов на реальное сопротивление, должен был стать своего рода реваншем для Саддама Хусейна, продемонстрировав, кто является хозяином в регионе. Операция обещала быть молниеносной.

У Ирака имелись территориальные и финансовые претензии к кувейтским лидерам. Для Саддама это была своего рода идея фикс, появившаяся у него еще в конце 1960-х годов. Он приносил советским руководителям карты, показывал на них остров Бубиян как часть Ирака и советовался с советскими лидерами, не пора ли восстановить историческую справедливость. Те, естественно, его не поддерживали, а Саддам все ждал удобного случая. Территориаль-

ный вопрос действительно имел достаточно давнюю историю и был непосредственно связан с колониальным периодом на Ближнем Востоке.

После Первой мировой войны Великобритания получила от Лиги Наций мандат на Ирак, королем которого она сделала Фейсала, младшего сына шерифа Мекки Хусейна. Это была своего рода компенсация шерифу Хусейну за несозданное арабское независимое государство под управлением Хашимитов. В ходе военных действий Великобритания пыталась заручиться поддержкой арабов, с тем чтобы мобилизовать их на борьбу против турок. Эти цели преследовала переписка Верховного комиссара в Египте Генри Макмагона с правителем Мекки шерифом Хусейном аль-Хашими, которая продолжалась с июля 1915 г. по март 1916 г. Политические требования Хусейна к Великобритании сводились к созданию независимого арабского халифата в границах Ливана, Месопотамии и Аравии².

В письмах содержалось предложение поддержать военные усилия Англии в обмен на образование вместо османских вилайетов независимого арабского государства. «Макмагон писал, что Британия признает и поддержит независимость предлагаемой арабской федерации в границах, ранее определенных шерифом Хусейном... Она будет защищать мусульманские святыне места от внешней агрессии. Она будет советовать арабам и помогать им в формировании подходящей формы управления в различных государствах, которые составят федерацию. В ответ арабы должны искать совета и поддержки только у Британии и согласиться с особыми мерами административного контроля, которые будет применять Британия в вилайетах Багдада и Басры»³. Руководствуясь этими заверениями, шериф Хусейн в 1916 г. поднял восстание против владычества Османской империи.

Обещания, данные Великобританией шерифу Хусейну, никогда не рассматривались ею как некие официальные гарантии. Более того, в это же время она вела переговоры с Францией о разделе зон влияния (соглашение Сайкса—Пико 1916 г.), а также с Россией. Россия в результате революции была исключена из «тройки», претендовавшей на раздел османского наследства, и зоны влияния Великобритании и Франции фактически распределились в соответствии с линиями, намеченными в 1916 г.

После того как Ирак получил независимость от Великобритании в 1932 г., сын короля Гази потребовал включения Кувейта в состав Ирака, утверждая, что он является искусственным и нелегитимным образованием. Новые претензии на Кувейт иракские лидеры стали выдвигать в 1961 г., после переворота Касема, совершенного в 1958 г.,

затем, в 1963 г., под влиянием обстоятельств Ирак признал независимость Кувейта. Однако представление о том, что Кувейт был когда-то частью Басры и поэтому принадлежит Ираку, осталось. В 1968 г., после очередного переворота и возвращения к власти партии «Баас», Ахмед Хасан аль-Бакр и его заместитель Саддам Хусейн потребовали от Кувейта разрешения разместить на своих границах иракские войска под предлогом защиты от Ирана. Кувейт отказался, но войска были все равно размещены и находились там около десяти лет⁴.

Таким образом, выбор Кувейта не был случайным. Он был исторически предопределенной жертвой, элементом нарратива, в соответствии с которым представал частью Ирака, нелегитимно ставшей независимым государством. Саддам Хусейн потребовал от Кувейта после ирано-иракской войны списания долга в 13 млрд долл., мотивируя это тем, что иракские войска защитили Кувейт от Ирана. Кроме того, Саддам Хусейн обвинил Кувейт и другие нефтедобывающие государства Залива в манипулировании ценами на нефть за счет намеренного увеличения ее добычи. Это лишило Ирак возможности получить нужный доход (цена снизилась до 7 долл. за баррель, а Ирак исходил из 18 долл.), чтобы оживить стагнирующую после войны экономику. Обстановка начала накаляться, когда министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направил в ЛАГ меморандум, в котором содержались прямые обвинения в адрес Кувейта, включая также и обвинения в незаконной добыче нефти в течение десяти лет из иракского месторождения Румайла на границе между двумя государствами. От Кувейта потребовали компенсации, но шейх Джабер ас-Сабах отказался выполнять выставленные требования. Так к уже имевшимся претензиям иракское руководство прибавило обвинения Кувейта в неблагодарности и заносчивости и т.п. Все это иракская пропаганда успешно доносила и до собственного населения, и до других арабских государств.

В конце июля 1990 г. Ирак сконцентрировал у кувейтской границы мощную военную группировку. 20 июля 1990 г., за две недели до нападения Ирака на Кувейт, министр обороны Израиля Моше Аренс, глава военной разведки Амнон Липкин-Шахак и директор МОССАДа Шабтай Шавит отправились в США с тайным визитом. Они встретились с министром обороны Д. Чейни и с директором ЦРУ У. Уэбстером и попытались убедить их в существовании иракской угрозы не только для Израиля, но и для Саудовской Аравии и Кувейта. Американцы в это время считали, что Хусейн, армия которого была

измотана войной с Ираном (1980–1988), не решится на очередную авантюру, и, судя по всему, не приняли всерьез израильских предупреждений⁵. Уже после начала агрессии Ирака Соединенные Штаты широко пользовались предоставленной Израилем информацией об иракской армии, ее возможностях, основных военных объектах. Есть свидетельства, что израильские представители даже предлагали свои услуги по устранению иракского президента — например, нанесение ракетного удара по его машине или по зданию генштаба⁶.

2 августа 1990 г. началось вторжение силами до 120 тыс. военнослужащих. Иракская авиация осуществляла бомбежки и налеты. Было создано «Свободное временное правительство Кувейта» во главе с проиракским деятелем полковником Ала Хусейном Али. 8 августа 1990 г. «Свободное временное правительство Кувейта» обратилось к Хусейну с просьбой принять Кувейт в лоно великой иракской родины, после чего иракское правительство объявило о включении Кувейта в состав Ирака в качестве девятнадцатой провинции.

Основным идейным орудием Ирака оставался арабский национализм. Правящая партия «Баас» была проводником этой идеологии, и именно в контексте арабского национализма Ирак выглядел лидером. Как представляется, вторжение в Кувейт позволяло ему получить поддержку арабской уличцы за пределами субрегиона, где ненависть к «людям Залива» всегда присутствовала. Их обвиняли в несправедном использовании богатств, принадлежащих по праву всему арабскому миру, в безделье и праздности. В странах Залива работали многие выходцы из арабского мира, видевшие роскошную жизнь правящей верхушки и местного населения, на которое распространялись особые привилегии. Удар по Кувейту воспринимался многими как законное возмездие.

Хусейн позиционировал себя как борца за общеарабское дело. И таким важнейшим для арабов делом оставалась палестинская проблема — проблема, неурегулированность которой была постоянным раздражителем, порождала унижительное состояние беспомощности перед лицом Израиля, оккупировавшего палестинские земли. 12 августа 1990 г. Хусейн заявил, что будет готов вывести свои войска из Кувейта в случае, если Сирия выведет свои войска из Ливана, а Израиль с захваченных территорий. Хотя названные им ситуации, естественно, отличались друг от друга, тем не менее предложенная им по пропагандистским соображениям «увязка» не могла не вызвать позитивной реакции палестинцев, поддержавших действия С. Хусейна.

Арафат, нуждавшийся в помощи и опасавшийся, что может потерять завоеванные во время интифады позиции, пошел на вынужденный, но плохо просчитанный шаг, выразив поддержку Саддаму. Улица поддержала Арафата. Тысячи палестинцев выразили желание записаться волонтерами в армию Саддама. Иордания также заняла сторону Ирака. С одной стороны, это объяснялось традиционными отношениями, а с другой — опасениями, что, воспользовавшись конфликтом, Израиль попытается оказать нажим на Иорданию и даже решить палестинскую проблему за ее счет. Проиракскую позицию в конфликте заняла Ливия, разделявшая радикализм Хусейна.

Вместе с тем арабские государства Залива начали примерять на себя судьбу соседней страны. У них не было собственной мощной, обкатанной в боях военной машины, и отказывающийся играть по общепринятым правилам Хусейн вполне мог избрать и их в качестве своей очередной цели. Раскол в арабском мире вполне мог бы совпасть с привычным расколом на глобальном уровне, но к началу 1990-х годов советско-американские отношения, да и вся философия международных отношений предыдущего периода претерпели существенные изменения. Политика перестройки, провозглашенная М. С. Горбачевым, привела к отходу от правил игры «с нулевой суммой» и к сближению СССР с Западом. Иракская агрессия против Кувейта стала в этом смысле знаковым явлением. Нет сомнений, что, предпринимая свою авантюру, Саддам Хусейн традиционно рассчитывал на поддержку СССР, на раскол в Совете Безопасности, на то, что международное сообщество не сможет противопоставить ему консолидированную позицию. Это был очень серьезный политический просчет.

Для США было важно заручиться поддержкой СССР как постоянного члена Совета Безопасности. 3 августа 1990 г. в аэропорту Внуково состоялась встреча министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Бейкера. В принятом совместном заявлении подчеркивалось: «СССР и США подтверждают свой призыв к Ираку осуществить безусловный вывод войск из Кувейта. Суверенитет, национальная независимость, законная власть и территориальная целостность кувейтского государства должны быть полностью восстановлены и обеспечены... США и СССР считают, что мировое сообщество должно не только осудить эту акцию, но и в ответ на нее предпринять практические шаги. Сегодня СССР и США идут на необычный шаг — совместно призывают все международное сообщество

присоединиться к ним и в международном масштабе приостановить все поставки оружия Ираку»⁷.

Встрече в аэропорту предшествовала нелегкая работа по подготовке совместного документа. В ней с советской стороны участвовал помощник министра С. П. Тарасенко, а с американской — находившийся проездом в Москве Дэнис Росс. По свидетельству заместителя министра иностранных дел СССР А. М. Белоногова, «совместное заявление рождалось в муках — американцев тянуло на хлесткие слова, которые, по сути ничего не давая, могли, однако, осложнить нам на будущее диалог с Багдадом. А этот канал связи надо было сохранять в рабочем состоянии. Поладили, помнится, лишь на пятом варианте, но заодно показали, что по ближневосточным делам намерены отстаивать свои интересы, а не подстраиваться под американские. За это Бейкер в своих мемуарах пустил немало стрел в адрес “арабистов из советского МИДа”. Я насчитал в его книге по меньшей мере два десятка страниц, где по разным поводам разбросаны нелестные замечания насчет “упрямства” советских арабистов и их якобы просаддамовских симпатий»⁸.

Надо отметить, что и в определенной части советского общества, вдохновленной перестройкой и гласностью, прагматичное стремление сотрудников МИДа сохранять канал связи с Хусейном могло восприниматься как традиционная советская поддержка наиболее одиозных арабских союзников, которая, как считалось, лишала политику СССР гибкости и препятствовала улучшению отношений с США.

На деле позиции СССР и США в отношении необходимости прекращения иракской агрессии совпадали. Но они не были идентичными. На встрече М. С. Горбачева с Дж. Бушем в Хельсинки 9 сентября 1990 г. стало очевидно, что СССР все же отдавал предпочтение политическим методам, не возражая и против экономических санкций, а США были настроены на военное давление. СССР предложил провести международную конференцию, на которой предполагалось рассмотреть все основные конфликты на Ближнем Востоке, но эта идея не нашла поддержки у США.

Начиная с августа 1990 г. США постепенно наращивали свои силы в зоне Залива. Они заручились согласием короля Саудовской Аравии на размещение американских войск и ВВС, президент Египта Мубарак разрешил использовать воздушное пространство своей страны, а через Суэцкий канал прошла американская авианосная группа. К январю 1991 г. в антииракскую коалицию вошло 26 государств.

29 ноября 1990 г. СБ ООН принял резолюцию № 678, в соответствии с которой против Ирака можно было использовать все необходимые средства, если только он не покинет Кувейт к 15 января 1991 г.

США и союзники начали стягивать в Залив свои войска. Действия Вашингтона подтвердили особую значимость Ближнего Востока в американском планировании. По мнению командующего СЕНТКОМ генерала Энтони Зинни, «хотя я и был приписан к европейскому командованию США, я увидел, что основная часть нашего оперативного внимания была сконцентрирована на ближневосточных конфликтах. Еще более удивительным был тот факт, что это осуществлялось, когда распадался Советский Союз и когда мы не стремились к серьезным делам в нашей собственной сфере ответственности. Все это свидетельствовало о хронических конфликтах в регионе, которые могут отвлекать наше внимание и наши обязательства, даже если другие критически важные события требуют концентрации наших усилий. Для меня 1991 год был только началом нашей вовлеченности в ближневосточные конфликты, которая будет длиться до сегодняшнего дня»⁹.

Для СССР регион Ближнего Востока был также очень важен — он представлял традиционную сферу его влияния, у СССР здесь имелись союзники и интересы.

Оценка угрозы, созданной в результате агрессии Ирака против Кувейта, у советского и американского руководства все же совпала, что обеспечило их взаимодействие в СБ ООН и принятие соответствующих мер. По мере развития кризиса в отношениях СССР и США проявились трения и разногласия. Это объяснялось как острым взаимным недоверием, лишь с трудом начавшим уступать пониманию о наличии общих интересов, напористым стилем американской политики и готовностью к масштабному использованию военной силы, так и особенностями развития внутривнутриполитической ситуации в Советском Союзе, острой идейной и политической борьбой, предшествовавшей его распаду.

В СССР не существовало единого подхода к тому, какую позицию следует занять в отношении Ирака. Острые дебаты во время иракской агрессии против Кувейта стали возможны в результате процесса демократизации советского общества, когда за открыто высказанным критическим мнением уже не следовали репрессии. Государственные институты в результате проведенных выборов перестали быть лишь механизмом одобрения принимаемых решений. Они предоставили

трибуну людям с разными взглядами и превратились в место дискуссий. В этой связи внешнеполитические решения, никогда ранее не обсуждавшиеся в обществе (достаточно вспомнить общественное молчание в ответ на ввод войск в Афганистан), стали важнейшими вопросами в общественной повестке дня. И наконец, общая политизация общества и одновременно его поляризация обусловили как высокий накал страстей, так и особый символизм происходящего.

Вокруг ситуации в Персидском заливе столкнулись два условных политических тренда, каждый из которых включал в себя достаточно широкий разброс мнений и позиций. Первый, получивший название «атлантизм», персонифицировался теми, кто выступал за развитие отношений с Западом в качестве залога для политической и экономической модернизации через деидеологизацию внешней политики. В качестве оппонентов выступали силы достаточно широкого спектра: одни настаивали на том, что СССР должен проводить самостоятельную линию и что слишком тесное сотрудничество с Западом может привести к серьезным имиджевым и политическим потерям (негативное отношение радикальных арабских режимов к советскому политическому выбору лишь подкрепляло позиции этого лагеря), другие были склонны обвинять во всем «сионистский заговор», особенно с учетом потепления в отношениях с Израилем и большой волны еврейской эмиграции из СССР.

Те, кто выступал против горбачевских реформ и улучшения отношений с Западом, не обязательно были поклонниками Хусейна, но рассматривали нежелание советского руководства поддержать иракского лидера как маркер новой внешней политики, которая, с их точки зрения, означала готовность СССР пожертвовать своими союзниками, экономическими интересами, позициями, влиянием на Ближнем Востоке (и не только) в обмен на сближение с США, остававшимися в их глазах главным противником. Не случайно уже после распада СССР к пережившему «Бурю в пустыне» Саддаму Хусейну продолжалось паломничество коммунистических лидеров и активистов из России и из других республик СНГ. Навещал Хусейна и чутко ориентирующийся на политическую конъюнктуру В. Жириновский. Некоторые утверждали, что Хусейн мог финансировать ряд политиков. Таких данных у автора нет, но несомненно, что Хусейн оставался для российских и других консерваторов символом уходящей советской великодержавности, он пробуждал ностальгию по тем временам, когда СССР и США на равных делили сферы влияния в различных регионах.

Надо признать, что и само советское руководство необдуманными действиями и заявлениями также навлекло на себя критику. Неосторожное заявление тогдашнего министра иностранных дел Э. Шеварднадзе о возможности посылки советского контингента в зону Залива для участия в многонациональных силах вызвало резкую негативную реакцию в обществе, все еще находившемся под влиянием «афганского синдрома». Многие семьи еще оплакивали своих близких, погибших в Афганистане, в плену у афганских моджахедов еще находились советские солдаты и офицеры, а те, кто вернулся с войны, с трудом приспосабливались к мирной жизни. Не менее серьезным фактором, который вызвал негодование в отношении Шеварднадзе, был вопрос о возможном взятии Саддамом Хусейном заложников. В то время в Ираке работали сотни советских специалистов, и в обществе существовала озабоченность относительно их судьбы — люди не исключали, что антииракская позиция СССР может осложнить их положение. На четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 октября 1990 г. Э. А. Шеварднадзе попытался утихомирить страсти¹⁰, но было уже поздно. 11 декабря 1990 г. на Съезде народных депутатов (высший орган государственной власти РСФСР/Российской Федерации с 16 мая 1990 по 4 октября 1993 г.) парламентская фракция «Россия» внесла проект обращения к президенту СССР и Верховному Совету СССР, в котором выразила озабоченность развитием военных и политических событий в Заливе, а также потребовала предотвратить вовлечение СССР в военный конфликт. Реально такой опасности не было, но отказ либерально настроенных депутатов голосовать за обращение (они считали, что могут быть подорваны престиж президента, а также взаимопонимание между СССР и США) был преподнесен консерваторами как показатель антипатриотизма демократов и свидетельство опасного содержания «нового мышления».

О взаимосвязи внешней и внутренней политики свидетельствовали и события августовского путча 1991 г. Ближний Восток в глазах путчистов был тем полем, где отход от советско-американского сотрудничества стал бы очевидным, но менее политически затратным делом, чем осложнение двусторонних отношений. Демонстрация поддержки Хусейна могла бы интерпретироваться старыми советскими клиентами на Востоке как возвращение СССР на прежние идейные рельсы. Не случайно первая делегация, сформированная путчистами, была направлена в Ирак, к Саддаму Хусейну, войска которого к тому времени были выбиты из Кувейта.

Очевидно, надеясь по-прежнему играть на советско-американских противоречиях, поддержку путчу выразил не только Саддам Хусейн, но и Муамар Каддафи и некоторые радикальные палестинские лидеры. По-своему они оказались правы в выборе союзников, хотя явно поспешили, поставив на людей, не имевших политического будущего. Пройдет более десяти лет, и осуждение Россией вторжения США и союзников в Ирак в 2003 г. не сможет остановить Дж. Буша, что стоило жизни Саддаму Хусейну, а позиция РФ относительно резолюции по Ливии в 2011 г., когда союзники обеспечивали «бесполетную зону», приведет к поимке и смерти Каддафи.

Надо заметить, что различия в позициях проявлялись и на уровне личностей и институтов, вовлеченных в процесс принятия решений в СССР. Фактически вырисовывалось два подхода — сторонники одного из них были готовы к сближению с США, которое они противопоставляли неминуемой конфронтации. Другие пытались определить поле совпадающих интересов, а там, где они не совпадали, обеспечивать первоочередные российские интересы, не сползая к конфронтации.

Так, значительные разногласия имелись в подходах МИДа и представителя президента СССР Е. М. Примакова. Они объяснялись, судя по всему, разными причинами. И ревнивым отношением Шеварднадзе к Примакову, и отсутствием у министра глубоких знаний о Ближнем Востоке, не говоря уж о психологии восточных лидеров, наконец, большей прямолинейностью в подходах к международным отношениям. Так, он считал ненужными контакты с Саддамом Хусейном, хотя именно в результате контактов Е. М. Примакова с иракским лидером удалось добиться эвакуации советских специалистов.

Евгений Максимович Примаков, хорошо знавший Саддама Хусейна, был в это сложное время назначен представителем президента СССР и пытался найти политический выход из кризиса, акцентируя самостоятельную роль Советского Союза. Судя по всему, Саддам Хусейн рассчитывал на то, что СССР, по крайней мере, не станет требовать от него немедленного вывода войск из Кувейта. Кроме того, он полагал, что США сами заинтересованы в сохранении его режима и не решатся на военную операцию. Е. М. Примаков так вспоминает о своих встречах с иракским лидером: «Я виделся с Саддамом Хусейном трижды во время кувейтского кризиса, и каждый раз возникала мысль, что он верит: все уладится. Сначала он прямо говорил, что жесткая американская реакция — это не больше чем блеф, так как США

не захотят в сложившейся ситуации использовать свои вооруженные силы. Потом, когда уже начались бомбардировки, Саддам верил, что этим дело ограничится, так как США “не пойдут на наземную операцию”»¹¹.

Помимо встреч с С. Хусейном, Примаков вел переговоры и со многими заинтересованными сторонами — с президентом США и сотрудниками его администрации, с западными лидерами. Хусейн подчеркивал особую значимость для него палестинской проблемы, и Примаков предложил Д. Россу во время своего визита в США идею довести до сведения иракского лидера, что после вывода его войск из Кувейта будет проявлена активность по урегулированию палестинской проблемы. По мнению Росса, Израиль на это не пошел бы¹². Пройдет меньше двух лет, и Израиль сядет за стол переговоров с ООП, которые приведут к взаимному признанию и подписанию «Декларации принципов» в 1993 г. Операция «Буря в пустыне» сыграет в таком повороте особую роль.

В военном отношении «Буря в пустыне» стала примером успешной операции. За несколько дней во второй половине января 1991 г. авиация многонациональных сил нанесла мощные удары по коммуникациям, скоплениям войск, складам, пунктам управления и пусковым ракетным установкам. На вспомогательных направлениях при переходе к наземной фазе операции действовали египетские, кувейтские и саудовские войска во взаимодействии с 7-м армейским корпусом США и морской пехотой. Они вступили в столкновения с иракскими войсками на территории Кувейта. Американские формирования, усиленные десантом, достаточно быстро углубились на территорию Ирака. Массовая сдача иракских соединений, успешно сопротивлявшихся коалиционным войскам в районе Эль-Кувейта, началась 25 февраля, когда они оказались отрезанными от основных сил. За два следующих дня иракцы были вытеснены из Эль-Кувейта, а многонациональная группировка продолжила успешное продвижение по иракской территории. 28 февраля иракские войска прекратили сопротивление по всему фронту. Военная операция была успешно завершена.

«Буря в пустыне» продемонстрировала успех США в создании весьма широкой и разноплановой коалиции, их позиции в арабском мире укрепились, но отношения с основным союзником — Израилем оказались напряженными. В первые же дни американские руководители сообщили Израилю, что массированные авиаудары по авиабазам и ракетным установкам в западной части Ирака лишили иракскую ар-

мию возможности запуска ракет (израильтяне опасались, что Хусейн, чтобы отомстить США, направит ракеты с химическими боеголовками на израильские цели).

Американцы явно лукавили: уничтожить пусковые установки было невозможно. Израильские пилоты тренировались в Негеве на муляжах и пришли к выводу, что искать их в пустыне — все равно что иголку в стоге сена. Вряд ли США и союзники были готовы отвлекать боевые самолеты на бессмысленные поиски. 18 января первые ракеты «Скад» достигли Тель-Авива и Хайфы. Предупреждения не сработали. Сирены прозвучали только за полторы минуты до атаки. Запуски были засечены американскими спутниками, но информация с них передавалась Израилю кружным путем, через Австралию и базы ВВС в Колорадо, не менее трех минут. У израильского руководства не осталось времени, чтобы предупредить своих граждан. Даже министр обороны Аренс был застигнут врасплох. Госсекретарь Бейкер и министр обороны Чейни позвонили в Израиль. Узнав, что ракеты не несли химических зарядов, они немного успокоились. Настроение израильтян было прямо противоположным. Аренс заявил, что израильские ВВС непременно нанесут ответный удар и Бейкер сам должен уладить это с арабскими соседями Израйля, попросив их предоставить воздушное пространство для пролета израильских самолетов. Бейкер решительно сопротивлялся. Аренс требовал немедленной поставки ракет-перехватчиков «Пэтриот» вместе с расчетами. Израильские военные были невысокого мнения об этих перехватчиках, но руководство страны, удерживаемое от военных действий, должно было продемонстрировать населению готовность его защитить. 19 января после очередной атаки генерал Давид Иври по спецсвязи сообщил в Вашингтон, что Израиль готовит воздушную и наземную операции и может предоставить США координаты и коды. Заместитель госсекретаря США, ведущий эту беседу, заявил, что вопрос должен решаться на высоком политическом уровне. «Тогда, — заявил Иври, — я вообще не дам вам никакой информации»¹³. Дело приняло столь опасный оборот, что Буш лично позвонил Ицхаку Шамиру и объяснил ему, что израильские действия могут привести к развалу антииракской коалиции.

В течение войны по Израилю было выпущено 39 ракет. Они не несли химических зарядов и представляли собой устаревшие образцы советского оружия, где вместо начинки использовался цемент. Ущерб они не нанесли, но психологическая травма для Израйля была очень ощутимой. Впервые за всю свою историю Израиль под-

вергся нападению и не мог нанести ответный удар. Несмотря на оказываемое на него давление в правительстве, Шамир отказался что-либо предпринимать без координации действий с США. Опасения, что Саддам использует химические боеголовки, сохранялись в Израиле до конца войны. Несмотря на то что за Саддамом закрепилась репутация «безответственного политика», он, судя по всему, прекрасно отдавал себе отчет в том, до какого предела можно было раздражать Израиль. Израиль, как сообщала спутниковая разведка США, даже привел в состояние повышенной боевой готовности свои ядерные силы. 2 февраля 1991 г. Р. Чейни предупредил Саддама, что в случае использования химического оружия Израиль ответит неконвенционным оружием¹⁴. Судя по всему, израильская «бомба в подвале» оказала в данном случае сдерживающее влияние на Ирак. США поставили Израилю комплексы ракет-перехватчиков «Пэтриот» с американскими расчетами. Эти комплексы сыграли скорее психологическую, чем реальную боевую роль. Они смогли перехватить лишь несколько ракет.

К 28 февраля 1991 г. Кувейт был полностью освобожден, иракская армия разбита и Буш объявил о прекращении огня. С точки зрения США и Израиля, «Буря в пустыне» была незаконченным делом. Саддам Хусейн остался у власти, хотя по военной машине Ирака был нанесен сильный удар.

То обстоятельство, что иракский конфликт поменял привычный вектор развития отношений между СССР и США, не означало отсутствия разногласий. Они касались и различной интерпретации отдельных положений резолюции № 687, и деятельности Спецкомиссии, и вопроса о снятии санкций, и разочарования в Москве, вызванного конкретными действиями США. Каждая из перечисленных проблем заслуживает особого рассмотрения. Однако главное все же состояло в том, что реакция сторон на агрессию Ирака была сходной, хотя и не идентичной. Обозначив окончание «холодной войны», этот конфликт впервые поставил вопрос о возможности отхода от практики использования конфликтов в целях соперничества великих держав в рамках «игры с нулевой суммой».

Позиция СССР, несмотря на существовавшие в советской элите различные точки зрения, позволила в обмен на уступки сохранить динамизм в советско-американских отношениях и открыла возможность для совместной деятельности с США, в том числе и по созыву мирной конференции по ближневосточному урегулированию в Мадриде под сопредседательством обеих держав.

Операция «Иракская свобода»

Вторжение американцев в Ирак в 2003 г. во главе созданной ими коалиции осуществлялось в условиях нового баланса сил. К тому времени СССР уже давно перестал существовать, а внимание России от Ближнего Востока отвлекали внутривнутриполитические проблемы, сложная и напряженная ситуация на постсоветском пространстве. Новым вызовом международной безопасности стала атака террористов 11 сентября 2001 г., направивших захваченные самолеты внутренних американских линий на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, а также на здание Пентагона в Вашингтоне. Один из лайнеров потерпел крушение в Пенсильвании. Реакцией США и союзников стала получившая мандат ООН операция «Несокрушимая свобода» в Афганистане. Предлогом для вторжения стала информация об участии террористической организации «Аль-Каида», базировавшейся в Афганистане, в подготовке терактов.

Соединенные Штаты, впервые столкнувшись со столь серьезной террористической угрозой, могли, как надеялись некоторые представители российской политической элиты, с большим пониманием отнестись к действиям России в Чечне, которые руководство РФ позиционировало как борьбу с международным терроризмом. Нападение на Америку, казалось, по-иному высвечивало деятельность чеченских «борцов за свободу», получавших средства и поддержку от экстремистов из Иордании и Саудовской Аравии. Надежды на смягчение американской позиции по чеченскому вопросу оказались тщетными.

Другое дело — Афганистан. Постоянная нестабильность, наличие там серой зоны, где готовились боевики, производились наркотики, воспитывались кадры исламистских радикалов, определяли заинтересованность России в наведении в опасной стране хотя бы минимального порядка. И хотя было ясно, что быстро справиться с хаосом давно распавшейся государственности не удастся, тем не менее борьба коалиции с талибами все же была лучше, чем ничего.

Не исключено, что в подходе некоторых российских руководителей к операции «Несокрушимая свобода» присутствовали воспоминания о трагическом опыте в Афганистане. Когда-то США через Пакистан помогали афганским моджахедам бороться с советскими войсками. Результатом стало свержение относительно модернизированного режима Мохаммеда Наджибуллы, новый этап гражданской войны и приход к власти выпестованных пакистанскими спецслужба-

ми талибов. Что ж, пришла очередь США пожинать все последствия такой политики. Но при этом нельзя было не признать, что Вашингтон взял на себя грязную работу в Афганистане и делал ее не только за себя, но и за других.

И все же отношение российской элиты к американскому присутствию было далеко не однозначным. Большинство в парламенте, военном и политическом сообществе, прессе и академическом мире заняло выжидательную или отрицательную позицию. Критики указывали на то, что продвижение США к российским границам носило целенаправленный характер, что США вновь взяли на вооружение принцип окружения России базами и вовлечение в военные союзы ее непосредственных соседей, что необходимость пребывания США в Центральной Азии, где их никогда ранее не было и быть не могло, весьма сомнительна и что, наконец, американцы никогда уже не уйдут из этого региона.

Между тем России было нечего противопоставить американским обещаниям местным режимам. Надежды на помощь, на расширение сотрудничества, на получение щедрой платы за использование объектов определяли заинтересованность руководства центральноазиатских государств в американском присутствии. Перед ними открывалось свое «окно возможностей» — у некоторых местных режимов создавалось впечатление, что США будут готовы взять на себя обязательства по обеспечению безопасности своих новых друзей.

В российском политическом истеблишменте вновь проявилось противостояние сил, называющих себя национально-патриотическими, с силами, ориентирующимися на развитие сотрудничества с Западом, и прежде всего с США. Решение российского руководства принять активное участие в усилиях международной антитеррористической коалиции (за исключением военных действий) было продиктовано прагматическими соображениями. Выбор в пользу сотрудничества с Западом совмещался с задачей восстановления позиций России в районах ее традиционного влияния. Ограниченность выбора определялась тем, что он имел место в условиях нараставшего соперничества, которое порой перечеркивало для основных игроков несомненные выгоды от кооперации, порождало подозрения не только у России, но и у Китая, внимательно следившего за новой расстановкой сил.

Хотя задача борьбы с международным терроризмом была общей для всех государств региона и внешних игроков, это не означало пол-

ного совпадения интересов и подходов. Термин «международный терроризм» оставался весьма размытым. Полностью под него подходила только деятельность «Аль-Каиды» — организации с глобальной повесткой дня. Борьбу с многочисленными локальными экстремистскими или радикальными организациями по-прежнему вели местные режимы, однако появление «международного терроризма» теперь позволяло расширить представления о его приверженцах. Всевозможные этнические организации, выступающие с политическими требованиями, представители оппозиции и любые силы, не вписывающиеся в политический мейнстрим, можно было при желании заклеить как наемников международных террористов. Терроризм представляет серьезную угрозу, но борьба с этим злом, очевидно, должна носить комплексный характер и не может быть сведена лишь к военному компоненту. Кроме того, терроризм не должен использоваться как предлог для военного решения политических задач (ярким примером стал ввод американских войск в Ирак). Совместная борьба с терроризмом обозначила возможность совместных действий и наличие совпадающих интересов, но взаимопонимание между РФ и США просуществовало недолго. Оно не имело перспектив в условиях, когда США продолжали политику вытеснения России из зон ее жизненно важных интересов, игнорируя мнение российского руководства по важнейшим вопросам.

После трагических событий 11 сентября 2001 г. глобальная стратегия США, в том числе их политика в Персидском заливе, изменилась. 30 января 2002 г. в ежегодном послании «О положении страны» Дж. Буш-младший впервые заговорил о существовании «оси зла», куда входят Иран, Северная Корея, Ирак. «Ирак по-прежнему открыто демонстрирует свою враждебность к Америке и поддержку террора. Иракский режим вот уже более десятилетия работает над созданием и бациллы сибирской язвы, и боевого отравляющего вещества нервно-паралитического действия, и ядерного оружия. Этот режим уже применял отравляющее вещество с целью умерщвления тысяч собственных граждан... Это режим, который согласился на международные инспекции — а затем выкинул инспекторов из страны. Это режим, которому есть что скрывать от цивилизованного мира. Государства, подобные этим, и их террористические союзники представляют ось зла, вооружаясь для того, чтобы угрожать миру во всем мире. Стремясь к обладанию ОМП, эти режимы представляют смертельную и растущую опасность. Они вполне могли бы дать это оружие террористам, дать им средства, сопоставимые с их ненавистью. Они мог-

ли бы напасть на наших союзников или попытаться шантажировать Соединенные Штаты. В любом из этих случаев цена безразличия будет катастрофической»¹⁵. Перенесение акцента на Ирак как источник особой угрозы международному миру было в послании совершенно очевидно.

Речь американского президента вызвала критическую реакцию РФ. В отличие от Афганистана, где сотрудничество с Россией играло для США основную роль, в вопросах об Ираке и Иране администрация не считала необходимым учитывать российскую позицию. «Очевидно, что никаких консультаций с Москвой перед тем, как Буш заклеил “ось зла” в феврале 2002 г., не было, и Путин, чтобы понизить градус, попытался представить его речь как эмоциональную, преследовавшую внутривнутриполитические цели. А Сергею Иванову в качестве министра обороны было поручено дать понять, что Россия не поддержит военную акцию США против Ирака. Чтобы предотвратить ситуацию, которая приведет к серьезной напряженности в отношениях с Вашингтоном, Россия продолжала продвигать политическое решение проблемы в рамках ООН. Если политические методы не дадут результатов, реакция Москвы на военные действия США против Багдада все же могла бы быть сдержанной, в особенности если Кремль получит гарантии, что любой новый иракский режим будет защищать российские экономические интересы»¹⁶. Такая оценка российских подходов, данная западным политологом Алексом Правдой, представляется неточной. Она сводила все озабоченности РФ исключительно к ее отношениям с США. Эта тема была очень важной, но не единственной. Неспровоцированный удар по Ираку, преследующий цели свержения неугодного режима, приносил в международные отношения опасный тренд — реабилитацию силы и вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Кроме того, удар по Ираку грозил не только дестабилизировать ситуацию в этой стране, но и серьезно повлиять на всю систему региональных отношений.

С начала 1990-х годов Ирак не представлял угрозы — он жил в условиях международных санкций, включавших три основных эмбарго: на продажу оружия этой стране, на продажу ею своей нефти и, наконец, на экономические контакты. Если военные поставки действительно полностью исключались, то по другим направлениям санкций подход мирового сообщества был более гибким, ибо чрезмерная жесткость в их реализации негативно отражалась на положении иракского народа. СБ ООН одобрил введение программы «Нефть в обмен

на продовольствие», разрешившей Ираку импортировать продукцию гуманитарного назначения. Ее номенклатура была расширена после принятия в 1995 г. резолюции СБ ООН № 986. В декабре 1999 г. резолюция № 1284 увеличила объемы нефти, которые Ираку разрешалось экспортировать. В результате увеличения производства нефти и объемов ее экспорта Багдаду удалось аккумулировать на счетах ООН значительные суммы.

Экономические санкции были жестко связаны с программой разоружения Ирака. В соответствии с резолюцией СБ ООН № 687 от 3 апреля 1991 г. они должны были сохраняться до тех пор, пока Багдад не продемонстрирует полное свертывание работ по разработке и производству ядерного, биологического и химического оружия, а также ракетных систем дальнего радиуса действия¹⁷. Для обеспечения контроля за выполнением Ираком требований СБ в сфере разоружения в стране работали инспекторы ООН (1991–1998).

За это время комиссия обнаружила и уничтожила большое количество химического оружия, баллистических ракет, а также фабрик и учреждений, связанных с их производством. В свою очередь МАГАТЭ ликвидировало инфраструктуру для программы производства иракского ядерного оружия и вывезло из страны основные запасы соответствующих материалов.

Отношения режима Садда Хусейна с инспекторами складывались не гладко. Багдад, в частности, не допускал их на ряд объектов, взял на вооружение тактику проволок, обвинял руководство Спецкомиссии в том, что на самом деле оно преследует цели, не подпадающие под мандат ООН. Иракские власти полагали, что комиссия занималась не только выявлением объектов, на которых могли бы производиться работы по ОМУ, но и следила за Хусейном и его окружением, собирая сведения, которые могли пригодиться США в случае нового удара по Ираку. В 1997 г. начался очередной кризис в отношениях Хусейна со Спецкомиссией. Тогда при активной роли России его удалось преодолеть, но в 1998 г. Ирак вновь потребовал прекратить работу инспекторов, которые в декабре того же года покинули страну.

Багдад намеренно пошел на конфронтацию с ООН, потребовав жесткой увязки снятия санкций с возвращением инспекторов. Он опасался, что Спецкомиссия не намерена закрывать ни одного досье (ядерного, биологического, химического, ракетного), даже убедившись в отсутствии следов разработки и производства оружия. Дейс-

твительно, Спецкомиссия требовала от Ирака отчета по всем досье одновременно. В этих условиях перспектива снятия экономических санкций выглядела для Хусейна все более призрачной. Значительная часть международного сообщества, и прежде всего Россия, все больше склонялась к тому, что при соблюдении Ираком всех резолюций СБ ООН и сохранении мониторинга над военными программами надо постепенно закрывать досье по тем видам ОМУ, в отсутствии которых у Ирака Спецкомиссия убедилась, и снимать экономические санкции. Вместе с тем вызывающее нежелание багдадского режима сотрудничать со Спецкомиссией, какими бы соображениями оно ни мотивировалось, рассматривалось США и Великобританией как основание для военного давления на Ирак.

Во второй половине 1990-х годов США, осуществляя постоянный военно-политический нажим на Ирак, не решили главной амбициозной задачи, поставленной в свое время перед администрацией конгрессом, — свержения режима Хусейна. Стремление расправиться с ним было у Вашингтона еще во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г. Тогда эта задача, выходявшая за рамки мандата ООН, выполнена не была, и с тех пор в американской политической элите не раз говорили о «незаконченном деле» в Персидском заливе.

Для администрации Буша-младшего свержение иракского режима представлялось не только государственным, но и своего рода семейным делом: Дж. Буш-старший был архитектором «Бури в пустыне», и, по имеющимся в США сведениям, Хусейн организовывал на него покушение. Судя по многочисленным комментариям, свержение иракского режима, подготовка к которому формально шла в рамках антитеррористической борьбы, было призвано способствовать решению более широких задач — изменению политической карты региона (за Хусейном могли последовать другие авторитарные режимы), а также стабилизации цен на нефть и обеспечению поставок этого энергетического сырья, не подверженных конъюнктуре. Американский подход к Ираку в плане выполнения непосредственных военных задач формировался и под влиянием успешно проведенной операции в Афганистане. Это не означало, однако, полного единодушия: некоторых видных представителей администрации, видимо, смущали вероятные последствия, включая возможность распада Ирака, негативной реакции в арабском мире, обострение отношений с рядом европейских союзников и Россией, а в итоге — развал анти-террористической коалиции.

Конгресс США принял резолюцию, позволяющую действовать и без предварительного одобрения ООН, тем не менее в Вашингтоне сочли нежелательным обойти эту организацию. В начале октября 2002 г. США и Великобритания внесли в СБ ООН проект резолюции по Ираку, которая предусматривала «жесткий мандат» для международных инспекторов, а также немедленные последствия для Хусейна в случае отказа от сотрудничества с Комиссией ООН по разоружению, контролю и инспекциям — ЮНМОВИК. Последняя была создана в декабре 1999 г. вместо Спецкомиссии ООН. Американско-британский вариант резолюции вызвал серьезные дебаты в Совете Безопасности. Категорически против документа, который не оставлял багдадскому режиму никаких шансов и означал автоматическое применение силы, выступили Россия, Франция и Китай. Москва заявила о том, что вообще не видит необходимости в новой резолюции по Ираку и следует прилагать все усилия для возвращения международных инспекторов. Франция предлагала принять две резолюции: первая касалась отправки в Ирак инспекторов по разоружению, а вторая — применения силы в случае, если Багдад нарушит первый документ.

Вашингтон и Лондон не устраивали ни российская, ни французская позиция, но создавать политический кризис Буш-младший не хотел. Первоначальный проект резолюции был отозван, и вместо него в конце октября был представлен новый вариант. Касательно прав инспекторов ЮНМОВИК и их взаимодействия с иракским режимом он по сути остался довольно жестким, ибо включал очень широкие полномочия для их деятельности; иракское правительство должно было открыть любые объекты для посещения группы ООН. Инспекторы могли забирать и уничтожать любые подсистемы, компоненты и накопители информации, свертывать производства, объявлять зоны, закрытые для полетов авиации и движения автотранспорта, и т.п. «ЮНМОВИК и МАГАТЭ должны иметь неограниченное право въезда в Ирак и выезда из Ирака, право на свободное, неограниченное и немедленное прибытие на inspectируемые объекты и убытие с этих объектов и право inspectировать любые объекты и здания, включая право на незамедлительный, беспрепятственный, безоговорочный и неограниченный доступ к президентским объектам, равный доступу на другие объекты»¹⁸. Они наделялись также правом осуществлять в случае необходимости опросы лиц, причем не только в Ираке, но и вывозить их за рубеж и проводить с ними интервью без присутствия иракских наблюдателей. Исполнительному директору ЮНМОВИК

и генеральному директору МАГАТЭ предписывалось немедленно докладывать СБ ООН о любых фактах вмешательства Ирака в деятельность инспекций, а также о нарушениях его обязательств по разоружению. В проекте резолюции содержалось положение об употреблении против Ирака всех необходимых средств, если его власти будут чинить препятствия международным инспекторам или иным образом нарушать резолюции ООН. После дебатов СБ ООН принял 8 ноября 2002 г. резолюцию № 1441, которая не предусматривала автоматического применения военной силы против Ирака. США и Великобритания были вынуждены согласиться на такой смягченный вариант.

Парламент Ирака отказался принять резолюцию. Это сделали Совет революционного командования и партия «Баас» 13 ноября 2002 г. Так Хусейн драматизировал ситуацию и выказал готовность прислушаться к требованиям международного сообщества, которые, дескать, побудили его «пойти наперекор» своему парламенту. Приблизительно за месяц до этого, 15 октября 2002 г., в стране был организован референдум по переизбранию Хусейна на семилетний срок. В очередной раз иракский президент продемонстрировал всему миру почти абсолютную народную поддержку режима, особенно перед лицом надвигающейся войны. 18 ноября 2002 г. в Ирак прибыла передовая группа инспекторов ООН. В декабре Багдад предоставил доклад со списком всех объектов, где находятся запрещенные вооружения или осуществляются программы их производства.

В декабре 2002 г. Вашингтон выдвинул «Инициативу ближневосточного партнерства», призванную развеять бытующие среди арабов представления о том, что на Ближнем Востоке Америку заботят только нефть и защита Израиля, а арабские интересы она игнорирует. В рамках инициативы США были намерены продвигать демократию и предоставить средства для совместной работы с правительствами и народами арабского мира, чтобы расширить экономические, образовательные и политические возможности¹⁹. В условиях наращивания военного присутствия в Персидском заливе в контексте подготовки операции против Ирака новая инициатива выглядела попыткой амортизировать негативную реакцию арабов на политику США в регионе.

В январе 2003 г. приготовления к войне продолжались на фоне яснее обозначавшихся разногласий между США и их европейскими союзниками — Францией и Германией. 28 января 2003 г. в ежегодном послании президент Буш-младший обвинил Хусейна в нежелании разоружаться и в связях с «Аль-Каидой». Он призвал к созыву СБ ООН

5 февраля 2003 г., где выступил бы госсекретарь США с доказательствами наличия у Ирака нелегальных военных программ, его попыток утаить ОМУ от инспекторов ООН и связей с террористами. Относительно дальнейших действий США Буш заявил: «Мы будем консультироваться. Но пусть станет ясно: если Саддам Хусейн полностью не разоружится, то во имя безопасности нашего народа и мира во всем мире мы возглавим коалицию, чтобы разоружить его»²⁰.

Столкнувшись с противодействием России, Франции, Германии и Китая, США предпочли больше не обсуждать вопрос о войне в Ираке в СБ ООН, и 19 марта 2003 г. президент Буш-младший объявил о начале там военных действий. После нескольких дней бомбардировок американо-британская коалиция приступила к наземной фазе операции.

В целом на общественном уровне в России реакция на наступление союзников была негативной. Высказывались опасения, что операция приведет к большим жертвам среди мирного населения, что взятие Багдада будет катастрофой. Осуждению вторжение подверглось и со стороны российских мусульман, часть которых впервые за много лет заняла явную политическую позицию. Так, верховный муфтий России, председатель Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) Талгат Таджуддин выступил за объявление джихада США. Между тем председатель Совета муфтиев России (СМР), председатель президиума Духовного управления мусульман европейской части России муфтий шейх Равиль Гайнутдин заявил, что его организация объявлять джихад Соединенным Штатам не намерена. Мусульмане России не объявляют джихада, несмотря на то что ситуация в Ираке обостряется. Мы должны быть реалистами, — заявил лидер СМР. — Достаточно того, — добавил он, — что джихад Америке объявил иракский лидер Саддам Хусейн». На взгляд Равиля Гайнутдина, «религиозные деятели не должны заниматься популизмом и политиканством, вместо этого им следует молить Всевышнего о прекращении страданий иракского народа»²¹.

Несмотря на сопротивление на юге страны, войска союзников довольно быстро продвигались к Багдаду, который заняли за несколько дней. Произошла дезинтеграция режима Саддама Хусейна. 1 мая 2003 г. президент США объявил об окончании войны. Однако труднее оказалось поддерживать порядок в стране, над которой партия «Баас» и структуры безопасности ранее обеспечивали полный контроль.

В Ираке нашлось немало свидетельств зверств и жестокостей режима Хусейна. Вместе с тем военная операция воспринималась

значительной частью мирового общественного мнения как недостаточно мотивированная. Американские аргументы в пользу военных действий к осени 2003 г. не получили подтверждения. Запасов оружия массового уничтожения у Хусейна к 2003 г. уже не было, а обвинение в связях с «Аль-Каидой» светского националистического режима, для которого исламистские экстремистские организации были главными врагами, выглядело абсурдно.

В целом военная операция в Ираке была по-своему уникальна. Она была совершена в обход ООН, на базе созданной «по случаю» коалиции. В сложившихся условиях влияние международного сообщества в лице ООН явно сжималось. Однако когда обрисовалась проблема послевоенной реабилитации Ирака, США вновь обратились к СБ ООН. Они пытались достичь ряда целей: легитимизировать военную акцию и свержение режима Хусейна; преодолеть трения с Россией, Францией и Германией; создать условия для восстановления нефтяной промышленности страны и обеспечить поставки иракской нефти на мировой рынок без особых затрат для себя; осенить присутствием ООН переходное управление Ираком.

Именно попытки «легитимизации» военной кампании в Ираке стали причиной, по которой Россия, Франция и Германия вначале весьма прохладно отнеслись к проекту новой резолюции СБ ООН. После заверений США в том, что все экономические интересы будут учтены, и внесения в документ ряда важных поправок они, руководствуясь нежеланием раскалывать международное сообщество в ситуации общих угроз, заявили о поддержке резолюции. 22 мая 2003 г. абсолютным большинством СБ ООН отменил экономическую часть санкций против Ирака²².

По этой резолюции управление страной должны были осуществлять США и Великобритания (при содействии спецпредставителя ООН) — вплоть до формирования и укрепления собственно иракских административных структур. Международные инспекторы продолжали действовать в стране после определения их новых задач. В июне 2003 г. на заседании Совета Безопасности ООН Россия поддержала мнение генерального секретаря ООН Кофи Аннана о том, что необходимо обозначить конкретную перспективу восстановления суверенитета Ирака и создания представительного иракского правительства на основе демократических процедур. Об этом заявил заместитель министра иностранных дел России Юрий Федотов. «Кроме того, были поддержаны рекомендации генерального секретаря о расшире-

нии роли и функций ООН в процессе урегулирования и восстановления в Ираке. Россия также поддерживает эти предложения». Заседание СБ ООН еще раз подтвердило, что «ситуация в Ираке вернулась в правовое поле и что восстанавливается роль Совета Безопасности в этом вопросе»²³.

После официального завершения войны ситуация в Ираке оставалась напряженной. Американо-британской коалиции пришлось столкнуться с широким сопротивлением различных группировок, включая исламских экстремистов. Крах «Баас» и перестановки в иракской армии сделали ситуацию, ранее подчиненную привычной тоталитарной властной вертикали, практически неуправляемой. Важным моментом было и то, что США изменили политический баланс в стране, выдвинув на первые роли поддерживавших вторжение шиитов, которые, будучи большинством, подчинялись суннитскому руководству и чувствовали себя ущемленными. Премьер-министром страны стал шиит Нури аль-Малики. В стремлении максимально ограничить политические амбиции и возможное сопротивление суннитов, бывших основой режима Хусейна, США способствовали избранию лидера Патриотического союза Курдистана Джаляля Талабани на пост президента страны. Нарушение привычного межконфессионального баланса повлекло за собой серьезные сдвиги в региональном балансе сил. Иран получил возможность не только действовать более раскованно в регионе за счет разгрома иракской военной машины, но и влиять на своих единомышленников в Ираке. Шиитская «Хизбалла» в Ливане интенсифицировала борьбу за укрепление своих политических позиций, сформировалась ось Иран—Сирия—Хизбалла, а обострение в ходе «арабского пробуждения» всегда существовавшего соперничества между суннитами и шиитами в определенной мере было результатом изменившегося политического соотношения суннитско-шиитских сил в Ираке.

Вопросы проведения выборов в Ираке стали предметом широкого обсуждения, прежде всего по инициативе России и Франции, на конференции, прошедшей в ноябре 2004 г. в Шарм-аш-Шейхе. РФ рассматривала такой международный формат как способ ограничения действия США в Ираке, возвращения более активной роли ООН. Для США главным в тот период была международная легитимация выборов, и они согласились на конференцию. Парламентские выборы в Ираке в 2005 г., в 2010 г. и в 2014 г. способствовали закреплению уже сложившегося баланса, что одновременно означало и сохранение сопротивления новому режиму со стороны широкого

и разномастного фронта. К 2012 г. американские войска покинули Ирак в соответствии со стратегией президента Б. Обамы, стремившегося свернуть американские военные обязательства за рубежом. После вывода войск, который приветствовали даже те общины, которые политически выиграли в результате вторжения, в Ираке продолжались столкновения и террористические акты. По имеющимся данным, с 2003 по 2013 г. общее число жертв среди иракцев составило более 250 тыс. человек²⁴.

Хотя Россия не поддержала вторжение войск коалиции в Ирак, это не означало для нее закрытия возможностей для сотрудничества с новым руководством страны. 11 февраля 2008 г. министр финансов Алексей Кудрин заявил, что РФ согласилась немедленно списать долг Ираку в объеме 11,1 млрд долл., еще 900 млн долл. в следующие несколько лет и реструктурировать еще 900 млн долл. в течение 17 лет²⁵. Речь шла о долгах советского периода. Налаживание отношений РФ с новыми властями Ирака позволило активизироваться и российским компаниям. Так, инвестиции «ЛУКОЙЛа» в разработку месторождения Западная Курна-2 составили свыше 4 млрд долл. 12 декабря 2009 г. Консорциум в составе «ЛУКОЙЛа» и норвежского *Statoil* стал победителем тендера на право освоения месторождения с извлекаемыми запасами порядка 13 млрд баррелей. По словам президента компании Вагита Алекперова, компания смогла «в течение двух лет пройти путь от заключения контракта до начала коммерческой добычи». Он сообщил, что сейчас добыча на месторождении выводится на уровень 120 тыс. баррелей в сутки, что позволит «ЛУКОЙЛу» получать компенсацию своих затрат на его разработку²⁶.

В целом попытка военного решения иракских проблем, предпринятая силами коалиции в 2003 г., еще раз продемонстрировала ограниченность возможностей силового сценария. Успешная военная фаза кампании не обеспечила и не могла обеспечить сравнительно быстрой политической стабилизации — скорее она высветила и породила новые вызовы и проблемы.

Если на начальных этапах американские действия в Ираке могли быть преподнесены как успех, — свержение диктатора, создание институтов, подготовка иракской армии и сил безопасности к задаче обеспечения стабильного развития страны, то по мере того, как ответственность переходила к местным силам, а угроза со стороны исламских экстремистов становилась все более явной, созданные при внешнем вмешательстве институты, которые базировались на кон-

фессиональной (шиитской основе) оказались не подготовленными к новому взрыву. Ему способствовал и общий региональный фон — война в Сирии, столкновения в Ливии, последствия событий в Египте и Тунисе, сопровождавшиеся активизацией экстремистов и переливу насилия через границы. В мае 2014 г. в Ираке активизировались боевики ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта), а также ряда других джихадистских группировок. После успешного наступления и захвата ряда городов группировка ИГИЛ провозгласила создание халифата. В Ираке при поддержке внешних сил развернулось широкое сопротивление экстремистам. Россия также выразила поддержку усилиям иракского правительства. В рамках ранее заключенных контрактов в Ирак были поставлены вооружения²⁷.

Модель обеспечения трансформации при внешнем вмешательстве, возможно, казавшаяся перспективной для стран с распавшейся государственностью (Афганистан) и для диктаторских режимов, не способных к изменениям (Ирак), оказалась несостоятельной. Сложившееся внутреннее соотношение сил, особенности культуры, формы межэтнического и межконфессионального взаимодействия оказались устойчивыми к любым рецептам обновления, привнесенным извне. Использование США и их союзниками военных решений, примером чего был, в частности, Ирак, воспринималось в России не только как новый вызов на Ближнем Востоке, но и как попытка изменить принятые правила международного поведения.

¹ *Yaphe J.* The Legacy of Iraq's Past and the Promise of Its Future // *The Middle East Enters the Twenty-first Century* / Ed. by Robert O. Freedman. Gainesville: University Press of Florida, 2002. P. 17–18.

² *Schneer J.* The Balfour Declaration. The Origins of the Arab-Israeli Conflict. N.Y.: Random House, 2010. P. 54.

³ *Ibid.* P. 65.

⁴ Подробнее см.: *Morgan Gregory W.* Iraq, History of, 1990–Present // *The encyclopedia of Middle East wars: the United States in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq conflicts* / Spencer C. Tucker (ed.); Priscilla Mary Roberts (ed.), documents volume. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC 2010. P. 599–600.

⁵ *Melman Y., Raviv D.* Friends in Deed. Inside the US-Israel Alliance. N.Y.: Hyperion, 1994. P. 381.

⁶ *Ibid.* P. 382–383.

⁷ Встреча Э. А. Шеварднадзе и Дж. Бейкера в аэропорту Внуково // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. 1990. № 16. С. 16.

⁸ *Белоногов А. М.* МИД, Кремль, кувейтский кризис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 40.

⁹ General Anthony C. Zinni USMC (Retired). Introduction // The encyclopedia of Middle East wars: the United States in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq conflicts / Spencer C. Tucker (ed.); Priscilla Mary Roberts (ed.), documents volume. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC 2010. P. xxxiv.

¹⁰ Известия. 1990. 16 октября.

¹¹ *Примаков Е.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИИК «Российская газета», 2012. С. 324.

¹² Подробнее о миссии Е. М. Примакова см.: *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. Екатеринбург: Пирогов, 2004. С. 70–104.

¹³ *Melman Y., Raviv D.* Friends in Deed. P. 392.

¹⁴ *Shlaim Avi.* The Iron Wall. P. 480–481.

¹⁵ President Delivers State of the Union Address. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>.

¹⁶ *Pravda Alex.* Putin's Foreign Policy After 11 September // Russia between East and West: Russian foreign policy on the threshold of the twenty-first century / Ed. by Gabriel Gorodetsky. L.: Frank Cass Publishers, 2003. P. 50–51.

¹⁷ Резолюция № 687 (1991) от 3 апреля 1991 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/597/07/IMG/NR059707.pdf?OpenElement>.

¹⁸ Резолюция № 1441 (2002), принятая Советом Безопасности на его 4644-м заседании 8 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/682/28/PDF/N0268228.pdf?OpenElement>.

¹⁹ The Middle East Partnership Initiative: Building Hope for the Years Ahead. U.S. Department of State. 2002. December 12. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/44010.pdf>.

²⁰ State of the Union Address. 2003. January 28. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/4541>.

²¹ «Мусульмане Святой Руси» объявили джихад США. 03.04.2003. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://palm.newsru.com/religy/03Apr2003/iraq1.html>.

²² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20060309/44056899.html>.

²³ Россия поддержала расширение роли ООН в иракском урегулировании. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [Newsru.com](http://newsru.com). 2003. 23 июля.

²⁴ Подробнее см.: *Crawford Neta C.* Civilian Death and Injury in the Iraq War, 2003–2013. Costs of War. 2013. March. URL: <http://costsofwar.org/sites/default/files/Iraqciv2013.pdf>.

²⁵ The encyclopedia of Middle East wars: the United States in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq conflicts / Spencer C. Tucker (ed.); Priscilla Mary Roberts (ed.), documents volume. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC. 2010. P. 621.

²⁶ См. подробнее: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/253249-lukoil-investiroval-v-mestorozhdenie-zapadnaya-kurna-2-svyshe-4-mlrd>. 2014. 29 марта.

²⁷ ИТАР-ТАСС. 2014. 30 июня.

«АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Революция — конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения.

Н. А. Бердяев

«Арабская весна»: повторение пройденного?

Массовые народные выступления в арабском мире, проявившиеся столь неожиданно, открыли новую страницу в развитии региона. Новым элементом стали выступления молодых образованных людей в Египте и Тунисе, широко использовавших современные методы мобилизации, за либерализацию, модернизацию политической жизни. В дальнейшем они были оттеснены напором традиционных слоев и представлявших их исламистских партий и организаций. Ислам, остающийся важнейшим фактором самоидентификации, стал определять особенности нового этапа национального возрождения в арабских странах.

К взрыву вели накапливавшиеся годами проблемы: резкое омоложение общества, появление образованных людей, не способных найти себе применение, бедность, вытеснение сельского населения в города и его маргинализация, коррупция, ставшая системным фактором, увеличивающийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной группой и остальной частью населения, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективную экономическую модель, отставание развития производительных сил и зависимость от нестабильных, но относительно доступных внешних

источников накопления. С их помощью поддерживались политика этатизма и малоэффективный госсектор, что в конечном итоге привело к сокращению производственной деятельности частного сектора и процветанию очень ограниченной части общества.

Политические выступления в арабском мире были столь неожиданны и многолики, что даже окончательного названия для этого растянувшегося во времени и пространстве процесса (или процессов) так и не было предложено. «Арабская весна» оказалась слишком сезонной и слишком оптимистичной, «арабское пробуждение» предусматривало политический и социальный прогресс или хотя бы вектор, но этого не произошло, хотя «пробуждение» все же означало, что арабский мир больше не будет прежним. Наконец, менее спорный и менее выразительный термин «трансформации в арабском мире» стал понемногу оттеснять другие названия, поскольку нейтрально фиксировал изменения, но не их направленность.

В каждой арабской стране имелись собственные причины недовольства (социальные проблемы, конфессиональные разногласия, племенное соперничество) и собственные движущие силы, но при этом существовали и общие знаменатели — стремление избавиться от дискредитировавших себя режимов, погрязших в коррупции элит, не пользующихся доверием населения, игнорирующих вызовы современности и озабоченных собственным сохранением любой ценой. Надо отметить, что базовые противоречия накапливались постепенно и характер арабского пробуждения формировался под влиянием таких принципиальных проблем, как незавершенность процесса создания национальных государств. Это означало, что на фоне достаточно сложной социально-экономической обстановки и исключенности из политического процесса основной части населения сохранение и даже укрепление этнической, конфессиональной, региональной идентичности стало естественным выбором для не удовлетворенного своим положением и фрагментированного общества.

Важную роль сыграло разочарование наиболее модернизированной части населения в предшествующем этапе, в который арабы вступили в 1950–1960-е годы и который, принципиально изменив лицо арабского мира, все же оставил его на обочине мирового развития.

Первым шагом на пути перемен стал бескровный переворот 23 июля 1952 г. в Египте. Во главе «Организации свободных офицеров», выступившей против монархического режима, стояли Гамаль Абдель

Насер, Анвар Садат, Абдель Хаким Амер, Закария Мохи эд-Дин. Организаторы и участники переворота были молоды, и в Египте о них знали мало. Они пригласили генерала Мохаммеда Нагиба принять на себя руководство восстанием и встать затем во главе государства. Король Фарук был отправлен в изгнание, и в июне 1953 г. Египет был провозглашен республикой. Тем временем внутренняя борьба, развернувшаяся между Насером и Нагибом, привела к тому, что Насер сначала занял пост премьер-министра, а затем, в 1956 г., стал президентом Египта.

В отличие от консервативного и не способного на проведение глубоких преобразований Нагиба, Насер поставил перед собой амбициозные цели объединения арабов под египетским руководством. Арабский национализм, взятый им на вооружение, превратил его в одного из лидеров движения неприсоединения, выдвинул на первые роли в арабском мире, особенно после Синайского кризиса, в котором Египет выступал против агрессии Англии, Франции и Израиля. По словам известного египетского журналиста и доверенного лица Насера Мохаммеда Хейкала, «следует различать две вещи: Египет как государство и Египет как революция... Египту в качестве революции не следует останавливаться перед границами, но нести свое послание за эти границы [к народам], чтобы выполнить свою революционную миссию во имя общего арабского будущего»¹. В условиях резкого ослабления колониальных держав и общего процесса краха колониальной системы, начавшегося после Второй мировой войны и ускорившегося в 1950-е годы, египетский революционный призыв был подхвачен в Сирии, где произошел военный переворот и где разбуженные к политической жизни народные массы поддерживали объединение с Египтом 1 февраля 1958 г. Создание ОАР удержало вместе две республики лишь на три года, но в данном случае важен эффект арабского единства, сопровождавшийся проклятиями в адрес империализма и призывами к сплочению, демонстрациями и митингами, которые, конечно, нельзя идеализировать, но которые помогали арабам обретать чувство собственного достоинства.

14 июля 1958 г. в Ираке армия свергла короля Фейсала, погрузив страну в череду военных переворотов. Опасность, казалось, нависла и над еще одним представителем династии Хашимитов — иорданским королем Хусейном. В мае 1958 г. началось гражданское противостояние в Ливане, где мусульманский Национальный фронт требовал от президента Камиля Шамуна вступления в ОАР. Волнения грозили дестабилизировать Иорданию и Ливан. Власти столкнулись с серьезным вызовом, но смогли выстоять при большой западной поддержке.

Шамун и Хусейн запросили помощи у США и Великобритании. США направили в Ливан, принявший в 1957 г. «доктрину Эйзенхау-

эра», своих морских пехотинцев, а британское правительство решило перебросить с Кипра в Амман 1500 солдат. Лондон обратился к Израилю с просьбой разрешить использовать его воздушное пространство для пролета транспортных самолетов. Премьер-министр Давид Бен Гурион обратился за советом к США. Те поддержали британский план, и самолеты британских ВВС доставили войска в Амман. Через несколько месяцев, когда опасность миновала, они ушли². Воздушный мост функционировал до 10 августа 1958 г. В конечном итоге ситуация разрешилась. В Ливане проамериканского президента Шамуна сменил более нейтральный генерал Фуад Шехаб, а король Иордании Хусейн устоял³.

К концу 1960-х годов восемь из четырнадцати арабских государств стали идентифицировать себя с революционной идеологией арабского национализма. В дальнейшем молодые и идеалистически настроенные арабские лидеры постепенно трансформировались в авторитарных правителей и диктаторов, оторванных от собственного народа, но эксплуатиовавших привычный патернализм.

За годы независимости можно отметить успехи на пути экономического и социального развития арабских независимых государств благодаря земельной реформе, реформе образования, усилению роли госсектора в экономике и попыткам внедрить плановые начала (сыгравшие позитивную роль на начальных этапах). И наконец, важнейшим элементом развития арабских республик стало сплочение в борьбе против колониализма.

Для политически неразвитого и достаточно закомплексованного арабского общества того времени инвективы в адрес США и других западных государств, звонкие пропагандистские заявления звучали как символ освобождения и законной гордости собой. В определенной мере лексика арабских революционных лидеров была отражением глобальных трендов, общего накала «холодной войны» и в этом плане мало отличалась от известного требования Н. С. Хрущева, который в шифротелеграмме министру иностранных дел СССР требовал: «Перед отъездом дайте по морде этим империалистам»⁴. Разница заключалась в том, что арабами двигало стремление преодолеть присущую им слабость, а Хрущевым — переоценка собственных сил.

Эйфория в охваченных революциями арабских странах все же длилась недолго. По справедливому замечанию американского исследователя Адида Давиши, революции «дали арабам политическую независимость, укрепили их самоуважение и улучшили положение

бедных. Но они не создали политических институтов, которые могли бы сохраняться и обеспечивать легитимность, завоеванную молодыми реформаторами, возглавлявшими революционное движение. Эта эра дала людям немало, но не дала им институтов, которые представляли бы их интересы и давали бы им голос в политическом процессе. Она не дала им *свободы*»⁵.

Нет оснований ставить под вопрос необходимость создания и функционирования институтов, обеспечивающих устойчивость общественного развития. Вместе с тем они вряд ли были востребованы арабским обществом XX в. Могли ли доминировавшие традиционные слои мечтать о политическом представительстве? Очевидно, институты могли бы стать результатом глубоких политических реформ сверху, но способных оценить их необходимость лидеров тоже практически не было. Бывшие армейские офицеры довольствовались созданием одной партии и ручного парламента, а также силовых структур и лояльной армии (зная по собственному опыту, к чему приводят революционные настроения в армейской среде). Для управления этого было достаточно, а иного социального заказа не поступало, да и не могло поступить.

Надо отметить, что в дальнейшем эволюция режимов все же происходила в сторону их «гибридизации», когда наряду с авторитарной жесткой вертикалью существовали и элементы демократических институтов. Так, по мнению российского исследователя М. З. Ражбадинова, в Египте при правлении Мубарака «прилагались усилия по расширению рыночной либерализации и укреплению независимости судебной власти с целью привлечения зарубежных инвестиций. Были приняты законы по укреплению гражданских институтов, расширена свобода СМИ, предоставлены дополнительные места в парламенте для оппозиционных партий, амнистирован ряд политических заключенных с расчетом на то, что эти шаги придадут режиму дополнительную легитимность в глазах населения и на международной арене»⁶.

Рывок, сделанный арабскими государствами в 1960–1970-е годы, впоследствии превратился в достаточно вялое развитие. Если исключить нефтедобывающие страны, арабский мир имел в среднем один из самых низких показателей ВВП на душу населения. Нарастали экономические и социальные проблемы. Арабские нефтеимпортирующие государства оставались на периферии мирового хозяйства. С одной стороны, они испытывали давление общих мировых экономических трендов и нараставших кризисных явлений, но с другой, им были присущи свои особенности развития, которые не только не

позволяли смягчить действие внешних факторов, но и способствовали мощному росту недовольства. В 1980—1990-е годы арабские страны проводили серьезные реформы, обозначившие переход к рыночной экономике, однако в целом они оказались неспособными обеспечить устойчивое развитие. По мнению российского экономиста А. О. Филоника, «большой дефицит бюджета провоцировал кризисные явления в платежном балансе, финансовую нестабильность, инфляцию. Они тормозили экономический рост — в частности, сдерживали динамику обрабатывающей промышленности, неразвитость которой мешала проведению активной торговой и промышленной политики, налаживанию экспорта и защиты национальных производителей от наплыва импорта. Дополнительно осложняли ситуацию коррупция, бюрократизм, нераспорядительность.

Между тем движущей силой в обрабатывающей отрасли является мелкий и средний частный капитал, более всего страдающий от злоупотреблений, последствия которых могут быть неощутимы для привилегированных экономических агентов. Ущемление большой группы «неоперившихся» предпринимателей активизировало недовольство и в близких им стратах. Сопровождаемое ропотом, а затем и открытым протестом постепенно люмпенизирующихся и разуверившихся в рыночной идеологии людей, оно обеспечило общую эффективность усилий по демонтажу старой власти»⁷.

Рыночные реформы углубляли социальное неравенство и одновременно приводили к формированию среднего класса и тех слоев буржуазии, которых не устраивала зависимость от эгоистических и неадекватных действий разросшегося бюрократического аппарата и которых симбиоз власти и собственности лишал как экономических, так и политических перспектив. В условиях сосуществования и взаимовлияния привычной системы авторитарного управления и постепенно формировавшихся, но все еще слабых политических и гражданских институтов возникало поле для политической конкуренции, деятельности оппозиции, критического анализа происходящего. Незавершенность этих процессов и попытки режима вновь закрутить гайки сужали возможности компромисса и подталкивали общество к противостоянию власти. Провокационную роль всегда играет негативная динамика происходящих процессов — не высокие цены, а их неожиданные скачки, не поддержание сложившихся (неидеальных) отношений между властью и обществом, а ограничение даже скромных, но уже ставших привычными гражданских свобод.

Наиболее остро эти проблемы воспринимались молодым поколением. За прошедшие десятилетия в арабском мире произошло углубление поколенческого разрыва — от 50 до 60% населения в странах Ближнего Востока составляет молодежь до 25 лет. Часть ее, не имеющая достаточной квалификации и не способная включиться в производство, маргинализировалась, утратив связи с деревней и не став органичной частью городского населения. Маргиналы везде представляют собой легко воспламеняемую среду людей, не получивших общественного признания и реализующих свою индивидуальную неполноценность в рамках группового агрессивного поведения. В принципе их тоже можно считать жертвами системы, но, влившись в революционный протест, они придают ему радикальный и не имеющий ничего общего с демократическими устремлениями характер.

Движущей силой протестов, главным образом в Тунисе и Египте, стали образованные слои населения, средний класс, представители интеллигенции, либо не востребованные в условиях жестко авторитарных режимов, либо вытесненные на социальную обочину. Особенно много психологических и материальных проблем возникало у тех представителей молодого поколения, которые получили образование, но не нашли работы, затратив большие деньги на приобретение специальности, а затем, вопреки надеждам, оставшись обузой для семьи. Высшее образование считалось надежным социальным лифтом, но в условиях роста числа выпускников, жесткой иерархии в обществе и роли протекции этот механизм перестал срабатывать. Стремление устроиться на госслужбу как наиболее защищенную и доходную могло быть удовлетворено лишь для единиц.

Именно эти социальные слои, представлявшие собой невостребованный человеческий капитал, были остро заинтересованы в переменах, и они вышли на улицы, используя современные методы оповещения и мобилизации, требуя избавления от несменяемых коррумпированных лидеров и либерализации общественной жизни.

Как это было в XXI веке

Вирус арабского возмущения прежде всего затронул тунисское общество, и толчком к протестам стал трагический, но частный эпизод — самосожжение 17 декабря 2010 г. мелкого розничного торговца Мохаммеда Буазизи. Судя по всему, вымогательства и унижения, которым он постоянно подвергался, пытаясь заработать на жизнь,

достигли своего пика. В ответ на очередные оскорбления полицейского и угрозу конфисковать его тележку с фруктами и овощами он отправился в ближайший магазин, купил канистру бензина, облил себя и поджег перед зданием мэрии.

Его страшный поступок немедленно всколыхнул молодежь, составлявшую более 60% безработных⁸, студентов, объединенных профсоюзным движением рабочих, людей иных профессий. Эти люди, глубоко недовольные состоянием дел в стране, не имеющие реальной возможности применить свою квалификацию, постоянно сталкивающиеся с коррупцией и вымогательством, были объединены главным лозунгом — требованием отставки президента Бен Али, правившего страной 23 года. Размах демонстраций и возмущения был столь велик, что уже 14 января 2011 г. Бен Али с семьей был вынужден покинуть страну; он нашел убежище в Саудовской Аравии.

Как представляется, начало «арабской весны» в Тунисе лишь подтверждало правило, что революции с достаточно четко сформулированными целями происходят не в самых бедных странах, а скорее в отличающихся хотя бы анклавной модернизацией и не закрытых полностью от внешнего мира. В 2010 г. ниже уровня бедности в Тунисе жило только 3,8%. Средний класс составлял 60% населения, и на его долю приходилось 83% потребления⁹. Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что экономический рост углубляет неравенство, включая и диспропорции в развитии отдельных районов — в Тунисе это были успешно развивающиеся прибрежные и депрессивные внутренние районы.

Отставание элиты от современных процессов, игнорирование ею интересов новых социальных групп, ее стремление с помощью манипуляций сохраниться у власти, разрыв между правящими кругами и обществом (не только имущественный) становятся очевидными и оскорбительными для наиболее образованного и способного рассуждать населения. Характеризуя особенности созданной Бен Али системы управления (притом что экономика Туниса в целом была на подъеме), директор Центра Брукингса в Дохе Шади Хамид писал: «В отличие от Бургибы, он не цементировал свое правление через широкую систему патрон-клиентских отношений или поддержки влиятельных элит. Бен Али, будучи относительным аутсайдером, не обладающим собственной политической базой, вместо этого сконцентрировал власть внутри маленького кружка, включая членов своей семьи, которые требовали своей доли почти в каждом секторе экономики»¹⁰.

К развернутому наиболее современной частью общества протесту затем присоединились традиционные слои, в том числе и радикалы, захваченные общим порывом, но сохраняющие при этом собственную консервативную повестку дня и не имеющие представления о том, насколько их жизнь зависит от таких ценностей, как система прозрачных выборов, многопартийность, независимый суд, контроль общества над властными структурами и прочее.

Тунисские события дали старт быстрому распространению волнений на другие арабские страны. По времени с событиями в Тунисе практически совпали демонстрации в Алжире, в Иордании 14 января 2011 г. начались массовые выступления против экономической политики правительства и роста цен. 25 января 2011 г. начались массовые акции протеста в Египте, а 27 января в Санае (столица Йемена) улицы заполнили тысячи демонстрантов, требовавших отставки президента Али Абдаллы Салеха, находившегося у власти с 1978 г. В конце января сравнительно небольшая группа протеста потребовала проведения «Дня гнева» и отставки президента Сирии. 13 февраля «арабская весна» достигла Бахрейна, а 15 февраля начались народные волнения в Ливии. Центром противостояния власти и оппозиции стал город Бенгази, где ежедневно происходили ожесточенные столкновения протестующих с силами безопасности. Протестующие требовали свержения правящего в Ливии 42 года Муамара Каддафи и всего высшего руководства страны¹¹.

Июль — август 2011 г. стали горячим временем и для Израиля. Массовые акции протеста в Тель-Авиве и других городах против повышения цен на жилье и продукты, создание палаточных городков, требование «справедливости для всех», вокруг которого объединились как еврейские, так и арабские жители Израиля, были, по мнению ряда наблюдателей, своего рода отражением событий «арабской весны»¹². Протесты в Израиле не были направлены против режима, не носили ярко выраженного политического характера, но, желая подчеркнуть серьезность своих намерений, молодежь на бульваре Ротшильда в Тель-Авиве говорила: «У нас здесь Тахир»¹³.

Тем временем события в Тунисе приняли неожиданный оборот. В относительно вестернизированной стране со светским режимом на выборах 23 октября 2011 г. в Национальное учредительное собрание победила исламская партия «Ан-Нахда», которая считается умеренной и сравнивает себя с правящей в Турции Партией справедливости и развития. Двумя другими крупными партиями в НУС стали близкий

к «Ан-Нахде» Конгресс за республику и социал-демократическая ат-Такаттуль. Рашид Ганнуши, лидер «Ан-Нахды», заявил после выборов, пытаясь успокоить тех, кто с подозрением относился к приходу к власти исламистов: «Мы желаем проведения тунисских реформ, для тунисского государства. Что же касается вопроса о Халифате, то этот вопрос не представляется чем-либо из реальной действительности. Темой сегодняшней реальности является то, что мы тунисское государство, которое желает реформ, чтобы стать государством для тунисского народа, а не против него»¹⁴. На самом деле правление исламистов, доминировавших в кабинете министров, вызвало недовольство многих в Тунисе, опасавшихся ущемления гражданских свобод и общей исламизации общественной жизни. Признаки этого были налицо — «Ан-Нахда» делала все для укрепления своих позиций и пыталась внести элементы шариата в правовую систему. Несмотря на то что делалось это гораздо мягче, чем в Египте, скорее на уровне общественной дискуссии, отпор со стороны светских сил не заставил себя ждать. Он привел к тактическому отступлению лидеров исламистов от заявленных запросных позиций и нападкам на них со стороны более радикальных салафитов. Линии напряжения и разлома обозначились внутри НУС, в правительстве и в противостоянии оппозиции и правящих партий.

Российский арабист В. А. Кузнецов, бывший свидетелем драматических событий в Тунисе, так описывает резкий переход от вялотекущего правительственного кризиса к общенациональному: «Правительственный кризис в стране тянулся уже три месяца и мог бы тянуться и далее, если бы внезапное убийство адвоката-правозащитника и лидера еще в 1980-е годы созданного левого Движения патриотов-демократов Шукри Биль'ида не дало толчок к превращению его в кризис общегосударственный... Основным мотивом всей политической деятельности Биль'ида последнего времени стал ожесточенный и последовательный антиисламизм. 2 февраля 2013 г. во время одной из встреч с населением в Эль-Кефе — городе на северо-западе страны — на него было совершено нападение, в организации которого Биль'ид тут же обвинил “Ан-Нахду” и близких к ней салафитов. Через несколько дней он был убит... Левые активисты объявили о проведении демонстрации в тот же день. Назначалась она вроде бы на 15.00, однако началась стихийно и на час раньше. Поражала в тот день моментально изменившаяся атмосфера на улицах. Обычно в любое время заполненные кафе пустовали, из воздуха исчезла привычная леность, преобладающими чувствами людей ста-

ли, во-первых, злоба — на власть, на страну, на исламистов или демократов, а во-вторых — страх: перед неизвестностью и насилием»¹⁵.

Насилие и погромы не заставили себя ждать. В конечном итоге страх и неуверенность заставили политические силы и элиты Туниса искать примирения. Выход из кризиса обозначился после утверждения НУС 26 января 2014 г. новой конституции страны, а также создания правительства министров-профессионалов, которое пришло на смену кабинету с преобладанием исламистов. Этот шаг стал результатом вынужденного диалога исламистов со светской оппозицией.

В Египте антиправительственные выступления были начаты практически теми же движущими силами, что и в Тунисе. Требования протестующих сводились к отставке несменяемого президента Хосни Мубарака, который к тому же прочил на свой пост собственного сына Гамалея, что усиливало народное возмущение и привело в дальнейшем к важнейшему для понимания событий в Египте обстоятельству — расколу элит. Справедливо считается, что большое значение для развертывания протестного движения имеет общий социально-экономический фон, хотя в Египте в период, предшествовавший революционным событиям, он был не худшим. Об этом подробно писали российские исследователи А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, Л. М. Исаев¹⁶. Президенту Хосни Мубараку в результате достаточно профессионально проведенных реформ удалось резко сократить крайнюю бедность, хотя Египет при этом остался в числе стран, где уровень бедности достаточно высок. «Действительно, если в Египте в последние годы около 20% египтян жили менее чем на 2 долл. (но снова напомним, более чем на 1,25 долл.) на человека в день (меньше пятой части населения), то в Китае этот процент в 2005–2007 годах составлял 36,3%, в ЮАР — 42,9%, в Армении — 43,4%, на Филиппинах — 45%, во Вьетнаме — 48,4% (практически половина населения). В Таджикистане менее чем на 2 долл. на человека в день жило 50,8% населения, в Пакистане — 60,3%, на Гаити — 72,1%, в Индии — 75,6%, в Бангладеш — 81,3%, в Гвинее — 87,2%, в Либерии — 94,8%»¹⁷.

Помимо дестабилизирующего влияния роста цен (прежде всего на продовольствие), необходимо принимать во внимание особенности местной культуры. В Египте лишь для незначительной части населения существует крайняя (африканская) бедность, настолько безысходная, что требует напряжения всех сил для выживания и разрушает даже слабые формы общественной самоорганизации. Большая часть бедных в Египте способна осознавать свое положение и если не про-

дуцировать протест, то, по крайней мере, быть готовой к нему присоединиться.

Вспомним для сравнения Индию, где кричащая бедность является не только приемлемым и привычным для значительной части населения образом жизни, но и рассматривается как соответствующая статусу определенной группы, вписанной в свою сферу занятости (попрошайничество, перешивание старых тряпок, собирание мусора и т.п.). С учетом особой экономики бедных (свои лавки, продукты и т.п.) условные два доллара в день на человека превращаются во вполне сносный доход.

Для молодых и образованных египтян проблема заключалась не только в поиске пропитания, но и в невозможности личной реализации, когда все социальные лифты и каналы были наглухо забиты представителями той политической системы, где принадлежность к военной корпорации и близость к властям преобладающим была главным, а возможно, и единственным способом достижения даже скромного социального успеха.

Не беднейшие традиционные слои, привыкшие к своей бедности и не способные сформулировать цели и задачи революции, а образованный класс вышел на авансцену наиболее развитых арабских государств, потянув за собой совершенно иные по социальным и культурным характеристикам группы и движения как у себя на родине, так и в соседних государствах. Египетские политики обращали внимание на то, что, поскольку протесты возглавила образованная молодежь, а не маргиналы, они в целом носили мирный характер и удалось избежать большого кровопролития. У традиционных слоев, разбуженных выступлениями, было свое средство мобилизации — мечеть, и в результате пятничных проповедей все больше людей присоединялось к протестующим. Более того, исламские политические силы, отражавшие чаяния большинства, являвшиеся более организованными и сплоченными, в отличие от молодежных движений, смогли воспользоваться плодами революций. В тех странах, где столкновения шли в иной системе координат, не включавшей образованного класса, исламисты вообще не имели альтернативы.

После отставки президента Мубарака 11 февраля 2011 г. волнения не прекратились. Центром противостояния стала площадь Тахрир в Каире, но в других городах (Александрия, Суэц) также вспыхнули волнения. Важной причиной противостояния стал раскол элит — часть представителей бизнеса группировалась вокруг фигуры Гамаля

Мубарака, видя в его приходе новые для себя возможности, а другие влиятельные силы поддерживали традиционную армейскую верхушку, будучи тесно с ней ассоциированными. В конечном итоге можно сказать, что речь шла о переделе собственности, которую в Египте еще с 1950-х годов контролировали военные. Проведение парламентских выборов в начале 2012 г., казалось, должно было стабилизировать ситуацию. Исламистские политические силы (Партия свободы и справедливости — «Братья-мусульмане» и салафитская партия «Ан-Нур») неожиданно для внешних наблюдателей получили в конечном итоге более 70% голосов в нижней палате парламента. Третье место заняли кандидаты старейшей либеральной партии «Новый Вафд»; демократы из блока «Аль-Кутля аль-мысрийя» (Египетский блок) заняли четвертое место, а инициаторы протестных выступлений — молодежные партии и организации оказались за рамками парламента. Впервые в истории исламистам, прежде всего вечно гонимым «Братьям-мусульманам», предстояло пройти тест на способность предложить свою альтернативу режиму Мубарака и продемонстрировать готовность учитывать интересы разбуженного в ходе протестной волны общества. Исламисты «оказались неспособными достичь хотя бы минимального консенсуса с другими политическими партиями и социальными силами, скорее напротив. “Улицы” обратились против них, и традиционные силы сопротивления политическому авторитаризму в Египте — юристы и представители СМИ — остаются, как прежде, активными, несмотря на попытки заставить их замолчать»¹⁸.

Источником глубокого политического кризиса, разрушившего взаимодействие президента Мохаммеда Мурси, победившего на выборах в 2012 г., и его сторонников с армейским руководством и прервавшего процесс относительно мирного транзита, стала разработка и принятие новой конституции. Главными источниками раздражения светских и неисламских сил была как акцентированная в основном законе роль религии и религиозного права, так и процедура его принятия, поставившая под вопрос независимость египетской судебной системы, — Высший конституционный суд был лишен возможности вынести свой вердикт по конституции исламистами, заблокировавшими здание суда. Кроме того, поспешность и напор исламистов свидетельствовали об их намерении поскорее укрепить свои позиции, а вовсе не о стремлении к либерализации. Изменение соотношения сил и ликвидация ранее существовавшего внутриэлитного раскола привели в июне 2013 г. к контрперевороту и сверже-

нию Мурси. Военные и их союзники (бизнес-элиты и бюрократия) вернулись к власти.

Главный упор они сделали на стабильность, но в условиях, когда их возвращение привело к появлению нового большого числа недовольных и подвергшихся преследованиям людей, эта цель может оказаться иллюзорной. Временное правительство, созданное Абдель-Фаттахом аль-Сиси, провело закон о запрете всех демонстраций, кроме разрешенных полицией. «Число закрытых телевизионных каналов, задержанных журналистов, политических заключенных в тюрьмах — все это беспрецедентно». Сиси пытался «разменять свободу на стабильность, в которой мы уже жили последние 30, 40 или даже 50 лет», — заявил Осама Диаб, аналитик организации «Египетская инициатива за личные права»¹⁹. Ставка на закручивание гаек в постреволюционных условиях может привести к квазиустойчивому или метастабильному равновесию. Метастабильные системы, как правило, обладают свойством пребывать какое-то время в состоянии равновесия, после чего «срываются» из него в результате незначительного изменения внешних воздействий и «сваливаются» в необратимый процесс.

Одним из важнейших вопросов, поставленных арабскими трансформациями, является синхронность событий, причины появления вируса революций, мгновенно заражающего различные общества. И рост цен, и наличие «молодежного бугра», и пройденный путь модернизации в комплексе способны объяснить, почему начались трансформации в арабском мире. Однако синхронность все же скорее объясняется демонстрационным эффектом, успешным давлением улицы на власть, вынужденной готовностью элиты идти на уступки. Для населения арабского мира, давно свыкшегося с диктаторами и монархами, успех народных выступлений в Тунисе и Египте (несмотря на жертвы) был шоком и открытием одновременно. Он доказывал, что настойчивость и массовость — не тысячи, а сотни тысяч — способны обезвредить репрессивный аппарат и силовые структуры и заставить власть идти на уступки. Это послание через средства связи — мобильные телефоны, Интернет, арабские и неарабские СМИ — стало доступным всему региону и послужило сигналом тем, кто находился за его пределами.

В то же время преувеличивать роль социальных сетей в арабских событиях не стоит, особенно если речь идет о наиболее бедных обществах. Трудно согласиться со специалистом по Балканам Еленой Пономаревой, утверждавшей, что «в сравнении с балканским пери-

одом “цветных революций” на Арабском Востоке максимально использовались социальные сети. Прежде всего это *Facebook* и *Twitter*, блогеры которых были призваны экзальтировать аудиторию и координировать выступления. Например, волнения в Йемене и Иордании начались одновременно. 15 января в один день (*sic!*) начались волнения в Бахрейне и Ливии, чего невозможно было бы добиться при отсутствии сетевых структур. Поэтому вполне справедливо считать эти события “твиттер-революциями”²⁰. Такое суждение может быть частично справедливо для Египта (26,7% пользователей Интернетом от всего населения), Туниса (36,8%), но никак не для Йемена, где доступ к Интернету имеют только 10,8% населения и где он жестко регламентирован. Вполне привычные средства оповещения играли в большинстве случаев куда большую роль, чем Интернет.

Гораздо важнее все же обратить внимание не на средства мобилизации, а на процесс «арабского пробуждения», отразивший принципиально новые тенденции во взаимодействии общества и власти. При наличии определенного (не обязательно критичного) уровня недовольства достаточно незначительного толчка, чтобы в кратчайшие сроки обрушить казавшуюся нерушимой систему. XX век был периодом, когда перевороты в арабских странах заранее готовились сравнительно узкой группой заговорщиков, а затем о перевороте объявляли не ведавшему о нем народу. В XXI в. перевороты стали происходить по совершенно иной схеме: толчок — массовые демонстрации — свержение главы государства. Обращает на себя внимание отсутствие поддержки режимов в Тунисе и Египте даже со стороны тех, кто был обязан их защищать. Относительная быстрота и легкость процесса, не требующего явных лидеров, обусловили, судя по всему, его воспроизведение сразу во многих арабских государствах. А дальше развитие событий зависело от возможности и готовности правящих элит применить силу.

Формирование российских подходов

Отношение в России к событиям в арабском мире сформировалось не сразу и не было с самого начала единым. В различных арабских странах противостояние с властью выглядело по-разному и имело разный эффект. Речь шла и об относительно мирной трансформации, и о гражданских войнах с различным уровнем вмешательства региональных и глобальных игроков. Соответственно, каждая

конкретная «весна» по-своему воспринималась в России, в зависимости от ее воздействия на российские интересы. Почву для широкого разброса оценок давали сами события, принципиально отличавшиеся друг от друга, несмотря на наличие общих составляющих. Учитывая разнообразие арабских стран и режимов, подходить к ним со сходными мерками было неверно.

С точки зрения интересов России процесс трансформации породил высокий уровень неопределенности. Рост радикализма и национализма в арабском мире мог стать источником новых вызовов и угроз, как региональных, так и глобальных, и одновременно обострить традиционные противоречия. Стремление государства обеспечить поддержку российскому бизнесу на Арабском Востоке сталкивалось с нестабильностью, с уходом авторитарных и одиозных, но привычных партнеров, с перспективой нового передела энергетического и военного рынка. К этому можно добавить, что и уровень внешнего вмешательства в события в отдельных арабских странах был разный, но опасения, что вооруженная сила становится главным средством свержения неугодных режимов, в значительной мере определили реакцию России на события в отдельных арабских государствах.

Под влиянием «цветных революций», прежде всего на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Киргизия), цель которых, как считали многие в России, состояла в том, чтобы вывести эти государства из сферы российского влияния, предельно сузить его даже в регионах ее жизненных интересов и тем самым нанести удар по безопасности РФ, формировались представления о том, что любые антиправительственные выступления так или иначе организуются при поддержке Запада. Не случайна в этом смысле оценка арабских событий, данная президентом Д. А. Медведевым. Выступая в феврале 2011 г. во Владикавказе, на заседании Национального антитеррористического комитета, он следующим образом оценил происходящие в арабском мире события: «Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире. Она тяжелейшая. Предстоят очень большие трудности. В ряде случаев речь может пойти о дезинтеграции больших, густонаселенных государств, об их распаде на мелкие осколки. А государства эти очень непростые. И вполне вероятно, что произойдут сложные события, включая приход фанатиков к власти. Это будет означать пожары на десятилетия и дальнейшее распространение экстремизма. Надо смотреть правде в глаза. Такой сценарий они и раньше готовили для нас, и тем более сейчас будут

пытаться его осуществлять. В любом случае этот сценарий не пройдет. Но все происходящее там будет оказывать прямое воздействие на нашу ситуацию»²¹.

Нельзя не согласиться с выводом, что события, происходящие в арабских странах, могли приобрести крайне опасный характер и представлять в этом смысле угрозу для безопасности России, однако вряд ли были основания говорить о каком-то особом сценарии внешних сил для России по образцу «арабской весны». Показательно, что эти слова были произнесены до бомбардировок НАТО в Ливии, фактически вышедших за рамки мандата ООН, и, конечно, до гражданской войны в Сирии, осуществлявшейся при мощном внешнем вмешательстве. События в Тунисе и Египте не давали оснований для оценок, в соответствии с которыми некие внешние силы обеспечили перевороты. Арабские события действительно плохо вписывались в привычные сценарии бунтов или массовых выступлений в странах третьего мира. Протест и формы мобилизации в Египте и Тунисе, лозунги и логотипы — сжатый кулак — отразили глубокое влияние глобализации на современный мир. Восприятие либеральных ценностей образованной молодежью было несомненно, но представлять египетских и тунисских оппозиционеров в качестве марионеток Запада не было оснований и воспринималось многими обозревателями в арабском мире как оскорбление.

Размах протестной активности в Тунисе и Египте был в значительной мере неожиданным и неприятным сюрпризом для США и других западных государств. Президент от Демократической партии Б. Обама пришел к власти со своей программой, базировавшейся в том числе на улучшении имиджа США, немало пострадавшего в результате активистской и чрезмерно идеологизированной политики Дж. Буш-младшего, сделавшего ставку на повсеместное продвижение демократии. Начатый демократической администрацией поиск примирения с мусульманским миром исключал в то время активные действия по переформатированию арабского региона, делал их абсолютно контрпродуктивными. Однако ход событий заставлял Вашингтон на них реагировать: Мубарак, терявший свои позиции и преданный армией, не мог оставаться американским союзником, и призыв Обамы к тому, чтобы он сложил полномочия, был логичным. Иными словами, США не инициировали и не готовили народный протест в Тунисе и Египте, но реагировали на события так, чтобы обеспечить сохранение своих интересов на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Буря на Арабском Востоке в 2010–2011 гг. оживила характерные для части российских политических обозревателей фобии, касающиеся планов внешних сил (США и Запада в целом). Так, многие заговорили о теории «управляемого хаоса», которую США реализуют на Ближнем Востоке. Например, доктор политических наук А. В. Маноило отмечал, отражая достаточно распространенную точку зрения, что «истинные цели “фисташковых революций” в странах Северной Африки и Ближнего Востока лежат, несомненно, глубже, чем просто смена политических режимов и замена в общем-то лояльных, но малоуправляемых (в силу своей бессменности) авторитарных лидеров арабских государств на марионеток, постоянно зависимых от внешней политической поддержки. Эти революции необходимо рассматривать не в узком смысле, как рядовые внутригражданские конфликты, а в системе координат глобальной политики. В этой системе координат регион Магриба является точкой, в которой сегодня сходятся интересы крупнейших мировых политических сил, сделавших Северную Африку своеобразным полигоном и плацдармом для приближающейся схватки за весь африканский континент, крупнейшей после получения бывшими колониями своей независимости. Эта схватка, по мнению многих аналитиков, станет для Черного континента новым территориальным и энергетическим переделом»²².

Нет сомнений, что нефтяной фактор оставался одной из основ американской стратегии на Ближнем Востоке и что США стремились по возможности контролировать нефтяные потоки. Однако аналитики не могли объяснить, зачем Западу, настроенному на «передел всего», понадобилось избавляться от своих надежных партнеров в арабских странах, содействовать краху секулярных режимов и приходу к власти исламистов, с которыми идеологически и политически куда труднее иметь дело.

Развитие внутривнутриполитической ситуации в России дало новый импульс теориям глобального заговора. После парламентских выборов, прошедших в конце 2011 г., в стране развернулось движение за честные выборы и демократизацию политической системы. Оно активизировалось в период президентской кампании, и тогда со стороны «охранителей» стали применяться различного рода пропагандистские клише, среди которых угроза «оранжевой революции» в России и «ливийского сценария» заняли особое место. В принципе эти варианты несовместимы, но в инвективах тех, кто обвинял внешние силы в намеренном вмешательстве во внутренние дела России, а россий-

ских либералов в продажности, они соединились вполне логичным образом.

Так, выступая на митинге на Поклонной горе, один из его организаторов — Сергей Кургинян захлебывался от негодования: «Мы хотим сказать: “Нет оранжевой чуме!” ...Это игра людей, которые развоят Россию. “Да” — нашему единству разных патриотов. “Нет” — американцам и всем, кто с ними»²³. Обвинения в адрес Америки стали не только востребованным свидетельством патриотизма, но и способом дискредитации внутренней фронды. Вновь вошедший в политическую моду антиамериканизм вполне совпадал с антироссийской линией отдельных участников американского предвыборного цикла.

Показательно в этой связи выступление в средствах массовой информации некоего старшего сотрудника факультета социологии МГУ: «Фактически в настоящее время зарубежные спецслужбы при активной поддержке “пятой колонны” внутри страны предпринимают попытку осуществления спецоперации по организации в России очередной революции по “ливийскому сценарию”. Используя различные политтехнологии (манипулируя неокрепшим сознанием молодежи, отсутствием соответствующих знаний и социального опыта), они стремятся вслепую использовать молодежь в своих целях»²⁴.

Складывалось впечатление, что внутриполитические вызовы, с которыми столкнулось российское руководство, продиктовали линию на обеспечение сплочения населения в ответ на внешнюю угрозу. В редакционной статье «Независимой газеты» справедливо отмечалось: «Российская власть достаточно регулярно — когда более, а когда и менее активно — делает акцент на том, что деятельность оппозиции внутри страны и протестное движение как таковое поддерживаются или попросту финансируются Западом. США и Европа якобы заинтересованы в том, чтобы организовать “оранжевую революцию” в России, сменить неудобную (“патриотическую”) правящую элиту на удобную (“прозападную”). На тезисах такого рода строится и предвыборная, и повседневная политическая риторика власти. Оппозиция дискредитируется как “агент Запада”. Это упрощение происходящего и игнорирование всех факторов, влияющих на протестные настроения, кроме внешнего интереса»²⁵.

Несмотря на то что события в России развивались в принципиально отличном от арабского мира социальном контексте, арабские революции стали использоваться как пример опасной дестабилизации, ставшей результатом безответственности внутренних игроков

и заговора внешних сил. Происходящие в арабском мире перемены преподносились в контексте логики и лексики «холодной войны», они рассматривались исключительно как результат манипуляций, как применение к арабскому миру разработанных для других обществ технологий. Известная широтой воображения и готовностью комментировать любые международные сюжеты Вероника Крашенинникова уже без всяких сомнений поставила в один ряд США, Саудовскую Аравию и Катар как игроков с одинаковыми интересами и целями на Арабском Востоке: «Тунис, Египет, Судан, Йемен, Ливия с разной степенью насилия “меняют режимы”... А Вашингтон, Саудовская Аравия и Катар выступают здесь в роли основных спонсоров и подстрекателей, лепя из региона новое огромное образование с доминированием суннитов, которое по площади и степени лояльности Вашингтону сравнится с Европой»²⁶. Разумеется, разрыв между пропагандой и экспертным знанием огромен. Проблема заключается в том, что пропагандистские заявления становятся достоянием доверчивой широкой публики (и на это рассчитаны), а оценки специалистов — нет. И тот, кто посвятил себя пропаганде, вовсе не должен уделять внимание серьезным разногласиям между Саудовской Аравией и Катаром, поддерживающими разные силы в арабских странах (саудовцам ближе салафиты, а катарцам «Братья-мусульмане»), а также несовпадению их подходов с американскими. Если Саудовская Аравия и Катар хотят укрепления суннитов, то политика США в регионе нередко свидетельствовала о необоснованном игнорировании ими конфессионального фактора. Достаточно вспомнить результаты военной кампании в Ираке в 2003 г., когда стараниями США в стране произошло изменение политического баланса между суннитами и шиитами в пользу шиитов, что способствовало сохранению нестабильности в Ираке, усилению влияния Ирана, возросшему стремлению «Хизбаллы» укрепить свои позиции в Ливане.

В дальнейшем опыт, полученный в ходе «майданной революции» на Украине 2013–2014 гг., а также политическая целесообразность побудили российских лидеров, несмотря на большую роль в украинских событиях внешнего фактора, уделить внимание и внутривнутриполитическим аспектам развития кризиса. В своем Обращении к депутатам Государственной думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества президент В. В. Путин отметил: «Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы “самостийности”, независимости, власть, что

называется, их “достала”, опостылела просто. Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они “доили” Украину, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки. При этом властей держащих мало интересовало, чем и как живут простые люди, в том числе почему миллионы граждан Украины не видят для себя перспектив на родине и вынуждены уезжать за границу на поденные заработки в другие страны... Повторю, хорошо понимаю тех, кто с мирными лозунгами вышел на майдан, выступая против коррупции, неэффективного госуправления, бедности. Права на мирный протест, демократические процедуры, выборы для того и существуют, чтобы менять власть, которая не устраивает людей. Но те, кто стоял за последними событиями на Украине, преследовали другие цели: они готовили государственный переворот очередной, планировали захватить власть, не останавливаясь ни перед чем»²⁷.

Еще один важный элемент российской политики, который влиял на интерпретацию событий в арабском мире, — это энергетический фактор. Цены на нефть приобрели в последние годы особую значимость для РФ. Они сыграли важную роль в обеспечении внутривнутриполитической стабильности, предоставляя возможность властям более или менее успешно бороться с бедностью, низкими зарплатами в госсекторе, в силовых структурах, с наиболее острыми социальными проблемами. Вместе с тем результатом того, что экономика государства фактически оказалась на нефтяной игле, стали масштабные и принципиальные проблемы развития, которые невозможно было решить исключительно за счет нефтяных денег. За годы высоких цен на нефть в РФ мало развивалось собственное производство, процветала коррупция, сформировался огромный разрыв между бедными и богатыми слоями населения, недостаточно развивалась инфраструктура, снижалась инвестиционная привлекательность, появилась своего рода самоуспокоенность, уверенность в том, что даже в условиях мирового кризиса накопленные ресурсы помогут России выйти из него с минимальными потерями. Сохранение высоких цен на нефть при отсутствии других столь же мощных источников наполнения бюджета рассматривалось правящими кругами как несомненное благо, позволяющее решать хотя бы тактические задачи. Более того, энергоресурсы стали важным инструментом внешней политики, что можно было проследить, например, по отношениям РФ с Украиной и Белоруссией.

В результате вопрос о нефтяных ценах порой становился первоочередным в оценках значимости для России тех или иных событий, которые могли бы прямо или косвенно на него повлиять. «Арабские революции» напрямую связывались некоторыми российскими экспертами с попытками США установить свой контроль над ближневосточной нефтью и, соответственно, ущемить Россию. Отсюда и сценарии усиления американского контроля над трубопроводами и продажей нефти. Ливийские события лишь добавили аргументы для такого рода выводов.

Они касались не только арабских революций, но и ситуации вокруг Ирана. Ее рассмотрение не входит в задачу данного исследования, однако можно заметить, что угроза военных действий против Ирана породила у некоторых российских аналитиков не столько озабоченность опасной дестабилизацией ситуации, сколько искреннее ожидание нового головокружительного витка нефтяных цен. Соответственно, договоренности между Ираном и ведущими мировыми державами, достигнутые в процессе переговоров в 2013–2014 гг. о постепенном снятии санкций в обмен на прекращение ядерной программы, вызвали у некоторых наблюдателей в России серьезные опасения относительно снижения цен на нефть. Тем более что нефтяные компании (*Chevron*, *Exxon Mobile*, *Conoco*, *Anadarko*, а также европейские компании) продемонстрировали желание вновь прийти на иранский рынок.

В то же время доля транснациональных нефтяных гигантов в нефтяном бизнесе неуклонно сокращается. «Если в 1960-е годы такие концерны, как *Exxon Mobil*, *Chevron*, *Shell* и *BP*, контролировали 85% мировых нефтяных резервов, то «сейчас они имеют прямой доступ только к 16%»²⁸.

Колебаний и даже снижения цен на нефть исключить нельзя, и это может стать серьезным испытанием для российской экономики. Об этом неоднократно говорили специалисты, указывая на необходимость ее более быстрой и уверенной диверсификации, а также и реиндустриализации. Выгода высоких цен на нефть для России весьма относительна. Они разгоняют инфляцию и сохраняют тенденцию к однобокому развитию экономики, препятствуя ее модернизации. В долгосрочном плане, как писали российские специалисты ведущего академического Института ИМЭМО, политическая нестабильность в основном регионе мировой нефтедобычи, помимо роста цен на нефть, стимулирует такие процессы, как приоритетное развитие неконвенциональных углеводородов, особенно в США, и битумиоз-

ных песчаников в Канаде, а также офшорных месторождений, которые изолированы от местной социально-экономической среды, и усиление ориентации на внедрение альтернативных источников и на снижение критической зависимости от импорта ближневосточной нефти²⁹. Не дележ нефтяного пирога внешними силами, а выход в стратегической перспективе на новые источники энергии может при сохранении нынешней сырьевой ориентации российской экономики стать для нее крайне негативным фактором. В контексте кризиса вокруг Украины попытки США и ряда западных держав использовать в качестве санкций ослабление энергетической зависимости от РФ еще раз продемонстрировали ее относительную уязвимость в этом плане.

Вместе с тем алармистские оценки намерений США и их союзников в отношении нефти Ближнего Востока находили отклик и у части российской элиты, и у общества, испытывавшего глубокое недоверие к действиям Запада, которое сформировалось не только под влиянием пропаганды, но и под воздействием постсоветской политики самих западных государств. Достаточно напомнить, насколько активно Россия поддержала борьбу США с международным терроризмом, предоставляя свое воздушное пространство для помощи войскам НАТО в Афганистане (в дальнейшем был установлен возвратный транзит), не возражая против появления американских баз в Центральной Азии. Тем не менее продолжавшиеся, несмотря на наметившееся сотрудничество, попытки расширения НАТО, с включением бывших советских республик (Грузии и Украины), могли привести в случае своей реализации к изменению глобального баланса сил — к размещению натовских баз непосредственно у границ РФ и даже к разделению единой этнокультурной общности (юг РФ и восточные области Украины) военно-политическими границами. Перспективы появления в Черном море ВМС стран НАТО, эвентуальное создание баз, например в Крыму, рассматривалось как национальное унижение. По мнению бывшего министра иностранных дел РФ И. С. Иванова, «не было окончательно преодолено психологическое наследие эпохи конфронтации. Соответственно, основные усилия направлялись на укрепление обороны от уже несуществующих угроз, в то время как противодействию новым вызовам уделялось неоправданно мало внимания»³⁰.

Негативный опыт взаимодействия с западными державами оставался частью российского общественного сознания, готового ре-

агировать на тектонические сдвиги на Ближнем Востоке в рамках теории заговора. Он был болезненно усилен событиями вокруг Украины и Крыма в 2014 г. и информационной войной. Но и до этого перезагрузка испытывала воздействие различных факторов, ослаблявших ее позитивный потенциал. Например, можно вспомнить в этой связи острые разногласия по ПРО, размещение элементов которой в Европе рассматривалось некоторыми российскими экспертами как прямой вызов безопасности РФ, нелегкие уроки Ливии и игнорирование интересов России при разработке подходов к сирийской гражданской войне.

Внешнее вмешательство: Ливия и Сирия

Организация военной операции в Ливии, а затем и мощное давление на Сирию напрямую поставили вопрос о том, насколько происходящие события затрагивают российские интересы безопасности. Отношение к внешнему вооруженному вмешательству в Ливии, а также позиция по Сирии отражали не идеологизированные фобии части консервативного политического истеблишмента и обслуживающих его экспертов и журналистов, как это проявлялось в отношении Египта и Туниса, а реальные опасения, касающиеся роста интервенционализма на Ближнем Востоке. Можно заметить, что реабилитация использования военной силы произошла гораздо раньше. Особенно наглядным примером была слабо мотивированная военная операция в Ираке в 2003 г., которая банально свелась к свержению режима. События «арабского пробуждения» вновь акцентировали внимание на вопросе военного вмешательства. Фактически проблему можно поставить шире, чем прямое военное вторжение, — в случае с Ливией и Сирией речь идет не только о военной операции (или угрозе ее применения), но и о поддержке оппозиции со стороны региональных и некоторых глобальных держав, о переливе насилия и боевиков из одной охваченной волнениями арабской страны в другую.

Формы использования международными акторами инструментов вмешательства (гуманитарная интервенция, ответственность за защиту) и их эффективность зависели от характера угроз, порожденных политикой того или иного режима, степени консолидации международного сообщества в выборе и легитимации методов реагирования. Выступления оппозиции (нередко вооруженной) против авторитарных режимов в арабском мире сформировали один из вариантов, ког-

да международное вмешательство стало императивом, но при этом оказалось слишком политизированным инструментом в руках тех, кто был готов его применить.

Нормы международного права и международная практика обеспечивают защиту населения во время военных действий между государствами. В случае внутреннего конфликта и разворачивающегося насилия в рамках одного государства ограничители, связанные с суверенитетом, не только становятся препятствиями для реализации этих норм, но и предполагают разработку новых. Государству отведена главная роль в защите безопасности собственного населения, и оно обладает для этого необходимыми инструментами. Но в действительности государство может представлять угрозу для собственных граждан. Угрозы со стороны государства включают ситуации, при которых государство приносит в жертву интересы индивидуумов и отдельных групп во имя интересов других групп (или большинства). Еще большая угроза — эта борьба за контроль над государственными (властными) институтами. Политическое насилие в некоторых государствах может стать почти перманентным. Если государство не может или не хочет предотвратить катастрофу, принцип невмешательства уступает место принципу защиты населения.

Существует искус использовать вместо длительного и не всегда эффективного поиска политических развязок более простые и быстрые решения. В то же время и катастрофическое развитие событий, сопровождающееся многочисленными жертвами и угрозой расширения насилия, требует порой немедленного реагирования, с тем чтобы избежать развития по худшему сценарию. Без внешнего вмешательства в ряде случаев просто нельзя обойтись. Еще более сложной проблемой является военное вмешательство в условиях, когда в стране уже развернулось гражданское противостояние и когда число жертв среди населения постоянно растет. Такое положение изначально создано по вине самого режима. Тоталитарный или жестко авторитарный режим, давно делегитимизировавший себя фальсифицированными выборами, как правило, не способен к внутренней трансформации. Проведение радикальных политических реформ рассматривается как уступка современным образованным, относительно вестернизированным слоям, которые не могут быть и не станут опорой режима. В современной обстановке арабские авторитарные лидеры стали заложниками политики, ведущей к дестабилизации, поскольку за современными силами оппозиции движется традиционалистская масса, остановить

которую с учетом внешней помощи и поддержки можно лишь с помощью применения прямого и масштабного насилия. Формула эта не универсальна — там, где сложились развитые политические институты, есть примеры сравнительно мирных трансформаций. Основания для внешнего вмешательства могут возникнуть там и тогда, когда количество жертв, принесенных на алтарь сохранения старых порядков, начинает превосходить все возможные масштабы и когда трансформация не может быть реализована в отсутствие ее агентов³¹.

Начало военных действий в Ливии и давление на сирийский режим поставили перед руководством РФ новые проблемы. Заинтересованность России в переговорном процессе в этих странах между режимом и представителями оппозиции отдельные наблюдатели были склонны рассматривать как продиктованную особыми отношениями с этими режимами — экономическими, военно-политическими — и, соответственно, тем, что в случае ухода Каддафи или Асада России будет что терять.

Более того, были даже и такие оценки, что Россия принципиально покровительствует авторитарным правителям, опасаясь в противном случае возрастания западного влияния. По мнению израильского автора Цви Магена, «представляется, что предпочтения России, если придется расстаться со старыми режимами, заключаются в том, чтобы поддерживать тенденции, которые нельзя однозначно определить как прозападные или демократические, хотя рост радикальных исламистов также неприемлем. Как представляется, “умеренные” авторитарные режимы, включающие исламские элементы и не придерживающиеся четкой прозападной ориентации, являются для России терпимым предпочтением»³².

Режим, установленный Каддафи после переворота в 1969 г., хотя и подвергся за сорок лет определенной эволюции, все же оставался неизменным в главном — «одиноким бедуин» правил страной железной рукой, уничтожив все институты или не дав им возможности возникнуть. Он предложил ливийцам собственную идеологию, причудливо совмещавшую арабский национализм, исламский социализм и культ собственной личности, обильно сдобренный племенной традицией. Казалось, он жил последние годы в каком-то особом мире, выкорчевав, как ему казалось, любые возможности для возникновения оппозиции и предоставив собственному населению возможность, не работая (работу выполняли мигранты из бедных арабских и африканских государств), существовать на нефтяную ренту. В борь-

бе против оппозиции в армии он создал верные полувоенные бригады под командованием собственного сына и добился деградации военной машины. Коррумпированная и неэффективная армия, доказавшая неспособность и неумение вести военные действия во время бездарно организованных операций в Уганде (1970) и Чаде (1980-е), не могла стать надежным инструментом для Каддафи во время подавления выступлений оппозиции в 2011 г. Он также нанес мощный удар по исламистам — по ливийским «Братьям-мусульманам» и по более радикальной группировке — Ливийской исламской боевой группе, созданной ливийскими джихадистами, воевавшими в Афганистане. «В середине 1990-х годов режим начал наземные и воздушные атаки на базы ЛИБГ и арестовал поддерживавших ее людей, быстро лишив ее боевых возможностей и единства. В 1996 г. в «Абу Салиме», главной политической тюрьме Триполи, охранники убили 1270 заключенных, из которых многие были исламистами. Эта история более, чем какой-либо другой инцидент во время правления Каддафи, стала одним из основных лозунгов оппозиции, которая в конечном итоге обрушила его режим»³³.

Можно напомнить, что первые антиправительственные выступления в Ливии начались 13–15 февраля 2011 г. на востоке Ливии, в городах Бенгази и Аль-Бейда, а уже 20 февраля началась масштабная операция с применением авиации и танков по подавлению народных протестов. Ливийские власти расстреляли из пулеметов демонстрацию протеста (сообщение «Аль-Джазиры»). Погибло 200, ранено 800 человек. Против демонстрантов использованы артиллерия и боевые вертолеты. Части ливийской армии перешли на сторону оппозиции. Ливийская правительственная авиация нанесла удар по мятежной центральной военной базе в Бенгази³⁴. Казалось, что Каддафи не остановится ни перед чем и у оппозиции нет шансов на успех.

И здесь необходимо сделать отступление общего характера, касающееся соотношения между уровнем репрессивности режима и возможностью оппозиции вести успешное сопротивление. Считалось, что эта возможность в условиях диктатуры стремится к нулю. Эксперты Стэнфордского университета провели специальное исследование, в котором рассмотрели эту ранее не подвергавшуюся сомнению максиму. В соответствии с их выводами, чем более репрессивным является режим, лишенный основных политических и гражданских институтов (как это было в Ливии), тем больше шансов для победы у протестующих, коль скоро они выходят на улицы, преодолев страх

репрессий. Главная идея исследования заключается в том, что задача координации и подготовки массового протеста при более репрессивных режимах значительно тяжелее, что делает такой протест маловероятным. Но если граждане решили протестовать даже в таких репрессивных условиях, их выход на улицы создает мощный информационный сигнал об общем антиправительственном настрое в стране, и затем на улицы выходит все больше народа. Протест становится особенно значимым в условиях, когда для граждан очень опасно демонстрировать свою оппозицию режиму. «Во-первых, более репрессивные режимы в принципе имеют больше возможностей не дать гражданам выйти на улицы. Там, где граждане в случае организации протестов сталкиваются с такими рисками, как тюремное заключение, пытки и убийства, улицы, как правило, остаются пустыми большую часть времени. Во-вторых, протесты, начинающиеся в более репрессивных авторитарных режимах, имеют больше шансов перерасти в успешное восстание. Если граждане готовы выйти на улицы и протестовать, несмотря на значительные риски, их настойчивость создаст очень сильный и информативный сигнал относительно мощи антиправительственных настроений и слабости режима. По контрасту, когда авторитарные режимы более терпимы к антиправительственным демонстрациям, протест не имеет таких же шансов вызвать массовые выступления. Когда протест становится рутинным, информация относительно его потенциала минимизируется»³⁵.

С таким выводом все же можно согласиться не полностью. Вероятно, шок протестов для репрессивного режима всегда выше, чем для нерепрессивного, так как он не имеет реальной возможности психологически подготовиться к ним, будучи уверенным в действенности механизма рутинных репрессий. Однако большой шанс на свержение такого режима может появиться только при определенных обстоятельствах, и эти обстоятельства в значительной мере определяются как готовностью такого режима на крайние меры, так и внешними факторами. Собственно, это и произошло в Ливии и происходит в Сирии. Что касается менее репрессивного режима (египетского, например), то его явное ужесточение после свержения президента Мурси, запрет на деятельность «Братьев-мусульман», включая и «Хамас», а также вынесенные в марте 2014 г. смертные приговоры сотням исламистов делают этот режим очень опасным для оппозиции. Но именно при усилении его репрессивности полученный опыт антиправительственного протеста может превратить отдельные очаги сопротивления

в массовые, и тогда военным придется прибегнуть к такому уровню насилия, которое не мог позволить себе режим Мубарака и который дискредитирует реставрацию военного правления.

Что касается Ливии, то там события развивались очень быстро, и 26 февраля 2011 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию № 1970 по введению санкций, предусматривающую запрет на выезд М. Каддафи и членов его правительства из страны, эмбарго на поставки оружия, поручение Международному уголовному суду расследовать обстоятельства гибели мирных граждан³⁶.

10 марта Франция первой признала в качестве законного представителя ливийского народа базирующийся в Бенгази оппозиционный Переходный национальный совет (ПНС). 12 марта внеочередная сессия Совета ЛАГ на уровне министров иностранных дел приняла резолюцию, в которой обратилась к СБ ООН с призывом закрыть воздушное пространство Ливии для боевой авиации М. Каддафи и заявила о намерении вести диалог и сотрудничать с ПНС. 17 марта СБ ООН была принята резолюция № 1973 по Ливии, установившая над ливийской территорией режим бесполетной зоны. Россия, Германия, Бразилия, Индия и Китай воздержались при голосовании.

Позиция России в данном вопросе определялась тем обстоятельством, что режим был готов использовать для атаки на мятежников любые военные средства и его следовало остановить. Вместе с тем само понятие «установление бесполетной зоны» и меры, которые необходимо для этого предпринять, не были достаточно четко прописаны³⁷.

Позицию России и ее дальнейшую реакцию на события следует рассматривать в общем контексте происходивших в Ливии событий и возникших угроз, а не только исходя из того, потеряла ли тогда РФ около 4 млрд долл. ожидаемой выгоды от продажи оружия в эту страну или нет³⁸.

Относительно мотивов, двигавших странами НАТО, взявшими на себя миссию по обеспечению вмешательства (Франция и Великобритания), существовали разные мнения. Так, американский исследователь Марк Линч отмечает, что «Британия и Франция сразу потребовали международных действий, в то время как администрация Обамы все еще колебалась, взвешивая возможную цену и риски интервенции. Возможно, французы заняли жесткую позицию, чтобы отвести внимание от своей неловкой позиции по Тунису, когда они предложили военную помощь Бен Али. Может быть, для британцев это было хорошим предлогом показать флаг. Вполне возможно, что катарцы

и саудовцы поддерживали вмешательство, чтобы отомстить презируемому ими Каддафи»³⁹. Вероятно, все вышеперечисленные мотивы имели место. К этому можно добавить и стремление к реваншу, которое могло появиться в Европе в отношении Каддафи, поддерживавшего в свое время террористов, приезжавшего в европейские столицы в сопровождении амазонок, украинских медсестер и огромной свиты, со своим бедуинским шатром, который он раскидывал в самых престижных местах, прикалывавшего к груди фото с изображением бесчинств, которые творили итальянцы в Триполитании, и в таком виде встречавшегося с итальянскими политиками. Всем своим поведением Каддафи доказывал преимущество денег и нефти над европейскими ценностями, унижая европейские политические элиты, представители которых (как поговаривали журналисты) не гнушались получать у него средства на проведение своей выборной кампании⁴⁰.

И все же в целом мобилизация международного сообщества на платформе противостояния Каддафи в то время отражала стремление не допустить новой Руанды, даже если возможность очередной кровавой бани нуждалась в дополнительном подтверждении. На Западе устранение Каддафи рассматривалось также в качестве урока другим еще оставшимся на земле диктаторам. Последнее соображение выглядит наивно. Разве свержение С. Хусейна кого-то остановило и заставило арабских президентов поменять привычный курс? Скорее безумства Каддафи могли бы дискредитировать начавшийся относительно бескровно процесс обновления арабского мира, «арабскую весну» и связанные с ней и не во всем оправдавшиеся надежды.

Выполнение резолюции № 1973 о создании свободной от полетов зоны, продиктованное стремлением пресечь попытки режима «выбомбить» силы оппозиции, на деле превратилось в охоту на Каддафи и его семью. ВВС НАТО сбросили более 9300 ракет и бомб на территорию Ливии с марта по сентябрь 2011 г.⁴¹ Операция по установлению бесполетной зоны превратилась в затяжную войну НАТО на стороне оппозиционных сил, нацеленную в том числе на свержение или уничтожение Каддафи, на которое СБ ООН мандата не давал. 20 октября 2011 г. повстанцам при поддержке сил коалиции удалось взять под контроль город Сирт. Каддафи выехал из Сирта в сопровождении специальной колонны южноафриканских наемников, но вывести его в Нигер им не удалось. Авиация НАТО разбомбила колонну, и Каддафи с охранниками попытался спрятаться. Его нашли повстанцы и растерзали⁴².

Развитие ситуации в Ливии, к сожалению, пошло по худшему сценарию. Убийство Каддафи в ходе военной операции внешних сил вызвало резкую критику со стороны значительной части международного сообщества, а дальнейшие события лишь подчеркнули невозможность стабилизировать обстановку и обеспечить трансформацию режима путем свержения диктатора. Каддафи оставил после себя в Ливии политическую пустыню. Отсутствие институтов, составляющих основу государственности, не позволяло запустить механизм стабилизации и обеспечения безопасности. Особенности местного общества, племенная и региональная основа мобилизации определили отсутствие единства между различными группировками оппозиции, каждая из которых сражалась за доступ к власти и ресурсам и не была готова к взаимным компромиссам и договоренностям. Многочисленные полевые командиры также имели собственную повестку дня, отражавшую не национальные интересы, а их собственные эгоистические задачи. Результатом стало острое военное противостояние, масштабы и интенсивность которого определялись и объемами оружия, находившегося в руках враждующих сторон.

23 октября руководство ПНС объявило о полном освобождении страны и о том, что основой правовой системы Ливии должен стать шариат, а в Триполи появились изображения флагов «Аль-Каиды», что вызвало шок среди западных наблюдателей⁴³. Высокий уровень нестабильности, характеризующийся столкновениями между различными военизированными группировками, представляющими регионы, племена, радикальных исламистов, сохранялся.

По мнению российских специалистов, «вопреки многочисленным предсказаниям, Ливии удалось избежать самого драматического сценария: страна сохранила свою территориальную целостность, преодолела угрозу масштабных межплеменных столкновений на манер “нескольких гражданских войн” в Ираке в 2006–2007 гг.»⁴⁴. На выборах во Всенародный национальный конгресс (ВНК) в июле 2012 г. больше всех голосов набрали либеральный “Союз национальных сил” во главе с Махмудом Джибрилем, а также Партия справедливости и строительства, представляющая умеренных исламистов. Вместе с тем процесс «революционных» изменений и военных столкновений был далек от завершения, и приведенные выше достаточно осторожные оценки выглядели слишком оптимистичными. Столкновения частично разрушили нефтедобывающую отрасль, тем более что борьба за контроль над нефтяной промышленностью отражала специфи-

ку ее размещения — основные месторождения находятся на востоке, а экспортная инфраструктура — на западе страны.

В России отношение к военному вмешательству в Ливии по мере затягивания военной операции становилось все более негативным и критичным. Подозрения относительно истинных намерений Запада, нескрываемая поддержка Каддафи были характерны не только для журналистов, но и для некоторых сотрудников МИДа. Например, бывший посол в Ливии В. В. Чамов еще до начала бомбардировок занял столь резко антизападную и прокаддафиевскую позицию, что она пришла в явное противоречие с официальной линией. Объясняя стремление государств НАТО избавиться от Каддафи, В. В. Чамов писал: «Напомним, что ливийский лидер всегда резко негативно выступал против НАТО, критиковал ее действия в Сербии, Косово, Афганистане, расширение альянса на восток, включение в его орбиту постсоветских гособразований. Не добавило симпатии в отношении М. Каддафи с “атлантистами” и его категорическое неприятие линии на присоединение к НАТО Украины и Грузии, его интересные и острые статьи на эту тему, наконец, его открытая поддержка России в военных действиях во имя спасения населения Южной Осетии от грузинского геноцида в августе 2008 г.»⁴⁵. Из этого описания лидер Джамахирии предстает не только как последовательный борец с «атлантистами», но и чуть ли не как главная опора России в международных делах. Особенно обращает на себя внимание упоминание о Южной Осетии, не получившей признания ни одной страны—члена ОДКБ.

Чрезвычайный и полномочный посол Чамов был отправлен в отставку накануне голосования по резолюции СБ ООН 1973 г. Причиной отставки стала его телеграмма, о которой в интервью он сказал следующее: «Я написал телеграмму, в которой подчеркнул, что представляю в Ливии интересы России. Наши страны в последнее время были нацелены на тесное сотрудничество, и не в интересах России терять такого партнера. Российские компании заключили на несколько лет вперед очень выгодные контракты на десятки миллиардов евро, которые могли потерять и уже потеряли, что в определенном смысле можно считать предательством интересов России»⁴⁶. Связывать интересы России с поддержкой столь одиозного лидера, как Каддафи, было невозможно, а позитивное отношение к Каддафи со стороны российского посла не вызывает симпатии. Однако для В. В. Чамова его позиция была настолько принципиальна, что он не побоялся нести за нее ответственность, а это заслуживает уважения.

В дальнейшем в России развернулась достаточно острая критика НАТО и самой резолюции. Не сошлись во мнениях даже премьер-министр В. В. Путин и президент Д. А. Медведев. После того как премьер России Владимир Путин сравнил резолюцию Совета Безопасности ООН по Ливии со «средневековым призывом к крестовому походу», президент Дмитрий Медведев заявил о необходимости быть «максимально аккуратными в заявлениях, которые характеризуют события в Ливии»⁴⁷. Пожалуй, впервые разногласия в тандеме были вынесены на широкую аудиторию.

Негативный ливийский опыт создал ощущение, что Россию обманули за счет расплывчатых формулировок резолюции № 1973. Судя по всему, главное заключалось в том, что российское руководство пыталось максимально дистанцироваться от силового сценария. С точки зрения влиятельной части российской элиты, важны были не только экономические потери — в России надеялись на возобновление контрактов⁴⁸. Главной представлялась угроза превращения военного вмешательства в универсальный инструмент борьбы с неугодными режимами.

Ливийский опыт в значительной степени определил отношение российского руководства и общества к гражданской войне в Сирии. Как известно, внутрисполитическая ситуация в Сирии резко обострилась в середине марта 2011 г. Поводом стали арест и пытки подростков, писавших антиправительственные лозунги на стенах и заборах в южном городе Дераа. Местные силовики на просьбу родителей освободить детей ответили им рекомендацией «завести новых детей, а если не получится, мы вам поможем». Большее оскорбление было трудно себе представить, и за несколько дней весь город был охвачен волнениями, которые полиция пыталась жестко подавить. Правительство реагировало медленно и неадекватно, а информация распространилась мгновенно, и в социальных сетях уже призывали к общенациональному восстанию.

Как представляется, именно в это время президент Башар Асад сделал основную ошибку. От него граждане ждали справедливости, быстрого наведения порядка, наказания виновных, включая губернатора провинции. Ждали, что сам Асад приедет в Дераа и во всем разберется, но ничего не произошло. Результатом стало огромное разочарование сирийцев. В отношении Башара Асада среди его либеральных сограждан существовали тогда большие надежды. Они обращали внимание на его западное образование и на работу в Вели-

кобритании, на молодость, раскованность, умение носить джинсы. По рассказам некоторых вынужденных покинуть Сирию оппозиционеров, они даже бились об заклад, насколько серьезными будут реформы, как далеко пойдет новый президент. Как известно, смена поколений в достаточно традиционных обществах автоматически не означает перехода к системным реформам, и политика Асада, жестко ограниченная старым алавитским окружением и родственными связями, стала полным разочарованием для тех, кто питал надежды на либерализацию. Его реформы были ограниченными, не затрагивающими политический процесс, и запоздалыми.

Протестные выступления быстро приобрели массовый характер и переросли в столкновения с применением оружия. Ошибки сирийских спецслужб и армии, стремление любыми средствами удержать режим, контролировавшийся алавитским меньшинством, эрозия идейных установок партии ПАСВ и утрата ею управленческих функций, наконец, внешняя поддержка оппозиции — все это в комплексе обусловило ожесточенный и бескомпромиссный характер борьбы.

Российская политика в отношении Сирии, нацеленная на то, чтобы поставить препятствия на пути военного свержения режима Асада и обеспечения прихода к власти радикальной исламистской оппозиции при внешней поддержке, была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, РФ выступала, как уже говорилось, против создания предпосылок для повторения ливийского сценария. «Владимир Путин рассматривает исход событий в Ливии как победу Запада, а следовательно, поражение России, — утверждал европейский дипломат. — Он решил сделать так, чтобы события в Сирии не превратили это в тенденцию, и Россия будет всеми силами противиться коллективным действиям против Асада»⁴⁹. Вряд ли в ливийском варианте можно говорить о поражении России, но в результате военной интервенции действительно сложилась не отвечавшая ее интересам ситуация.

Во-вторых, РФ была против асимметричных подходов к правительству и оппозиции в Сирии, которые могли бы изменить сложившийся баланс сил, дав военные преимущества одной из сторон, тем самым ослабив у нее всякое стремление к политическому решению. Так, Россия выступала против призывов заморозить поставки оружия сирийскому режиму в условиях, когда боевики оппозиции сохраняли каналы контрабанды вооружений.

В-третьих, события в Сирии, в случае если оппозиция с помощью внешнего давления добьется краха режима, могли бы иметь мощные деструктивные последствия для всего региона. Наиболее вероятны дальнейшее углубление суннитско-шиитских противоречий, рост антихристианских настроений, обострение межэтнических трений, перелив насилия на соседние государства.

Как отмечал российский дипломат А. Г. Аксененко: «Мотивацию российской позиции часто усматривают в боязни потерять “последнего союзника” на Ближнем Востоке или в желании “отомстить” Западу за использование санкционной резолюции Совета Безопасности № 1973 для интервенции в Ливию. Все это сильно упрощенные объяснения... Более важно, на мой взгляд, другое. В основе российской позиции лежат экспертные оценки тех опасных последствий, к которым ведет дальнейшая эскалация вооруженного противостояния в Сирии. С учетом ее особого геополитического положения в регионе и хрупких конфессиональных балансов, эти последствия, если не наладить внутрисирийский национальный диалог без внешнего вмешательства, затронут интересы всех — и России, и Европы, и Соединенных Штатов, и самих арабских государств»⁵⁰.

Россию на Западе неоднократно обвиняли в необъективности, указывая на особые традиционные связи с режимом, на наличие морской базы в Тартусе, на стремление противопоставить себя демократическому миру. Эти обвинения не имели под собой оснований. Б. Асада тепло принимали не в России, а в европейских столицах, база в Тартусе находится в жалком и непригодном состоянии и является не более чем местом для дозаправки и ремонта. Даже средства, получаемые от военных поставок сирийскому режиму, были по объемам несопоставимы с доходами от продажи оружия Индии, Венесуэле, Алжиру.

В практическом плане для РФ было предпочтительным сохранение светского режима в Сирии, что подразумевало проведение необходимых реформ и создание препятствий на пути распространения радикального исламистского проекта на другие государства Ближнего Востока и за его пределы. В комплексе эта логика объясняла действия РФ на международной арене, которые нередко интерпретировались как поддержка Асада. В многочисленных комментариях стал появляться знак равенства между поддержкой сирийского режима и российскими интересами. Этим грешили и некоторые российские эксперты, пытавшиеся по-своему объяснить мотивацию российской

дипломатии. В частности, проявилась тенденция неоправданного завышения значимости ситуации вокруг Сирии для РФ, превращения ее в своего рода маркер готовности РФ идти на крайние меры в мировой политике. Так, президент Центра системного анализа и прогнозирования Р. Ищенко полагал, что, сдав Асада без боя, Россия поставит под угрозу «все реализуемые проекты (Таможенный и Евроазиатский союзы, ШОС и ОДКБ), потому что грош им цена, если Россия не готова защищать их, в том числе с применением военной силы. Этим будет катастрофически ослаблено южное стратегическое направление и Россия окажется беззащитной... В общем, сдавая Сирию, Путин должен требовать гарантии безопасности после отстранения от власти не для Асада, а для себя... Даже если считать, что Обама окажется готов к прямому военному столкновению с Россией — что ж, если тебе угрожают войной, надо воевать»⁵¹. Легкость в решении проблем войны и мира в данном случае просто зашкаливает.

Наконец, в стремлении объяснить, почему Запад и многие арабские государства столь явно хотят избавиться от сирийского режима, некоторые специалисты утверждали, что «Сирия является носителем социального строя, именуемого социализмом. До сих пор, несмотря на то что этот социализм весьма сильно мутировал (там большая прослойка частного сектора), тем не менее это социалистическое государство, построенное на принципах доминирования людей труда в широком смысле этого слова, т.е. это трудовая, творческая интеллигенция, это, собственно, рабочие, крестьянские слои. Это также очень неприятный момент для Запада, поскольку существование и успешное развитие социалистического государства в арабском мире дает пример другим странам. В условиях нарастающего кризиса попытки социалистического ренессанса, безусловно, будут предприниматься»⁵².

Как представляется, появление подобных оценок в определенной мере было связано с недостаточными официальными объяснениями МИД РФ причин, формирующих российскую политику в сирийском вопросе. Поиск логики и цели различного рода комментаторами неизбежно приводил к пропагандистским перехлестам.

Выступая за политическое урегулирование в Сирии, Россия выдвигала идею диалога между лидерами оппозиции и Асадом без предварительных условий. Любые результаты — создание правительства национального единства, передача Асадом своих полномочий вице-президенту или иные сценарии — должны вырабатываться путем

политических договоренностей без внешнего давления. Москва вела самостоятельные дипломатические усилия, направленные на то, чтобы побудить Башара Асада быстрее провести обещанные политические реформы и содействовать началу диалога между правительством и умеренной частью оппозиции.

В случае с Сирией это оказалось крайне сложным делом. С одной стороны, западные государства, а вслед за ними и ЛАГ стали требовать ухода Асада и прибегли к санкциям. С другой стороны, оппозиция, особенно та ее часть, которая базировалась за границей, не проявляла в столь благоприятном для себя контексте намерения вести диалог с режимом. Более того, заинтересованность России в переговорном процессе между режимом и представителями оппозиции отдельные наблюдатели были склонны рассматривать как продиктованную особыми отношениями с режимом — экономическими, военно-политическими и, соответственно, тем, что в случае ухода Асада России будет что терять.

Россия продолжала линию на политическое урегулирование, исходя в том числе из выдвинутых 2 ноября 2011 г. предложений ЛАГ по урегулированию кризиса. Документ предусматривал прекращение насилия всеми сторонами конфликта во избежание новых жертв среди сирийских граждан.

Меры, принятые сирийскими властями по реализации плана урегулирования от 2 ноября 2011 г. (начало вывода бронетехники и военных подразделений из городов, освобождение 2 тыс. арестованных, объявление амнистии боевикам в обмен на сдачу оружия), были сочтены Спецкомитетом ЛАГ недостаточными, и 12 ноября 2011 г. на внеочередной сессии Совета ЛАГ в Каире принято решение о приостановке участия Сирии в работе Лиги, а также объявлено о намерении ЛАГ ввести в отношении Сирии экономические и политические санкции.

15 декабря 2011 г. Россия на консультациях в Совете Безопасности ООН по Ближнему Востоку представила обновленный вариант своего проекта резолюции по Сирии, который ранее был разработан при активном участии китайской стороны. Документ четко констатировал недопустимость трактовки положений резолюции как сигнала к внешнему вмешательству во внутрисирийские дела. Постоянный представитель РФ при ООН Виталий Чуркин заявил: «Что касается необходимости остановить насилие, необходимости защиты прав человека, ускорения реформ, мы считаем важным направить мощный

сигнал Лиге арабских государств о том, что мы призываем их продолжить свои усилия, работая вместе с правительством Сирии»⁵³. По мнению США и западных государств, хотя российский проект демонстрировал определенные подвижки в подходе РФ, он в равной мере винил в насилии сирийское правительство и протестующих и не содержал санкций — ключевого момента требований Запада, который уже получил поддержку Лиги арабских государств. «Есть пункты, которые мы не сможем поддержать. К сожалению, между правительством и мирными протестующими ставится знак равенства, — сказала журналистам в Вашингтоне госсекретарь США Хиллари Клинтон. — Надеюсь, мы сможем работать с русскими, которые, по крайней мере, впервые признали, что этот вопрос требует рассмотрения в Совбезе»⁵⁴.

Российская позиция по Сирии, продиктованная принципиальными для нее соображениями, означала для нее и политические потери. Западные государства продолжали акцентировать несговорчивость России, которая ради своих целей готова якобы на продолжение кровопролития. Делались намеки и на амбивалентную позицию России в отношении демократии. Турция, для которой гражданская война в соседней стране породила множество угроз, не была готова разделить российский подход. В большинстве арабских государств линия РФ рассматривалась как противоречащая целям их политики в регионе. Жесткость позиции Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ и их желание покончить с алавитским режимом Асада определялись, судя по всему, более широким контекстом их противостояния с шиитским Ираном. После того как военная машина Ирака была разрушена и он перестал быть контрбалансом, Иран стал проводить более раскованную политику на Ближнем Востоке. В зоне арабо-израильского конфликта он стал оказывать всевозрастающую помощь и поддержку радикальным силам, осуществляющим военное давление на Израиль. Антиизраильская риторика президента Ахмадинежада и его заявления о необходимости наращивания борьбы с Израилем, равно как практическая деятельность по превращению в непрямого участника противостояния, были обращены к «арабской улице». Именно ей иранское руководство, претендовавшее на лидирующую роль в регионе, демонстрировало отсутствие у арабских правителей столь же принципиальной готовности бороться с врагом, склонность идти в фарватере американской политики. Режим в Сирии, пользовавшийся поддержкой Ирана, оказался, таким образом, целью общего суннитского наступления.

В проектах резолюций, представленных Россией и Китаем в Совет Безопасности, главный упор делался на прекращение военных действий и начало политического процесса, но при таких условиях правительство Асада оставалось бы у власти, что не устраивало ни Запад, ни оппозицию, ни ряд арабских государств. «Российские дипломаты в ООН тщательно следили за тем, чтобы ни одна резолюция Совета Безопасности не содержала формулировок, дающих оппозиции тактическое преимущество или способных стать предлогом для интервенции. Увидев проекты резолюций с перекосом в пользу оппонентов Асада или предложением ввести против правительства Сирии санкции в соответствии со ст. 7 Устава ООН, Россия без колебания наложила на них вето»⁵⁵. 4 февраля 2012 г. РФ и Китай проголосовали против марокканского проекта резолюции по Сирии, в котором речь шла об отставке Асада⁵⁶. Россия активно добивалась выработки решения, которое было бы объективным и действительно содействовало бы немедленному прекращению насилия и налаживанию политического процесса в Сирии. В результате за резолюцию проголосовали 13 членов СБ ООН, а Россия и Китай проголосовали против. На сей раз позиция России и Китая подверглась критике не только со стороны членов СБ ООН, но и Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна. Оппоненты РФ неоднократно указывали на то, что, используя право вето, она способствует продолжению кровопролития и радикализации оппозиции.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулась Россия, ее непопулярный вначале подход доказал свою практическую значимость. По выражению эксперта-международника Сергея Караганова, «Москва вела себя на международной арене, говоря попросту, довольно кондово, но весьма успешно». Впрочем, политику в отношении Сирии он называет «виртуозной»⁵⁷, с чем можно было бы и поспорить, учитывая весьма одностороннее освещение событий, нежелание в течение долгого времени критиковать Асада и перекладывать на него хотя бы часть ответственности за случившееся, слабую официальную реакцию на бесконечные жертвы и убийства, сопровождающие эту войну, недостаточную работу по разъяснению российской политики за рубежом и внутри страны.

Новым элементом общей ситуации, который способствовал сближению позиций РФ и международного сообщества, стал план Кофи Аннана, основная цель которого — снижение уровня военной конфронтации и начало политического диалога. Как известно, Башар Асад

согласился на меры, предложенные в плане⁵⁸. 30 июня 2012 г. на встрече в Женеве «Группы действий» по Сирии (глав ООН и Лиги арабских государств, министров иностранных дел России, США, Великобритании, Китая, Франции, Турции, Ирака, Кувейта, Катара и Евросоюза) была выдвинута идея создания переходного сирийского правительства с участием всех сил общества⁵⁹. Участники встречи в Женеве не смогли договориться о начале и последовательности практических шагов. Опять возник вопрос о том, что все действующие силы оппозиции в Сирии отказываются иметь дело с Асадом и требуют его немедленного устранения как условия для начала процесса. Соглашение было торпедировано, а Кофи Аннан отказался быть переговорщиком по Сирии.

После неудачи с первой Женевой Москва начала оказывать содействие миссии спецпосланника ООН и Лиги арабских государств по Сирии Лахдара Брахими, поддерживая решение проблемы посредством национального диалога и без вмешательства извне. В процессе поиска урегулирования появился новый формат консультаций и обсуждений — трехсторонняя встреча заместителей глав внешнеполитических ведомств США и РФ Уильяма Бернса и М. Л. Богданова, а также Лахдара Брахими. 10 декабря 2012 г. в Женеве участники встречи сошлись во мнении, что необходимо предотвратить дальнейшее развитие конфликта в Сирии по военному сценарию⁶⁰. Очередная встреча в трехстороннем формате состоялась 11 января 2013 г. Стороны испытывали общие опасения относительно роста числа экстремистов в рядах сирийской оппозиции, связанных с международными радикальными организациями. Чем дольше идут боевые действия, тем больше усиливается это крыло. Однако движение к созданию переходного правительства предполагало, по мнению американской стороны, уход Асада. «Наши партнеры убеждены, что необходимо в качестве предварительного условия устранить президента Башара Асада из политического процесса. Это уже предварительное условие, которое не содержится в женевском коммюнике и которое невозможно реализовать, потому что это ни от кого не зависит», — заявил на пресс-конференции глава МИД РФ Сергей Лавров⁶¹. Асад, имеющий своих сторонников в стране, уходить не собирался, и изменить его позицию не представляется возможным. Дело здесь вовсе не в российской позиции, а в сделанном Асадом политическом выборе.

Нельзя отрицать, что сирийский режим несет ответственность за сложившуюся ситуацию и по мере роста числа жертв воспринимается

как все более одиозный. Тем не менее, несмотря на жесткую критику в арабском мире и на Западе, режим доказал, что он пользуется поддержкой значительной части населения, напуганной зверствами боевиков оппозиции и причиненными ими разрушениями. И хотя Запад был по-прежнему склонен обвинять в росте джихадизма в Сирии Россию, продолжавшую выполнять свои обязательства перед режимом и выступавшую против его свержения при поддержке извне, стало очевидно, что военного решения проблемы не будет. Кроме того, рост числа жертв и беженцев требовал более активных политических мер.

Попыткой разблокировать конфликт и открыть дорогу для созыва конференции в Женеве стали предложения МИД РФ о ликвидации химического оружия в Сирии, которое было выдвинуто после химической атаки. В России утверждали, что химические заряды применила оппозиция, а в США и других западных странах обвиняли в этом режим, перешедший «красную черту». Вновь возник вопрос о нанесении военного удара по Сирии.

Правительство Сирии объявило 12 сентября 2013 г., что страна решила присоединиться к Международной конвенции по запрещению химического оружия, приняв предложение России. Инициатива российских дипломатов встретила поддержку со стороны внешнеполитического ведомства США и ООН, что позволило вывести переговоры на новый конструктивный уровень. Фактически данное решение и дальнейшие меры по ликвидации химического оружия свидетельствовали о способности к компромиссу, о возможности заключения договоренностей, несмотря на сохраняющиеся существенные различия в подходах внешних сил к ситуации в Сирии. Согласие режима на уничтожение химического оружия снимало с администрации Обамы нелегкий груз по принятию непопулярного решения о нанесении военного удара. Более того, согласие Асада на уничтожение химического арсенала способствовало усилению его легитимности. Он выступил в качестве партнера по соглашению, что автоматически способствовало снятию такого предварительного условия для начала переговоров по урегулированию, как его отставка.

Созыв конференции по урегулированию сирийского кризиса «Женева-2» в феврале 2014 г. не принес существенных результатов, но был важен потому, что впервые удалось усадить конфликтующие стороны за стол переговоров. Несмотря на сложности и разногласия, политический процесс урегулирования в Сирии будет продолжаться, поскольку — и это признают практически все — ему нет альтернати-

вы. Оппозиция надеялась, что вынудит США вмешаться и обеспечить свержение Асада. Со своей стороны администрация видела свой приоритет в том, чтобы добиться объединения оппозиции и — самое главное — ее более привлекательного имиджа в борьбе за политическое будущее Сирии. Эти расчеты оказались неверными. Фрагментация оппозиции все усиливалась, а активность экстремистов в ее рядах не могла не вызывать общего отторжения. Проблема заключалась как во внешней помощи и поддержке, так и в социальном составе тех, кто создает базу оппозиции. Против режима поднялась периферия, политически дремучая, агрессивная и легко мобилизуемая. Что касается более умеренных оппозиционных элементов, то они строили свои расчеты главным образом на совпадении своих интересов и интересов Запада в одном вопросе — уходе Асада. В конечном итоге отсутствие внятной стратегии как у политической оппозиции, так и у поддерживающих ее государств привело к разочарованию даже среди тех, кто продолжал сражаться в ее рядах, и одновременно способствовало усилению тенденции к консолидации позиций режима. Политические переговоры не обязательно приведут к решению проблемы в ближайшем будущем, но, по крайней мере, они способны отодвинуть сценарий расчленения Сирии по этноконфессиональному признаку. Фактически тот относительный консенсус внешних сил в отношении Сирии, который был достигнут, базируется на стремлении к сохранению сирийской государственности, будущее которой при нынешнем развитии событий поставлено под вопрос, и на опасениях, что экстремистские исламские группировки, воюющие против режима Асада, на Сирии не остановятся.

Наличие определенного рационального консенсуса не означало, что события вокруг Украины не осложнили проведения российской политики в регионе. Линия Запада на изоляцию РФ и на создание для нее экономических трудностей в качестве наказания за Крым и Севастополь выразилась в том числе в попытках США убедить саудовцев увеличить добычу нефти. Как отмечал В. В. Наумкин: «В мировых СМИ много догадок о договоренностях, которые могли быть достигнуты между Саудовской Аравией и США во время только что состоявшегося визита президента Обамы в Эр-Рияд (март 2014. — *И. 3.*). В частности, допускается возможность сделки, в соответствии с которой Обама мог пойти на уступки саудовским лидерам в плане оказания Вашингтоном военного давления на режим Асада в Сирии и поддержки египетского правительства, которое сегодня подвергает-

сы из США критике за политику жестоких репрессий против “Братьев-мусульман”. В Москве выражали озабоченность тем, что целью визита могла быть попытка убедить саудовских лидеров увеличить добычу нефти, чтобы снизить нефтяные цены в качестве элемента американского давления на Москву. Российские аналитики полагают, что враждебность по отношению к Москве продиктована интересами группы неоконсерваторов в нынешней американской администрации и что это может разрушить американо-российское сотрудничество на Ближнем Востоке»⁶². Государственный департамент не одобрил и решение Бахрейна об инвестиционном сотрудничестве с Россией, которое было достигнуто в конце апреля 2014 г., во время визита наследного принца Сальмана бен Хамад Аль Халифа в Москву⁶³.

В целом стремление США и ЕС изолировать Россию привело весной 2014 г. к резкому сужению взаимодействия в тех регионах и на тех направлениях, где у нынешних оппонентов существует общий интерес — совместная борьба с экстремизмом и терроризмом, легко преодолевающим любые границы. Наличие такой угрозы не позволяло, как представляется, свертывать совместные усилия по ее сдерживанию.

Исламистский вызов для России

Говоря о наличии общей угрозы экстремизма, в том числе исламского, для России и стран Запада, следует все же иметь в виду, что по степени и формам влияния на политическую ситуацию исламский фактор в России имеет свою существенную специфику и особую значимость, поскольку в России носителем ислама является автохтонное население. По мере расширения Российской империи все новые исламские регионы включались в ее состав. Что касается Европы, то в последние десятилетия мусульмане представляли там в основном мигрантов, прибывших на Запад в поисках лучшей жизни и пользовавшихся всеми преимуществами европейского либерального законодательства. Это новое «великое переселение народов» не предполагало, в отличие от постколониального поколения (например, выходцы из Алжира во Франции), интеграции в европейское общество. Скорее наоборот, упор на национальной культуре, религии и традициях стал для новых мигрантов способом противопоставить себя чуждым европейским ценностям, самоутвердиться в чужом для них обществе. Такое поведение объяснялось еще и тем, что у себя на

родине мусульмане привыкли существовать в качестве большинства и не были готовы к тому, чтобы стать меньшинством. Возможно, отсюда, с одной стороны, завышенные требования мигрантов, а с другой — антимигрантские и антимусульманские лозунги у европейских националистов.

В России антимигрантские настроения, равно как проявления исламофобии, имеют место на фоне террористических актов и в условиях общего роста этнонационализма. Но при этом российское мусульманское население научилось сохранять свою самобытность, оставаясь меньшинством, и здесь нет противоречия. Численность мусульман в России может быть определена оценочно: исходя из динамики населения соответствующих национальных республик, за вычетом численности нетитульного населения, можно на основании переписи 2010 г. получить цифру в 14,9 млн человек⁶⁴. С учетом легальной и нелегальной миграции число мусульман в России значительно больше — около 20 млн. По справедливому замечанию российского специалиста по исламу А. В. Малашенко, «дискуссия об их количестве в России стала бесконечной. По моему мнению, она бесплодна, поскольку увеличение или уменьшение их числа на 2–3 млн никак не влияет на анализ проблем российского ислама»⁶⁵.

Российское мусульманское население состоит из двух ареалов — татаро-башкирского и северокавказского. В принципе в обоих ареалах так или иначе проявляются тенденции к радикализации. На Северном Кавказе, где продолжаются вылазки боевиков и криминалитета под исламскими лозунгами, межклановая борьба в местных властных элитах, их проявление носит более очевидный дестабилизирующий характер. В то же время в Приволжском и Уральском регионах деятельность экстремистов становится все более заметной. Оттуда направляются добровольцы воевать на стороне исламистов на Ближнем Востоке, несколько семей переселились в Вазиристан, в принадлежащую Пакистану горную область территории пуштунских племен на границе с Афганистаном, где скрываются международные террористы и исламские экстремисты из разных регионов и стран.

На международном уровне признается принадлежность России к исламскому миру, что определяется в том числе и ее местом наблюдателя в Организации исламского сотрудничества. Для РФ в этой связи особенно важно развитие отношений с Саудовской Аравией и другими арабскими государствами Залива, традиционно оказывающими большое внимание единоверцам. Несколько охладевшие в контексте

ливийских и сирийских событий отношения с Саудовской Аравией были серьезно улучшены, и летом 2014 г. некоторые российские авторы даже писали об их перезагрузке.

Появление в России и в Центральной Азии радикальных исламистских организаций, в том числе прибегающих к террористическим действиям, главным образом было связано с внутренними причинами. Среди них высокий уровень коррупции, безработица, специфика распределения занятости и ресурсов, борьба мощных группировок за передел собственности. Из российских регионов в наиболее сложном положении оказалось население республик Северного Кавказа. Одной из особенностей, используемых националистическими движениями, позже частично слившимися с исламистами, являлась связанная с Российской империей, а затем с СССР трагическая историческая память. Эта историческая память особенно болезненно сочетается с другими факторами, способствующими росту напряженности и обострению межэтнических отношений. К ним относятся:

- принципы национально-территориального устройства, взятые на вооружение советской властью, которые либо искусственно разделяли отдельные этносы, либо присоединили их к этнически чуждым группам, закрепив на определенных территориях, далеко не всегда совпадавших с границами естественного расселения;
- земельный вопрос, связанный с недостаточным количеством пригодной для обработки земли, которая при переселениях попадала в другие руки;
- резкое ухудшение экономического положения, рост безработицы;
- внутривнутриполитическая борьба.

Позже, когда национальные движения с упором на сепаратизм стали активно развиваться в рамках автономий, становясь причиной дестабилизации, российское руководство сделало главную ставку на сохранение стабильности. Считалось, что ее наиболее успешно обеспечат бывшие представители номенклатуры, используя для этого старые методы подавления недовольства и инакомыслия. Однако именно представители этой номенклатуры при опоре на группы лояльности выстраивали закрытые политические и экономические системы, что привело к беспрецедентному обострению социальных проблем и росту неравенства.

Высокая безработица в сельских районах, прирост населения в городах не только в силу естественных причин, но прежде всего миграции сельского населения, без развития соответствующей инфраструктуры усиливали социальную напряженность и приводили к провинциализации городской жизни. Большая часть трудоспособного населения занята в сфере мелкого бизнеса, включая обслуживание и строительство. Ее представители постоянно сталкиваются с вымогательством чиновников и полиции, несправедливостью, невозможностью защитить свои права в суде. Наименее обеспеченной и социально незащищенной является часть населения, представляющая собой местный образованный класс: учителя, врачи, инженеры, зависящие от скромных бюджетных зарплат. И наконец, ограниченная по численности часть общества представлена чиновниками и членами их семей, которые живут за счет перераспределения большей части средств, поступающих из федерального бюджета. Такое социальное неравенство, замешенное к тому же на клановой основе (во главе республик стоят представители определенных кланов, не допускающие чужаков к власти и собственности), создает основу для постоянного роста напряженности. К этому можно прибавить активность боевиков (особенно в Дагестане), которые далеко не всегда являются «борцами за справедливость», а используются также местными группировками в борьбе за передел собственности.

Радикальные исламистские организации, естественно, получили в контексте социальной напряженности и системного кризиса особые возможности для своей деятельности. Они могли канализировать недовольство, поддерживать своих единомышленников (в том числе материально), одновременно мобилизуя их на борьбу с властью. В таких условиях большие возможности появились у тех внешних сил, прежде всего из арабского мира, которые, апеллируя к мусульманской солидарности, стали проводниками наиболее радикальных идей.

Если в том, что касается зарубежных исламистов, в российских подходах присутствовала определенная дифференциация, продиктованная целями внешней политики, определявшими, например, отсутствие отношений с «Братьями-мусульманами» в Египте и поддержание контактов с «Хамас», являющимся ответвлением той же организации, то во внутренней политике дело обстоит иначе. Отношение в России к политическому исламу радикального и экстремистского толка всегда было негативным, учитывая используемые

его адептами насильственные методы и призывы к изменению конституционного строя.

В отдельных субъектах РФ, где вызов радикалов был особенно сильным и ощутимым, была даже предпринята попытка принять законодательные меры для их сдерживания. В этом смысле показателен закон, принятый в Дагестане в 1999 г., «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». В нем, в частности, говорится о запрете на создание и функционирование ваххабитских и других экстремистских организаций. Закон вызвал немало споров, поскольку в нем одно из официальных течений суннизма приравнивается к экстремизму. У закона тем не менее нашлись и защитники. Так, российский исследователь Александр Игнатенко писал: «Мусульманские религиозные деятели России и исламоведы сколько угодно могут говорить о том, что ваххабизм — это движение, возникшее в Аравии в XVIII в. под руководством Ибн-Абд-аль-Ваххаба. Но в процессе общественно-политической практики, хотим мы того или нет, в языке за последнюю четверть века уже утвердилось и другое, второе значение слова “ваххабизм” — политическое течение, сторонники которого, основываясь на специфической, субъективной интерпретации положений ислама, осуществляют деятельность (преимущественно с использованием насилия), направленную на изменение общественно-политического строя (в первую очередь в странах распространения ислама)»⁶⁶. С такой интерпретацией были согласны далеко не все, но появление спорного закона, безусловно, свидетельствовало об уровне угрозы, которая, по мнению властей, исходит от исламистских радикалов.

Одна из специфических черт постсоветского пространства — архаизация общества. Причем она затрагивает не только политическую систему, но и идеологию. Люди, чувствуя себя беззащитными, естественно, тянулись к традиционным структурам, регулировавшим личную и общественную жизнь. Обращение к привычным средствам социальной защиты было способом самосохранения и саморегуляции общества, обеспечения безопасности. Местный социум фактически пытался подменить собой государство, не способное в полном объеме выполнять свои основные функции.

Ретрадиционализация, затронувшая в той или иной мере также государства Центральной Азии на этапе их независимого развития, имела неоднозначные последствия. Укрепление клановых, семейных, махаллинских, земляческих связей означало существенное снижение

роли личности, доминирование коллективных ценностей и коллективного здравого смысла, безусловное подчинение авторитету старших. В этом контексте усилилась и роль мулл как важнейших акторов в приобретающем традиционные черты обществе.

В сложившихся условиях исламизм становился главным, а порой и единственным каналом выражения протестных настроений. Исламский радикализм предлагает простые и внятные ответы на большинство вопросов, его динамизм в условиях пассивности и даже недостаточной образованности представителей традиционного (суфийского) ислама создает ему ряд неоспоримых преимуществ. Интеллектуальный провал в подготовке кадров духовных служителей сказался не только на мусульманской элите, но и на обществе в целом. Оно оказалось не подготовленным к открытию дверей в широкий исламский мир.

Открытость внешнему мусульманскому миру — распространение религиозной литературы, организация хаджа, возможность восприятия новых элементов обрядности, появление различного рода миссионеров — за прошедшие годы привела к резкому усилению роли религии в обществе и к укреплению политического ислама. Это все более очевидно не только для оседлых, но и для кочевых обществ. В Киргизии, например, рост числа неофициальных медресе и других исламских учебных заведений и кружков давно вызывает опасения у наблюдателей. При этом традиционный ислам также неоднороден и противоречив, и его политизация усиливает позиции радикалов. Суфизм, обогащенный идеями социального протеста и политического доминирования, может одержать победу над официальным исламом.

Радикализации ислама способствовало возвращение на родину молодежи, получившей религиозное образование за границей, причем качество этого образования никак не контролировалось. За прошедшие годы в Центральной Азии сменилось поколение духовных лидеров, мечеть омолодилась, на смену традиционным имамам приходят выпускники мусульманских заведений Арабского Востока и Пакистана. Они больше апеллируют к недовольным своим положением слоям, и там, где больше молодых имамов, наблюдается более высокий уровень протестных настроений.

Свою дестабилизирующую роль играет деятельность в России и в Центральной Азии таких радикальных организаций, как Хизб ат-тахрир аль-ислами (ХТИ), группировок, входящих в «Аль-Каиду», Талибан, «Таблиг-и-джамаат». Примечательно, что ХТИ, родившаяся в Палестине в 1953 г. и выступающая за создание халифата, смог-

ла привести в новые для нее общества ближневосточную повестку дня — призыв к борьбе за Иерусалим, солидарность с палестинцами, а также несвойственные центральноазиатскому населению элементы антисемитизма. По мнению киргизского аналитика Кадыра Маликова, «...духовные/религиозные ценности начинают все больше играть роль внутри общества в Кыргызстане. Они, как регулятор поведения граждан, где-то даже уже выступают в роли идейной системы. С другой стороны, мы видим быстрое падение авторитета светских законов среди населения, так как законы воспринимаются простыми людьми всего лишь как инструмент борьбы за власть или ее удержание. В целом наблюдаются тенденции деградации политических систем и моделей светскости во всем регионе не по причине влияния религии, а по причине внутренних противоречий системы, коррупции»⁶⁷.

В соотношении внутренних и внешних факторов внешний фактор привлекает ныне особое внимание с учетом сдвигов в арабском мире, а также все более исламизирующейся политики Турции и перспективы усиления радикалов в Афганистане после вывода американских войск. Хотя революции и перевороты в арабском мире не будут иметь прямого влияния на положение в России и в Центральной Азии, не представляют собой демонстрационного эффекта, несмотря на внешнее сходство ряда политических и социальных вызовов, новая политическая ситуация способна породить дополнительную питательную среду для возвращения и поддержки исламских радикалов в районах, являющихся частью России или имеющих для нее жизненно важное значение.

В России социальные взрывы с исламским измерением могут носить исключительно локальный характер и поэтому могут быть сравнительно легко купированы. В Центральной Азии, как показывает практика, возможность социальных взрывов в государствах региона тесно увязана с расколом элит. В этом плане можно полностью согласиться с авторами документа «Что “арабская весна” значит для России, Центральной Азии и Кавказа?», подготовленного Центром стратегических и международных исследований в Вашингтоне⁶⁸. Не случайно наиболее слабыми звеньями оказались Таджикистан и Киргизия, где налицо была борьба различных региональных группировок за власть и влияние. Мобилизованными на эту борьбу оказывались самые разные силы — и местные исламисты, и криминалитет, и представители силовых структур, и маргинализируемая молодежь, не видевшая для себя будущего и пытавшаяся компенсировать социальную ущербность участием в грабежах и поджогах.

В настоящее время местные исламистские организация, хотя и укрепляют свое влияние на общество, едва ли станут в обозримой перспективе могильщиками светских режимов в Центральной Азии. Даже в арабском мире, где их влияние было, несомненно, и более глубоким, и политически более успешным, триумфальное шествие исламистов к власти затормозилось. Примерами являются и Египет, где оно было свернуто силовым путем, и Тунис, где стало возможно эволюционное развитие. Вместе с тем в начале политических перемен в Тунисе и Египте перед Россией встал важный вопрос о поддержании отношений с новыми исламистскими силами, которые, как тогда казалось, надолго пришли к власти на Арабском Востоке. Технические трудности представляло нахождение «Братьев-мусульман» в списке организаций, признанных Верховным судом Российской Федерации террористическими, деятельность которых запрещена на территории России⁶⁹. В принципе они были преодолимы. Представители МИД РФ после избрания Мурси контактировали с ним и его правительством, а сам избранный президент Египта даже встречался с президентом РФ в апреле 2013 г. в Сочи. Он привез предложения, включавшие участие России в строительстве АЭС, модернизации советских объектов, в нефтегазовой сфере и, разумеется, в дальнейшем развитии туристической⁷⁰.

Все же официальные лица в России, Китае, США, Европе не торопились с выводами и присматривались к египетскому лидеру. О том, что с приходом исламистов ситуация в Египте не стабилизировалась, было известно, равно как о тяжелом экономическом положении страны. Кроме того, сведения о поспешном переписывании конституции, о погромах коптов, о попытках ущемить права женщин широко тиражировались средствами массовой информации. Уверения исламистов, что демократия придет в арабский мир вместе с политическим исламом, не у всех вызывали доверие. Разочарование нарастало среди тех, кто требовал перемен. Помню, как преподаватель университета в Египте говорила мне об охватившем ее отчаянии: «Я — женщина, христианка, профессор. Все это не подходит нынешним властям».

После свержения Мурси «Братья-мусульмане», а заодно и «Хамас» были запрещены в Египте, а в Саудовской Аравии «братья» были внесены в список террористов. Мощный откат начался и в Великобритании, ранее в связи с либеральным законодательством дававшей приют исламистским лидерам, в том числе и радикальным, возвращение которых на Ближний Восток в условиях «арабской весны» стало одним

из факторов активизации местных исламистских сил. «То, что “Братья-мусульмане” пустили такие глубокие корни в Европе, выглядит поистине парадоксально. Дело в том, что она воплощает в себе все, что так ненавистно движению: светское государство, мультикультурализм, экономическую и политическую либерализацию. Именно с такой идеологией и намеревался бороться Хасан аль-Банна, когда основал “Братьев-мусульман” в Египте в 1928 г. Как бы то ни было, именно эти ценности и позволяют движению превратить Европу в свою операционную базу. Существующие там свободы для людей и организаций не позволяют правительствам ограничить деятельность “Братьев-мусульман”»⁷¹. После контрпереворота в Египте британские власти начали расследования деятельности «Братьев-мусульман».

Откат «исламских революций» в арабских государствах, которые в случае утверждения у власти сторонников политического ислама привели бы в усилению внешнего влияния на умму в России и в Центральной Азии, не означал, что опасность такого влияния была снята. При этом можно сказать, что в России не считали «умеренных исламистов» источником серьезной дестабилизации и полагали, что с ними вполне можно сотрудничать на прагматической основе. Российские эксперты, проанализировав политические задачи и поведение представителей различных течений в суннизме, относительно «умеренных исламистов» (к ним были отнесены и «Братья-мусульмане» в Египте, и партия «Ан-Нахда» в Тунисе) отмечали, что, в отличие от салафитов и джихадистов, они «принимают демократические нормы и процедуры, не отрицают либеральные ценности, признают рациональную аргументацию в политических спорах и в целом демонстрируют прагматизм»⁷². Надо отметить, что, придя к власти, «умеренные исламисты», как уже говорилось выше, довольно быстро подпортили свой «демократический» имидж в стремлении побыстрее консолидировать позиции, особенно с учетом соперничества с более радикальными салафитами, требовавшими переформатирования политического пространства на исламских принципах. «Умеренные исламисты», которые были оттеснены на периферию политической жизни, подвергаются гонениям и жесткому давлению и вряд ли скоро оправятся от потрясения. В создавшихся условиях их наиболее стойкая часть будет радикализироваться, уйдет в подполье, возможности для распространения влияния у нее будут существенно сужены. Чего не скажешь о салафитах, которые политически выиграли в результате репрессий против своих соперников.

Ожесточенная гражданская война в Сирии, нестабильность в Ираке и Ливии оказывают влияние на мусульманские сообщества и за пределами региона. Под воздействием военного противостояния деятельность радикальных организаций и сторонников исламистов в России и Центральной Азии приобретает новое измерение. Российские граждане воевали в Сирии на стороне оппозиции. Несколько десятков жителей Киргизии в 2013–2014 гг. также присоединились к рядам оппозиции, еще десятки ожидали переброски туда в Турции или в Афганистане и Пакистане. В Казахстане известно о сотне боевиков. Через Турцию в Сирию попадают и жители Туркменистана (также кружными путями через Афганистан и Пакистан). Очевидно, сводить причины их активности исключительно к бедности и отсутствию социальных лифтов на родине нет оснований — речь должна идти и о конфессиональной солидарности, т.е. ценностной составляющей. Едут не бедняки, а представители вполне благополучных семей, и поэтому бороться с явлением перелива насилия через границы сложно. Есть и обратная тенденция, когда повоевав, они возвращаются домой, привозя экстремистские идеи и готовность к применению насилия.

Достигнутый ныне в преобладающем большинстве государств Центральной Азии консенсус элит (более прочный в Узбекистане, Казахстане, Туркмении) может при его сохранении рассматриваться как залог того, что недовольство не приведет к мощным социальным взрывам (локальные выступления не в счет), способным переформатировать всю политическую систему. Однако он не означает, что местные исламистские организации, и так достаточно активные в отсутствие легальных каналов выражения протестных настроений, не получают дополнительной подпитки. К традиционной поддержке Саудовской Аравии и Пакистана могут добавиться исламистские фонды и правительства других арабских государств, не исключен перелив исламских боевиков из «горячих точек» в Центральную Азию и в Россию.

Возможность обострения ситуации в Центральной Азии увязывается также с негативным воздействием Афганистана, где, особенно после вывода основного контингента американских войск, откроется возможность для более раскованных действий различных радикальных и экстремистских группировок. «...Между официальным Кабулом и “Талибаном” уже давно установились некие неформальные соглашения. Воинственная риторика, взаимные проклятия и угрозы, отсутствие официальных переговоров никого не должны обманы-

вать. Идеологическая составляющая в деятельности “Талибана”, все эти лозунги об “исламском эмирате Афганистан”, “освободительном походе на Север” и прочая постепенно сокращаются, уступая место “бытовым вопросам”, таким, как перераспределение долей в наркобизнесе и передел каналов доступа к финансовым потокам, идущим с Запада и от международных организаций на “реконструкцию и построение демократии”. “Крайними” по итогам этих соглашений становятся находящиеся на территории Афганистана бойцы из постсоветской Средней Азии, салафиты Киргизии, Таджикистана, Туркмении, члены “Хизб ут-Тахрир” и Исламского движения Узбекистана. Всем им в сложившемся балансе между Кабулом и “Талибаном” места попросту не остается, а потому они начинают готовиться к “возвращению в родные края”, что создает угрозу внутренней дестабилизации уже непосредственно членам ОДКБ, Ашхабаду и Ташкенту»⁷³. Одновременно сохраняется «серая зона» в Афганистане, где готовят боевиков-террористов, существуют лагеря, занимающиеся отправкой «солдат удачи» в горячие точки, и т.п.

Вызов политического ислама для России остается достаточно серьезным как на ее собственной территории, так и в пограничных регионах и государствах. Напрямую не связанный с событиями в арабском мире, постсоветский ислам тем не менее не может не ощущать мощного влияния суннитского наступления на Арабском Востоке, и его отдельные последователи неизбежно будут втягиваться в формально чужое, но идейно и политически близкое им противостояние.

¹ AL-Ahram, December 19, 1961. Цит по: *Dawisha Adeed. The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy, and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2013. Kindle ed. Loc. 513.

² *Shlaim Avi. The Iron Wall*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2000. P. 200–201.

³ Ibid. P. 203–204.

⁴ Цит. по: *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). 2-е изд., пер. и доп. М.: Российская газета, 2012.

⁵ *Dawisha Adeed. The Second Arab Awakening*. Loc. 660.

⁶ *Ражбадинов М. З.* Анатомия египетской революции-2011: Египет накануне и после политического кризиса в январе—феврале 2011 г. М.: ИВ РАН, 2013. С. 76.

⁷ *Филоник А. О.* Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное) // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? С. 34.

⁸ *Филатов Сергей*. Тунисский бунт. Бессмысленный и беспощадный. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/idea/9335>.

⁹ Там же.

¹⁰ *Hamid Shadi*. Tunisia. Birthplace of the Revolution // The Arab awakening: America and the transformation of the Middle East / Kenneth M. Pollack [et al.]. Wash.: The Brookings Institution, 2011. P. 111.

¹¹ РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/arab_info/201111217/518455789.html#ixzz2xcCuJEy0.

¹² *Batsheva Sobelman*. ISRAEL: Is the Arab Spring spreading to the Jewish state? // Los Angeles Times. 26.07.2011.

¹³ Площадь в Каире, где собирались протестующие.

¹⁴ Interview with Rachid Ghannouchi. France 24. 13 November 2011, retrieved 11 November.

¹⁵ *Кузнецов Василий*. Немного крови в мутной воде. 23 мая 2013 // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Nemnogo-krovi-v-mutnoi-vode-15979>.

¹⁶ *Коротаев А. В., Зинькина Ю. В.* Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6–7; *Исаев Л., Коротаев А.* Анатомия египетской контрреволюции. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/02/03/egypt/>; Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после «арабской весны» / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД, 2013.

¹⁷ *Коротаев А. В., Зинькина Ю. В.* Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 14.

¹⁸ *Ben Nefissa, Sarah*. The Egyptian Transition Arena: Between the Army Leadership, the Muslim Brotherhood and a Society in Full Transformation // IEMed Mediterranean Yearbook 2013. Barcelona, 2013. P. 185.

¹⁹ Qatar Tribune. 2014. May 12.

²⁰ *Пономарева Елена*. Секреты «цветных революций». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svom.info/entry/223-sekret-y-cvetnyh-revolycij-prodolzhenie/>.

²¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/222361/> 22.02.2011.

²² *Манойло А. В.* Специально для интернет-журнала «Новое Восточное обозрение». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.journal-neo.com/ru/node/6573>.

²³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.upmonitor.ru/news/russia/971345a/>.

²⁴ *Елишев Сергей*. Не допустим «ливийского сценария» в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruskline.ru/news_rl/2011/12/19/.

²⁵ Военные операции за рубежом как державная привилегия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/editorial/2014-03-04/2_red.html.

²⁶ Крашенинникова В. США хотят спалить Сирию руками Москвы // Комсомольская правда. 2012. 6 июня.

²⁷ Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 г. Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603>.

²⁸ Oldag Andreas. Machmittel Öl // Süddeutsche Zeitung. 21.05.2012.

²⁹ Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке: влияние на мировой рынок нефти / Рук. авт. кол-ва С. В. Жуков. М: ИМЭМО РАН, 2012. С. 5.

³⁰ Иванов И. С. Внешняя политика в эпоху глобализации. М.: ОЛМА Медиа групп, 2011. С. 182.

³¹ Подробнее о внешнем вмешательстве см.: Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Авторы доклада: Виталий Наумкин, Александр Аксененко, Борис Долгов, Ирина Звягельская, Василий Кузнецов, Вениамин Попов. М., Август-2013. С. 41–43.

³² Magen Zvi. Russia in the New Middle East // INSS Insight No. 252. 2011. April 13.

³³ Al-Turk Akram. Libya: From Revolt to State-Building // The Arab Awakening. America and the Transformation in the Middle East. P. 119.

³⁴ Цит по: Егорин А. З. Свержение Муамара Каддафи. Ливийский дневник. 2011–2012 гг. М.: ИВ РАН, 2012. С. 27.

³⁵ Kricheli Ruth, Livne Yair, Magaloni Beatriz. Taking to the Streets. Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism. 7.11.2011. P. 9 URL: <http://iis-db.stanford.edu>.

³⁶ В частности, в резолюции говорилось: «*Совет Безопасности, выражая глубокое беспокойство по поводу ситуации в Ливийской Арабской Джамахирии и осуждая насилие и применение силы против гражданских лиц, осуждая грубые и систематические нарушения прав человека, включая подавление мирных демонстраций, выражая глубокое беспокойство по поводу гибели гражданских лиц и безоговорочно отвергая подстрекательство к вражде и насилию в отношении гражданского населения со стороны правительства Ливийской Арабской Джамахирии на самом высоком уровне... обращая особое внимание на необходимость соблюдения принципов свободы мирных собраний и выражения мнений, включая свободу средств массовой информации, подчеркивая необходимость привлечь к ответственности тех, на ком лежит вина за нападения на гражданских лиц, в том числе нападения, совершенные подконтрольными им силами... 1. Требуется незамедлительно положить конец насилию и призывает предпринять шаги для удовлетворения законных требований населения. 2. Настоятельно призывает ливийские власти: а) проявлять максимальную сдержанность, уважать права человека и нормы международного гуманитарного права и незамедлительно предоставить доступ международным наблюдателям за положением в области прав человека. Resolution 1973 (2011). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/39/PDF/N1126839.pdf>.*

³⁷ Resolution 1973 (2011). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/39/PDF/N1126839.pdf>.

³⁸ Аналитическая записка // Мировая торговля оружием. М., 2011. № 2. С. 2.

³⁹ *Lynch Marc*. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions in the New Middle East. P. 170.

⁴⁰ *Samuel Henry*. Nicolas Sarkozy 'received £42 million from Muammar Gaddafi for 2007 election' The Telegraph. 2012. March 12.

⁴¹ Московские новости. 2011. 20 октября.

⁴² ИТАР-ТАСС. 2011. 20 октября.

⁴³ *Lynch Mark*. Op. cit. P. 176.

⁴⁴ Россия и «новые элиты» стран «арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия: рабочая тетр. / [А. И. Шумилин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 25.

⁴⁵ *Чамов В. В.* Ливийская драма: видение российского дипломата // Ближний Восток, «арабское пробуждение» и Россия: что дальше? С. 574.

⁴⁶ Московский комсомолец. № 201. 24 марта.

⁴⁷ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk>. 2011. 21 марта.

⁴⁸ В феврале 2013 г. глава партии «Альянс национальных сил» Махмуд Джибриль заявил о возможности возвращения российского бизнеса в Ливию // Российская газета. 2013. 28 февраля.

⁴⁹ *Hoagland Jim*. Syria's civil war is bigger than Syria itself // The Washington Post. 15.12.2011.

⁵⁰ *Аксененко Александр*. Россия — медиатор между Сирией и Западом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20120208/560351348.html>.

⁵¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/26906.html>.

⁵² Интервью «Голосу России» вице-президента Академии геополитических проблем К. В. Сивкова // Радио «Голос России». 2012. 12 июня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/77249472.html.

⁵³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/12/16/russia-text-could-break-un-syria-deadlock/>.

⁵⁴ The Wall Street Journal. 16.12.2011.

⁵⁵ *Тренин Дмитрий*. Россия и кризис в Сирии. М.: Московский центр Карнеги, 2013. Февраль. С. 26.

⁵⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c1/333107.html>.

⁵⁷ *Караганов С.* Итоги года. Кондово, но успешно // Ежедневный журнал. 2013. 1 января. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ej.ru>.

⁵⁸ Подробнее см.: *Звягельская Ирина*. Россия и «арабское пробуждение»: восприятие и политика // Оценки и идеи. Бюллетень № 3. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2013. Апрель.

⁵⁹ РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/arab_sy/20120630/688921915.html#ixzz2IDUJAFfE.

⁶⁰ РИА Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130104/917089914.html#ixzz2HD1nmAX5.

⁶¹ РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130113/917947293.html#ixzz2I3PVarr9.

⁶² *Naumkin Vitaly*. US, Russia share common threat of 'new extremism'. 1.04.2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/russia-mideast>.

⁶³ U.S. tells ally Bahrain 'not the time' to do business with Russia. Washington. April 30. URL: <http://www.reuters.com/>.

⁶⁴ Предварительные итоги всероссийской переписи населения 2010 г.: Статистический сборник. Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

⁶⁵ *Малашенко Алексей*. Ислам для России. Московский центр Карнеги (Carnegie Endowment). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 10.

⁶⁶ *Игнатенко Александр*. Мусульманская самозащита от ваххабизма // Независимая газета. 1999. 12 января.

⁶⁷ *Маликов Кадыр*. Будет ли «центральноазиатская весна» или что-то другое? 11.03.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1394515080>.

⁶⁸ What Does the Arab Spring Mean for Russia, Central Asia, and the Caucasus. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program / Algerim Zikibaeva (ed.), Serge Korepin, Shalini Sharan (rapporteur). CSIS, September 2011.

⁶⁹ Полный список из 17 организаций опубликован в «Российской газете» от 27.06.2007.

⁷⁰ *Латухина К.* Путин и Мурси обсудили атомную энергетику и сирийский кризис // Российская газета. 2013. 20 апреля.

⁷¹ *Guitta Olivier*. Le fin du Londonistan? // Le Huffington Post. 13.04.2014.

⁷² Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Авторы: Виталий Наумкин, Александр Аксенов, Борис Долгов, Ирина Звягельская, Василий Кузнецов, Вениамин Попов. М., август 2013. С. 25.

⁷³ *Сабиров Икрам*. На президентских выборах лидируют сторонники «стратегического партнерства» с США. 17.04.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://golosislama.ru/news.php?id=23103>.

Глава 4

ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ ИЗРАИЛЬ

Израиль — наш лучший друг.

Здесь нас любят. И никто теперь меня с этого не собьет!

Павел Грачев, министр обороны РФ (1992–1996)

Восстановление и развитие дипломатических, военно-политических и экономических отношений РФ с Израилем стали важным направлением ее курса на Ближнем Востоке и на мировой арене. Фактически за ними стоит переформатирование ближневосточной политики России, ее выход за узкие рамки, в которых начиная с 1967 г. отчасти вынужденно, отчасти сознательно действовал Советский Союз, ограничив для себя возможность выхода на обе стороны конфликта. Российско-израильские отношения формировались и развивались под влиянием новых факторов в международных отношениях, однако, в отличие от арабского направления, где советское наследие играло существенную роль для сохранения и развития традиционных связей, российско-израильское взаимодействие в целом строилось на отторжении советского опыта.

Политические отношения: эволюция подходов

История советско-израильских отношений была достаточно драматичной. Можно напомнить, что она изобиловала крутыми поворотами, регулярными всплесками напряженности и в конечном итоге длительным периодом отсутствия дипломатических отношений. При этом СССР сыграл ключевую роль в создании Израиля, поддержав в ноябре 1947 г. резолюцию ГА ООН № 181/II о разделе Палестины, оказывал помощь молодому государству в период войны за независимость.

Соображения, которыми тогда руководствовался СССР, отражали его глобальное противостояние с империализмом и стремление ослабить позиции империалистических держав в различных регионах. Этим объяснялось и то, что выбор в пользу раздела Палестины и создания двух независимых государств (арабского и еврейского) был сделан не сразу. В записке заместителя заведующего ближневосточным отделом МИД СССР М. А. Максимова от 6 сентября 1946 г. содержались следующие рекомендации для советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН: добиваться прекращения британского мандата на Палестину, полного вывода британских войск и создавать «независимую Палестину на демократической основе» через ООН¹. Советское правительство быстро отошло от идеи создания независимой Палестины, рассматривая ее исключительно как тактический ход. Министр иностранных дел В. М. Молотов в телеграмме своему заместителю А. Я. Вышинскому в Нью-Йорк подчеркивал: «Вы должны иметь в виду, что когда предлагалось в известной Вам директиве для Громыко в качестве первого варианта разрешения палестинского вопроса создание двуединого государства, то это делалось нами по тактическим соображениям. Мы не можем брать на себя инициативу в создании еврейского государства, но нашу позицию лучше выражает второй вариант упомянутой нашей директивы о самостоятельном еврейском государстве»².

Действительно, создание независимого еврейского государства наносило удар по намерениям Великобритании сохранить свое господство в Палестине. При этом советские руководители не акцентировали внимания на том, какие именно политические силы придут к власти в еврейском государстве. Оставаясь идеологически враждебными сионистам и нещадно преследуя в своей стране людей, разделявших сионистские убеждения, они все же рассматривали в тот период сионистское руководство как второстепенный фактор в контексте сделанного стратегического выбора. Сионистов, в отличие от опиравшихся на Англию арабских режимов, можно было использовать в интересах послевоенного укрепления международных позиций СССР.

Политика СССР по отношению к Израилю выделяла его из огромного числа государств, отношения с которыми были более предсказуемыми и стабильными. Угроза разрыва отношений (1956) или их разрыв (1953, 1967) стали отличительными особенностями советского курса на Ближнем Востоке. Только в 1953 г. их разрыв был действительно вызван резко испортившимися двусторонними отношения-

ми в связи с «делом врачей» и затем взрывом в советском посольстве в Тель-Авиве.

Более поздние примеры выглядели немотивированными — фактически СССР жертвовал институтом дипломатических отношений, протестуя против политики Израиля в отношении третьих стран, т.е. арабских государств. Во враждебном отношении СССР к Израилю большую роль сыграло то, что он довольно рано заявил о своей прозападной ориентации. Именно ориентация на США заставляла рассматривать его как американский придаток и отрицать или сознательно ложно интерпретировать собственно израильские интересы. Тем не менее прозападная ориентация и давление на советских союзников в ходе арабо-израильского конфликта даже в эпоху «холодной войны» все же, казалось, не создавали достаточных мотивов для столь резких и жестких шагов со стороны СССР. Тем более что израильский социализм и марксизм имели русские корни, что значительное число граждан сохраняло связи с русской культурой, что существовали родственные связи между израильскими и советскими гражданами, что на официальном и на общественном уровне всегда ценили огромный вклад СССР в победу над фашизмом и его роль в создании израильского государства.

Много режимов по всему миру, включая Ближний Восток, досаждали советским союзникам, использовали антисоветскую риторику и ориентировались на Запад, однако Москва не разрывала с ними дипломатических отношений. Объяснение можно найти в том обстоятельстве, что Израиль, постоянно выступая за эмиграцию советских евреев и привлекая тем самым внимание международного сообщества к советской системе, в принципе препятствовавшей свободному передвижению людей, превратился для советского руководства в постоянный внутренний раздражитель. Такое поведение выходило, по мнению Москвы, за рамки идейно-политической поляризации времен «холодной войны» и означало вмешательство во внутренние дела. Радикальный ответ советского руководства на израильские действия в регионе был призван не только продемонстрировать политическую поддержку СССР терпевшим поражения арабским союзникам, но и наказать Израиль за иные, более весомые в глазах советских лидеров грехи. Официальная борьба с сионизмом, приравненная к борьбе с империализмом, не могла не трансформироваться в условиях тотальной идеологии в государственный антисемитизм.

В период «шестидневной войны» 1967 г. достаточно ясно просматривалось разделение воюющих сторон на советских и американских клиентов. Обе державы, опасаясь прямого глобального столкновения, пытались реализовать свое соперничество на региональном уровне. СССР поддерживал прежде всего Египет и Сирию, а США были на стороне Израиля. 6 июня 1967 г. СБ ООН призвал к прекращению огня. Ему последовали Египет, Иордания и Сирия. Израиль решил воспользоваться ситуацией на сирийском направлении. В то время как советское руководство заявило, что, если прекращение огня не вступит в силу немедленно, СССР пересмотрит свои отношения с Израилем, министр обороны М. Даян отдал приказ войскам о наступлении на сирийском фронте. 10 июня СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем.

В свое время цену за восстановление дипломатических отношений обозначил министр иностранных дел А. А. Громыко. На конференции в Женеве в 1973 г. он подчеркнул, что СССР восстановит отношения с Израилем, когда наметится прогресс в урегулировании арабо-израильского конфликта. Фактически вопрос о дипломатических отношениях был поставлен в зависимость от второстепенных для СССР проблем, не связанных прямо с его национальными интересами. Однако отношения с просоветскими арабскими режимами, крайне негативно воспринимавшими перспективу восстановления дипломатических контактов СССР с Израилем, в контексте соперничества с США выросли в важнейший внешнеполитический приоритет.

Очевидно, были и другие проблемы, обусловленные наличием негативных стереотипов и предубеждений, распространенных среди ряда высших советских руководителей. Не секрет, что в СССР реально существовал поддерживаемый государственной политикой антисемитизм, в котором, разумеется, никто из представителей власти никогда не признался бы. Формально советская власть исповедовала интернационализм, что, кстати, обеспечивало ей поддержку среди широких слоев населения, не знавших в деталях, как эта политика порой осуществлялась на практике. Депортация целых народов из родных мест в условиях Великой Отечественной войны (Кавказ, Крым), ограничения, с которыми столкнулись, например, немцы и поляки, не поколебали уверенности большинства в том, что в СССР все народы равны перед законом.

Антисемитизм не был результатом определенных обстоятельств, он имел глубокие исторические корни в общественном сознании,

и советская правящая верхушка в этом плане вовсе не была защищена от предрассудков ни культурой, ни образованием, ни воспитанием. Ставка на «народное понимание» дала в свое время возможность Сталину использовать еврейский вопрос для политических манипуляций («дело врачей»). Разумеется, в более позднюю советскую эпоху, когда режим эволюционировал от тирании в сторону авторитаризма, подобные национальные эксперименты исключались, но травля представителей тех или иных народов никогда не проходит бесследно для общества. В своей книге, посвященной политике России на Ближнем и Среднем Востоке, академик А. М. Васильев приводит интервью с будущим послом СССР/РФ в Израиле А. Е. Бовиным относительно затянувшегося периода отсутствия дипломатических отношений с Израилем:

«А. Е. Бовин. ...Когда меня назначали послом в Израиль, я первым делом поехал к Шеварднадзе... Он мне рассказывал, не называя лиц, что всегда наталкивался на сопротивление. Горбачев говорил ему: “Не торопись, потому что другие будут против”.

Автор. Но в этом должна быть какая-то логика.

А. Е. Бовин. Есть две причины. Антисемитизм, который я не исключаю в руководстве, отражение антисемитизма в государственной политике. Я знаю, как некоторые члены Политбюро относились к конкретным лицам, которых подозревали в том, что у них папа или мама — евреи. Конкретные фамилии не буду называть, это живущие ныне люди. Вторая причина: братья-арабы. Вот наши союзники, вот наши друзья, зачем мы будем их раздражать»³.

После 1967 г. контакты между двумя странами были минимальны, сохранялись в строжайшей тайне и осуществлялись в основном по каналам спецслужб. В книге «Ближний Восток на сцене и за кулисами» Е. М. Примаков пишет о том, какие факторы определили принятие решения о начале секретных контактов с Израилем, о причинах появления «Особой папки», определившей проведение конфиденциальных контактов с израильским руководством, которые осуществлялись с перерывами с августа 1971 г. по сентябрь 1977 г. В этих контактах был задействован сначала только Евгений Примаков, а затем и Юрий Котов — ответственный сотрудник КГБ. Со временем образовались и другие неофициальные каналы связи, но этот оставался основным⁴.

Позиции различных ведомств в СССР, влиявших на принятие решений, не были едиными. Так, глава КГБ СССР Ю. В. Андропов полагал, что отсутствие дипотношений с Израилем не способствует

проведению успешной и полнокровной политики СССР в регионе. Об этом в разное время говорили и некоторые арабские партнеры, полагавшие, что в сложившейся ситуации Советский Союз не может оказывать эффективного воздействия на израильское руководство; об этом говорили и в Вашингтоне, указывая на ограничения, существующие для посреднической роли СССР. Сами израильские руководители через различные каналы (финский, австралийский) стали направлять сигналы, свидетельствовавшие об их стремлении возобновить отношения с СССР. При этом они не собирались менять позицию по территориям, о чем говорили участникам неофициальных контактов. Важно отметить, что советские предложения, касавшиеся создания условий для восстановления отношений, не оставались застывшими. Если на первых встречах речь шла о возвращении Израиля к границам 4 июня 1967 г., то позже советские представители уже говорили о поэтапных шагах, а во время встречи в 1977 г. речь шла о согласии Израиля на возвращение в Женеву. В это время премьер-министром стал лидер правого блока «Ликуд» Менахем Бегин, который не был искушен в политике, проведя всю свою жизнь в оппозиции, и который, возможно, не оценил подвижек в советской позиции. Кроме того, ему не имело смысла принимать участие в конференции, где на Израиль будет оказываться согласованное давление арабской стороны. По воспоминаниям Ю. В. Котова, Бегин, ведший беседу на блестящем, но чуть старомодном русском языке, внимательно выслушал его и Е. М. Примакова и предложил встречный вариант — приехать в СССР и все решить на встрече с Брежневым. Он не хотел слушать возражений и, видимо, плохо представлял себе, что требуется для официального визита. Телеграммы были посланы в соответствующие адреса, но докладывать высокому начальству о предложениях Бегина никто, разумеется, не стал.

Положение начало меняться в годы перестройки и общей либерализации советского режима. Как уже отмечалось, в это время советские евреи и представители других народов впервые получили право на свободную эмиграцию из страны, что положило конец противостоянию с Израилем по этому вопросу. В отношениях двух государств появились приметы потепления. СССР принял помощь Израиля после трагедии в Чернобыле (1986) и землетрясения в Армении (1988). Появлению взаимного доверия в решающей степени способствовала выдача Израилем преступников из СССР, угнавших пассажирский самолет и направивших его в Израиль. Они стали своего рода

жертвами антиизраильской пропаганды и были твердо уверены, что Тель-Авив, о котором говорилось так много плохого, окажет им необходимую помощь. Они, конечно, не имели ни малейших представлений о беспощадной борьбе Израиля со всеми формами терроризма. Заложники были освобождены, а преступники переданы советской стороне. Важную роль в координации усилий по разрешению кризиса сыграла советская консульская группа во главе с Георгием Мартиросовым⁵, прибывшая в Израиль в июле 1987 г. для решения вопросов, связанных со статусом проживавших там советских граждан и защитой имущественных интересов СССР в этой стране.

В 1988 г. в СССР прибыла израильская консульская группа во главе с блестящим дипломатом Арье Левином. Перед ним была поставлена сложная задача подготовки условий для нормализации израильско-советских отношений и обеспечения еврейской эмиграции. Группа разместилась в посольстве Нидерландов — страны, представлявшей интересы Израиля в СССР в период отсутствия дипломатических отношений. Вначале к израильтянам отнеслись очень настороженно. Левин рассказывал, что его почти не принимали в МИДе, любая его инициатива наталкивалась на бюрократические препоны.

В феврале 1989 г. министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе и его израильский коллега Моше Аренс встретились в Каире и договорились о контактах между МИДами двух стран. МИД СССР стал постепенно заменять ЦК КПСС в диалоге с Израилем. Последовала серия визитов израильских министров в Москву. В ходе встречи министров иностранных дел СССР и Израиля в Нью-Йорке в сентябре 1990 г. было решено заменить консульские группы генконсульствами и тем самым поднять уровень двусторонних отношений. В марте 1991 г. в Лондоне глава советского правительства Валентин Павлов встретился с Ицхаком Шамиром.

Восстановление дипломатических отношений стало возможно в условиях позитивных сдвигов в отношениях СССР и США и в контексте меняющейся региональной ситуации. Среди важнейших факторов можно назвать улучшение отношений СССР с Западом, происходившее на фоне перестройки и обозначившееся в его подходе к агрессии Ирака против Кувейта. Оно создало новую обстановку, в которой стал возможен пересмотр ряда политических догм предшествующего периода. Немалую роль сыграло открытие в октябре 1991 г. под ко-спонсорством СССР и США Мадридской мирной конференции, на которой впервые присутствовали все государства—участники

конфликта и которая формально сняла ранее имевшиеся препятствия на пути нормализации отношений с Израилем.

Послом СССР в Израиле (а затем первым послом Российской Федерации) стал А. Е. Бовин. Он был яркой личностью, обладал широтой взглядов, смелостью суждений. В качестве известного журналиста и советника ЦК оказывал определенное влияние на формирование общественного мнения в Советском Союзе, в том числе и по вопросу ближневосточной политики. В МИД СССР работали очень сильные и талантливые арабисты, но специалиста по Израилю со знанием иврита, которого можно было направить в страну в ранге посла, не было. Бовин не был карьерным дипломатом, у него отсутствовали политические предубеждения в отношении Израйля (не случайно свою книгу о пребывании в Израиле он так и назвал: «Записки ненастоящего посла»). Посол Бовин вручил верительные грамоты президенту Израйля Хаиму Герцогу 23 декабря 1991 г. В «Записках» он описал это событие: «Вручение верительных грамот состоялось, выражаясь мидовским новоязом, “при том понимании”, что до 30 декабря я буду послом Советского Союза, а после — послом России. Все было как положено: эскорт мотоциклистов, оркестр, ковер, флаги и т.д. Все было расписано: куда идти, где стоять, куда поворачиваться. На мне был парадный мундир с золотым шитьем и маршалскими звездами (последний, кажется, посольский мундир, сшитый в мидовском ателье). Первый и последний раз я был при галстуке. Посмотрел на себя в зеркало и подумал — ну, точно швейцар пятизвездочного отеля. Но надо было терпеть»⁶.

Приезд советского/российского посла в Тель-Авив и открытие израильского посольства в Москве (первым послом назначен А. Левин) обозначили новый этап двусторонних отношений.

В начальный период развития двусторонних отношений собственная значимость Израйля для российской политики и экономики еще не была очевидна. Некоторые российские представители бюрократии стали рассматривать Израиль чуть ли не как курорт, как культурно близкую и манящую страну, которую после стольких лет можно было наконец посетить за государственный счет. В Израиль по делу и не совсем зачастили многочисленные делегации, требуя от перегруженного посольства дополнительного и вовсе не полагавшегося им внимания. При этом поведение некоторых высокопоставленных российских визитеров порой вызывало у израильских хозяев оторопь. Внешнее сходство в поведении, широкое знание русского языка ка-

муфлировали глубокие и принципиальные различия в менталитете и в функционировании политических систем, что не всегда было ясно российским политикам и бизнесменам, привыкшим вести дела «как в России».

Время взаимного сближения со всеми его шероховатостями все же прошло достаточно быстро. О новом уровне развития двусторонних отношений свидетельствовала отмена визового режима между двумя государствами. С момента отмены визового режима между Россией и Израилем в 2008 г. приток туристов существенно вырос и составил около 3 млн человек.

Складывавшиеся особые российско-израильские отношения были обусловлены действием нескольких важных для обоих государств факторов. Во-первых, с учетом реально сохранявшегося двойного гражданства в Израиле появилось большое число российских граждан, за которых РФ несет ответственность. Во-вторых, по ряду принципиальных для РФ вопросов Израиль полностью поддержал ее позицию. Это касалось прежде всего борьбы с терроризмом. В то время как на международном уровне многие критиковали действия федеральных войск в Чечне, Израиль отреагировал с пониманием. Рост активности террористов в России показал, что нередко палестинские и российские террористы финансировались из одних и тех же источников — исламистскими экстремистскими организациями. После взрывов в российских самолетах, захвата школы в осетинском городе Беслан и гибели более трехсот заложников, включая большое число детей, трагедии на Дубровке и взрывов в российских городах израильский опыт борьбы с терроризмом приобрел для России особую актуальность, хотя, надо признать, не всегда мог быть применен.

На международной арене позиции Израиля порой оказывались ближе к российским, чем к западным. Как уже говорилось, Тель-Авив не был заинтересован в появлении независимого мусульманского государства на Балканах и сочувствовал Сербии. Фактически его подход был ближе к подходу РФ, выступавшей против расчленения Сербии, чем к позиции США и других стран Запада, оказывавших на нее мощное военное давление. Израиль выступил против попыток некоторых украинских политиков охарактеризовать голод на Украине в начале 1930-х годов как геноцид украинцев или Холокост украинского народа. Голод, поразивший и Украину, и Россию, и Белоруссию, и Казахстан, был вызван прежде всего ударом по сельскому хозяйству, нанесенному политикой ускоренной индустриализации. Проводимый

курс не имел ничего общего с этническим конфликтом, однако на Западе согласиться с этим были готовы далеко не все.

В попытках выстроить особые отношения с Россией большую роль играет внутривнутриполитический фактор. Утверждающиеся у власти «приезжие» из бывшего СССР и СНГ конкурируют со старыми израильскими элитами и в этой борьбе используют декларации о «переориентации» на Россию. И хотя Россия не может дать Израилю того, что дает Америка, и «русские политики» активно работают в американском направлении, тем не менее они пытаются сохранить старые связи с РФ и установить новые.

В последние годы интенсивное развитие отношений Израиля с РФ несет на себе и отражение ухудшившихся отношений израильского руководства с США при администрации президента Б. Обамы. Опасения, что США стали меньше учитывать израильские озабоченности в отношении ряда исламских государств, иранской ядерной программы, их попытки продвинуть урегулирование палестино-израильского конфликта, фактически монополизируя этот процесс, заставляли израильских лидеров, не желающих оказаться в изоляции, искать для себя контрбаланс, позволяющий расширить поле для маневра. Во время кризиса, возникшего после включения Крыма и Севастополя в состав РФ, когда на Генеральной Ассамблее ООН более ста государств проголосовали против российской политики, израильская делегация не участвовала в голосовании, что было связано с забастовкой сотрудников МИДа. Формально это выглядело если не как поддержка, то как достаточно нейтральная позиция и именно в этом ключе было расценено многими наблюдателями. По мнению американского специалиста Пола Сондерса, «хотя недавняя забастовка в израильском МИДе предоставила удобную возможность не голосовать, сама по себе она является плохим объяснением принятому решению — в случае если уж никто из израильской миссии при ООН в Нью-Йорке не мог голосовать, Министерство иностранных дел могло направить кого-нибудь из своего офиса. Гораздо более важным было осторожное отношение израильского правительства к выражению ясной позиции..., что иллюстрировалось мягким заявлением через несколько дней после введения Москвой войск. В этом заявлении просто говорилось, что Израиль «с большой озабоченностью следит за событиями на Украине» и «ожидает, что кризис на Украине будет разрешен мирно, дипломатическими методами»⁷. К этому можно добавить, что сложившиеся отношения между Израилем и РФ обладают

для израильского руководства высокой самостоятельной ценностью, и оно вначале решило реагировать минимально, чтобы не создавать ненужных трений.

Этот вывод не означает отрицания очевидного факта: любое израильское правительство, выстраивая свои отношения с Россией, будет учитывать наличие давно сложившегося американо-израильского альянса, прочность связей между Израилем и США. Как писал израильский аналитик Йосси Альфер: «В конечном итоге, проблема Крыма не может серьезно повлиять на стратегическую зависимость от США, которая является основой общей израильской ориентации в сфере безопасности. Более того, украинский кризис может привести к более тесному стратегическому сотрудничеству США—ЕС по многим проблемам, включая переговоры о создании двух государств. Соответственно, Израилю предстоит оценить, до какой степени демонстрация понимания российских односторонних действий в Крыму сможет причинить вред гораздо более важному для Иерусалима альянсу с США»⁸.

Культурные особенности израильского общества, и прежде всего наличие большой русскоязычной общины, позволяют активно развивать культурные связи. Практически все видные творческие российские коллективы побывали в Израиле на гастролях, где у них есть широкая аудитория. Проводятся фестивали и дни культуры. Большую роль в распространении российской культуры в Израиле играют межпарламентская Ассоциация дружбы «Россия—Израиль», Общество дружбы «Москва—Тель-Авив», Всеизраильское объединение российских землячеств, Федерация русскоязычных общин Израйля, Русский общинный дом в Иерусалиме и др. В России высоко оценили то обстоятельство, что после многолетних переговоров удалось в 2008 г. договориться об официальной передаче Сергиевского подворья в Иерусалиме, считающегося одним из важнейших символов российского присутствия на Святой земле, в собственность РФ.

Сергиевское подворье — участок земли в центре Иерусалима с двухэтажным зданием XIX в., построенным на средства Императорского православного палестинского общества (ИППО). Было названо в честь первого председателя ИППО великого князя Сергея Александровича Романова. Освящено Сергиевское подворье было осенью 1890 г. Комплекс зданий Русской духовной миссии был про-

дан Советским Союзом Израилю в 1964 г. в рамках так называемой «апельсиновой сделки». Продажа не коснулась собора Святой Троицы и собственно Сергиевского подворья. После «шестидневной войны» в отсутствие дипломатических отношений подворье перешло под израильский контроль. Переговоры велись долго — ряд израильских общественных организаций выступал против передачи подворья РФ, что также осложнило процесс переговоров.

«Русская» иммиграция в Израиль

Российская Федерация хотя и была правопреемницей СССР, но на международной арене представляла собой новую страну, политика которой принципиально отличалась от советской. В России нет практики государственного антисемитизма, развивается и укрепляется местная еврейская община, во внешней политике произошла смена приоритетов. С конца 1980-х и на протяжении 1990-х годов в Израиль выехало около одного миллиона евреев из СССР и СНГ. В 1980-е годы, когда перестройка в СССР сделала возможным выезд части евреев, большинство из получивших израильские визы устремились в США. Понадобилось личное вмешательство премьер-министра Израиля Шамира, чтобы было принято решение упорядочить этот вопрос. С 1 октября 1989 г. те, кто хотел переехать на жительство в Соединенные Штаты, должны были получать американские визы в установленном порядке в посольстве США в Москве. В результате обладатели израильских виз ехали в Израиль, а уж затем решали, оставаться ли им в Израиле навсегда.

Массовая алия породила новые проблемы, с которыми сталкивались иммигранты и израильское общество. Советско-российская алия привезла с собой в Израиль не только особый менталитет и русскую культуру, но и значительное число людей, которые не были евреями. В Израиле появилась сравнительно большая русская православная община.

Так называемая «русская» алия не только сыграла особую роль во внутренней политике и экономике Израиля, но и стала своего рода мостом между двумя государствами. Произошло это не сразу — потребовалось время для того, чтобы иммигранты, озабоченные собственным выживанием, обустроились, преодолели негативное отношение к себе части израильтян, рассматривавших их приезд лишь как погоню за экономическими благами, смогли политически мобили-

зоваться и найти свое место в новой стране. Наконец, им надо было избавиться от постсоветского синдрома, который формировал у них в Израиле достаточно жесткие политические ориентации, на первых порах отторгал от России, воспринимавшейся многими как новое издание СССР.

Экономические связи

Российско-израильские торгово-экономические отношения, регулирующиеся соответствующим соглашением от 27 апреля 1994 г., предусматривают предоставление сторонами режима наиболее благоприятствуемой нации и создание Смешанной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Оно охватывает различные сферы — производственное строительство, транспорт, авиастроение, медицинская промышленность, освоение космоса, ТЭК. Развивалось сотрудничество в области освоения космоса. С помощью российских ракет-носителей на орбиту были выведены израильские спутники: в июне 1998 г. — «ТехСат-2», в декабре 2000 г. — «Эрос-А1», в декабре 2003 г. — «Амос-2», в декабре 2004 г. — «Эрос-Б», в апреле 2006 г. — «Эрос-Б1»⁹.

В декабре 2013 г. был подписан ряд важных документов, в том числе меморандум о взаимопонимании (позволяющий российским энергетическим компаниям играть основную роль в добыче и экспорте ресурсов израильских шельфовых месторождений, а израильским фирмам — внедрять свои буровые и энергетические технологии на российских разработках на территории РФ и за ее пределами), меморандум о взаимопонимании относительно сотрудничества израильской Комиссии по атомной энергии с российской госкорпорацией «Росатом»; договор по страхованию внешнеторговых рисков и др. Были также достигнуты договоренности о начале подготовки к подписанию договора о зоне свободной торговли.

В 2013 г. Мосметрострой и израильская фирма «Минрав» завершили прокладку двух туннелей для первой в Израиле скоростной железнодорожной ветки Иерусалим—Тель-Авив. Они также подали совместную заявку на участие в тендере по строительству тель-авивского метро. В то же время затормозилось соглашение о намерениях по экспорту сжиженного газа между консорциумом «Тамар», созданным для разработки газового месторождения в территориальных водах Израиля, и швейцарским подразделением российского Газпрома.

В 2010 г. был создан Российско-израильский деловой совет, куда входит более 60 компаний и предприятий, действующих в различных сферах. Совет взаимодействует со Смешанной российско-израильской комиссией по торгово-экономическому сотрудничеству, с федеральными органами власти.

Израильские предприятия торгуют драгоценными камнями, металлами, электротехникой и фармакологической продукцией. Израиль также поставляет в Россию сельхозпродукцию — овощи, фрукты, цветы. Товарооборот составляет более 3 млрд долл. и, судя по всему, будет увеличиваться.

Военно-техническое сотрудничество

Такого рода сотрудничество имело свои исторические корни, хотя далеко не всегда носило легальный характер. Так, израильские специалисты, хорошо знакомые с советской техникой (в ходе войн на Ближнем Востоке израильская армия, как правило, захватывала большое количество советского оружия, стоявшего на вооружении арабских армий), в течение длительного времени занимались ее модернизацией. Они устанавливали новые двигатели, современное электронное оборудование, что позволяло использовать советские танки и самолеты как в израильской армии, так и после существенных изменений отправлять их на экспорт. Такого рода деятельность не могла не вызывать резких возражений в СССР, но в отсутствие дипломатических отношений Израиль предпочитал не реагировать. «Только в марте 2003 г. Израиль и Россия подписали рамочное соглашение о защите прав интеллектуальной собственности, которое обязывало Иерусалим привлекать российские фирмы ко всем будущим сделкам по модернизации техники российского производства»¹⁰.

В середине 1990-х годов были подписаны важные соглашения и меморандумы о сотрудничестве между военными ведомствами двух стран, в том числе касающиеся передачи опыта и специальных вооружений для российских формирований, осуществлявших борьбу с терроризмом. Не все планировавшиеся крупные совместные проекты были реализованы — негативную позицию в вопросах, задевавших интересы американского ВПК, занимали США.

6 сентября 2010 г. министры обороны РФ и Израиля впервые в истории подписали долгосрочное соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Оно дало возможность договориться о создании

в России сборочного производства БПЛА по израильским технологиям. Российская сторона закупила полную технологию производства современных беспилотников, которые должны собираться на Казанском вертолетном заводе. Сумма контракта составила 400 млн долл. В феврале 2012 г. на предприятии «Уральский завод гражданской авиации» (УЗГА) началось производство беспилотных самолетов по израильской лицензии. Речь идет о комплексе, получившем в России название «Форпост». Он включает в себя три БПЛА типа *Searcher*. Специалисты УЗГА прошли подготовку в Израиле. В июне 2013 г. израильские БПЛА, собранные в России, были представлены в Алабине на выставке новейших комплексов беспилотных летательных аппаратов, поступивших на вооружение российской армии¹¹.

В принципе РФ и Израиль выглядят достаточно перспективными партнерами в области кооперации в военной сфере. Они не являются конкурентами на международном рынке вооружений — Израиль продает высокотехнологическое оружие, а РФ более металлоемкое. Это позволило осуществить несколько совместных проектов для Турции и Индии, когда российские заводы поставляли летающую платформу, а израильские — необходимую электронную начинку.

Однако в плане закупок военной техники за рубежом российские военные столкнулись с противодействием местного ВПК, заинтересованного в наращивании собственных поставок в армию и в получении заказов. Ориентация на собственные вооружения не сводилась исключительно к распределению бюджета между российскими фирмами. Развитие собственного современного ВПК означало бы оживление российской военной промышленности, которая, по мнению ряда специалистов, могла стать локомотивом для других промышленных отраслей в период все большей деиндустриализации российской экономики. Наконец, опора на собственные силы в деле перевооружения армии имеет непосредственное отношение и к проблеме безопасности: при форс-мажорных ситуациях поставки вооружений должны быть бесперебойными и не становиться жертвами политической конъюнктуры. В 1973 г. с такой проблемой во время «октябрьской войны» столкнулся Израиль. Тогда его наиболее верный союзник США, исходя из собственных интересов и рассчитывая на укрепление своих позиций в результате «ограниченной победы» Египта, в течение нескольких драматических дней медлил с открытием воздушного моста для Израиля.

Судя по всему, подобные соображения, а также уверенность отечественных производителей, что они смогут справиться и сами, пре-

допределили заморозку кооперации в области производства дронов. 25 декабря 2013 г. Дмитрий Медведев подписал постановление о запрете и ограничении на допуск иностранных товаров и услуг для нужд обороны страны и безопасности государства. Документ запрещает допуск товаров, «происходящих из иностранных государств», а также работ и услуг, выполняемых иностранными гражданами для нужд обороны. Исключением являются лишь те случаи, когда производство нужных товаров, выполнение работ и оказание услуг на территории Российской Федерации отсутствуют или не соответствуют требованиям государственных заказчиков. Все такие «случаи» должны быть внесены в специальный список¹². По мнению критиков такого решения, проблема для РФ заключается в том, что отечественный оборонно-промышленный комплекс максимально монополизирован и, следовательно, производители могут диктовать собственные условия вооруженным силам, заставляя их покупать далеко не лучшие образцы. Впрочем, эта тема выходит за рамки российско-израильского сотрудничества в военной области.

В целом можно прийти к выводу, что отношения РФ с Израилем давно стали нормальными межгосударственными отношениями, с разветвленной системой официальных и общественных связей.

Ближневосточный контекст как источник разногласий

Интересы РФ на Ближнем Востоке и за его пределами все же шире израильских и не могут полностью совпадать, что приводит к появлению трений. Конфликтный ближневосточный контекст, в котором развиваются российско-израильские отношения, порой углубляет разногласия.

Не урегулирован палестино-израильский конфликт, хотя переговоры шли. Соответственно, в подходах РФ и Израиля к действующим в конфликте сторонам сохраняются большие различия. Так, Израиль всегда выступал против контактов России с палестинским движением «Хамас», которое он считает террористическим, а также с ливанской «Хизбаллой». Однако контакты РФ с этими организациями в принципе отвечают взятым ею на себя функциям посредника в рамках «квартета» по урегулированию конфликта.

Различны подходы РФ и Израиля к иранской ядерной программе. В Израиле эту угрозу воспринимают как экзистенциальную. Недове-

рие, которое Израиль испытывает к Ирану, и его намерение любым путем не допустить выхода этой страны на ядерное оружие базируются как на фактических данных и оценках состояния его ядерной программы, так и объясняется рядом моментов, имеющих психологическое измерение: историческая память, постоянное давление на руководство и общество проблем обеспечения безопасности, ощущение изоляции в регионе и сохраняющееся недоверие к внешнему миру. В этих условиях даже гипотетическая возможность нарушения израильской монополии на ядерное оружие на Ближнем Востоке рассматривается им как абсолютно неприемлемая. Отношение Израиля к Ирану окрашивает и высокий накал эмоций. Следует признать, что со своей стороны иранское руководство сделало немало, чтобы вызвать раздражение у Израиля, выбрав наиболее болезненные для еврейского населения темы: отрицание Холокоста или его реальных масштабов. Заявления по этому поводу самого президента, многочисленные конференции, организованные в Иране, воспринимались на Западе и в Израиле как намеренное оскорбление памяти павших и косвенное оправдание фашизма.

Россия учитывала и режим санкций, и озабоченность Израиля, когда отказалась поставлять Ирану комплексы С-300, но базовые различия в подходах сохраняются. РФ допускает, что политические договоренности в формате 5 + 1 с иранским руководством, которые связывают шаги по отказу Ирана от элементов своей ядерной программы с постепенным снятием санкций, станут гарантией того, что эта программа будет носить исключительно мирный характер. Израильское руководство было склонно считать достигнутые договоренности неудачными.

Среди региональных проблем можно отметить и различия в подходах РФ и Израиля к ситуации вокруг Сирии. РФ, как известно, делала упор на недопустимость свержения легитимных режимов при поддержке извне и указывала на опасность смены достаточно одиозного, но светского, обеспечивавшего права меньшинств режима Асада на противостоящих ему исламских радикалов, включая джихадистов. Для Израиля главной угрозой представлялась связка Иран—Асад—«Хизбалла», которая привела к созданию в Ливане мощного военного кулака, нацеленного на Израиль. Иранские поставки оружия «Хизбалле» стали основой взаимного сдерживания между такими неравными игроками, как израильская армия и военно-политическая шиитская организация. Таким образом, для Изра-

или уход Асада представлялся более важным, чем угроза роста радикализма в Сирии.

Хотя Израиль выступает на международной арене как один из наиболее последовательных борцов с терроризмом, реакция отдельных обозревателей на заявление МИД РФ по поводу терактов в Волгограде вновь подчеркнула наличие разногласий. Так, в заявлении говорится, что «преступные вылазки в Волгограде, как и атаки террористов в США, Сирии, Ираке, Ливии, Афганистане, Нигерии и других странах, организованы по единому лекалу, у них одни и те же общие вдохновители. На фоне продолжающихся откровенно провокационных призывов, исходящих от таких главарей бандподполья, как Д. Умаров, спланировать силы под флагом джихада, втягивать в террористическую войну все новых боевиков, становится все более очевидной пагубность позиции некоторых политиков и “политтехнологов”, которые все еще пытаются делить террористов на “правильных” и “неправильных”, в зависимости от решаемых геополитических задач»¹³. Некоторые израильские журналисты попытались указать на непоследовательность российской политики, не исключающей контактов с «Хамас» и «Хизбаллой». Однако надо отметить, что сами израильтяне также имеют контакты с этими организациями, решая с ними ряд практических задач. В частности, такого рода контакты привели к освобождению взятого в заложники палестинскими исламистами израильского капрала Гилада Шалита¹⁴.

Как представляется, наиболее удачная формула российско-израильских отношений в контексте разделяющих оба государства региональных проблем была предложена одним из западных журналистов. Он подчеркнул, что во время визита В. В. Путина в Израиль в июне 2012 г., по сути дела, Израиль и Россия согласились не соглашаться, а также договорились, что не позволят этим разногласиям создавать препятствия и стать слишком серьезным раздражающим фактором.

Иными словами, обе стороны исходят из того, что их интересы далеко не всегда будут совпадать и что трения неизбежны. Однако при этом двусторонние отношения в минимальной степени испытывают на себе влияние этих трений, поскольку под них уже заложена серьезная законодательная и практическая база.

¹ Записка заместителя заведующего ближневосточным отделом МИД СССР М. А. Максимова заместителю министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозову. 6 сентября 1946 г. Секретно. АВП РФ. Ф. 0118. Оп. 2. П. 2. Д. 7. Л. 16–17.

Советско-израильские отношения. 1941—1953: Сб. документов. Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. М.: Международные отношения, 2000. Т. 1. Кн. 1. С. 164.

² Телеграмма министра иностранных дел СССР В. М. Молотова заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому в Нью-Йорк. 30 сентября 1947 г. Сов. секретно. АВП РФ. Ф. 059. Оп. 18. П. 17. Д. 116. Л. 109. Указ. соч. С. 251—252.

³ *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 306.

⁴ Подробнее см.: *Примаков Е. М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). 2-е изд., пер. и доп. М.: Российская газета, 2012. С. 74.

⁵ Вначале понятия «консульская миссия» избегали, чтобы не возникло представления о постоянном формате советского присутствия в Израиле.

⁶ *Бовин А.* Записки ненастоящего посла. Из дневника. М.: Захаров, 2001. С. 7.

⁷ *Saunders Paul J.* Israel-Russia ties strong despite Ukraine. Posted 7 April 2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/04/israel-russia-strategic-ties-ukraine.html>.

⁸ *Alpher Yossi.* The Ukraine. Crimea Crisis: Ramifications for the Middle East // NOREF, Norwegian Peacebuilding Resource Center. April 2014. P. 2.

⁹ Российско-израильские отношения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vneshmarket.ru/document_r_886E202A-31EB-4D48-BC7A-982609BE9CE9.html.

¹⁰ *Шульман Александр.* Россия и Израиль: путь к военному сотрудничеству. 8.10.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rusplt.ru/policy/sss_r_rossia_izrail.html.

¹¹ Там же.

¹² *Гольц Александр.* «Оборонке» запретили покупать импортное. 26.12.13. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ej.ru/?a=note&id=24094>.

¹³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/BDOMP/brp_4.nsf/sps/C4417D6FEFDC741344257C51004A36AB.

¹⁴ Подробнее см.: *Baskin Gershon.* The Negotiator. Freeing Gilad Shalit from HAMAS. New Milford: The Toby Press, 2013.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: ПОЛИТИКА РФ

Только время улаживает конфликты, но ему необходимо помочь.

Уильям Зартман

Ближневосточный конфликт является традиционной сферой вовлеченности России. Конфликт воспринимается как способствующий усилению радикальных настроений и военно-политической напряженности в регионе. Россия участвует в урегулировании конфликта в рамках международных усилий («квартет» международных посредников в составе России, США, Евросоюза и ООН) и на двусторонней основе, что имеет для нее как инструментальное, так и практическое значение. Арабские революции создали негативный идейно-политический фон для поиска урегулирования арабо-израильского конфликта, что не может не вызывать озабоченности. На фоне «арабской весны», экономических проблем в ЕС, усиления неоконсерваторов в США, кризиса вокруг Украины арабо-израильский конфликт начал постепенно отходить на второй план. В определенной мере это связано и с окончанием процесса Осло, который, по мнению большинства экспертов, себя исчерпал, а потребность в новых подходах и идеях оставалась неудовлетворенной. «Квартет» постепенно терял доверие партнеров. Бесконечные призывы сесть за стол и поговорить уже никого не убеждали, а движение на пути к урегулированию отсутствовало.

Российская политика в арабо-израильском конфликте формировалась под влиянием противоречивых тенденций. Она не была и не могла стать политикой нового государства, полностью оторванной от советского периода. Традиционные отношения с арабскими государствами (Египтом, Сирией, Ираком), развитие отношений с го-

сударствами Персидского залива, связи с палестинским движением стали не просто естественным наследием советского режима, но продолжали формировать определенные точки зрения. Они в принципе не противоречили устоявшимся международным подходам — урегулированию на основе резолюций СБ ООН № 242 и 338 (позже добавилась Арабская инициатива), созданию палестинского государства, разделу Иерусалима и т.п. Стратегическое видение урегулирования дополнялось идеей созыва международной конференции в качестве механизма решения проблемы. Международная конференция всегда была любимым детищем советской дипломатии на Ближнем Востоке и в отсутствие более творческих идей утвердилась и в российской политике по отношению к конфликту, оказавшись удивительно устойчивой к переменам в самой России и в регионе.

В то же время было очевидно, что Россия, даже сохраняя пропалестинский крен в конфликте, действовала на иных основах, чем СССР. Главным стала деидеологизация подходов. Хотя советская политика поддержки ООП и «прогрессивных» арабских режимов формировалась не только под влиянием идеологии, но и отражала прагматические расчеты, связанные с укреплением позиций на Ближнем Востоке в условиях жесткого соперничества с США на международной арене, существовавшие тогда в СССР «правила игры» не позволяли называть вещи своими именами и предполагали разработку соответствующего идейного обоснования внешнеполитических шагов.

Позиция СССР в ближневосточном конфликте также формировалась под влиянием классового подхода к международным отношениям. С точки зрения СССР суть арабо-израильского конфликта не имела ничего общего со столкновением двух националистических движений, с этнополитической или этнотерриториальной конфронтацией. В условиях «холодной войны» ближневосточное противостояние рассматривалось исключительно как проявление конфронтации империализма с арабским национально-освободительным движением. Израиль рассматривался как прямой пособник империализма. В постановлении Пленума ЦК КПСС от 21 июня 1967 г. говорилось, что «агрессия Израиля — это результат заговора наиболее реакционных сил международного империализма, в первую очередь США, направленного против одного из отрядов национально-освободительного движения...»¹.

Такая интерпретация конфликта рассматривалась некоторыми советскими аналитиками (возможно, вполне искренне) как успеш-

ная попытка вскрыть истинную сущность конфронтации. «Империалистические силы стремятся использовать национальный фактор как разменную монету в своей антинародной политике. Извращая его роль в борьбе между силами прогресса и реакции, буржуазные идеологи нередко изображают эту борьбу как проявление непреодолимого межнационального антагонизма... Заслуга КПСС в том и состоит, что на основе глубокого анализа ближневосточного конфликта она вскрыла его подлинную классовую сущность и тем самым помогла прогрессивным силам арабских и других стран занять правильную позицию в отношении этого конфликта, наметить необходимые пути и средства его ликвидации»². Сейчас такие тексты выглядят по меньшей мере странно, но во время своего появления они воспринимались большинством как нечто само собой разумеющееся. Насколько правильную позицию занимали арабские прогрессивные силы (в отличие от консервативных) в отношении конфликта, хорошо известно. Тем более что наиболее разумные инициативы по урегулированию исходили от президента Мубарака и от саудовского принца, а вовсе не от классово близких СССР сирийского или иракского режима.

Классовый подход мог действовать в направлении некоторого успокоения арабов, требовавших немедленного вмешательства от СССР во время «июньской войны» 1967 г. Для египтян и сирийцев, армии которых были вооружены советским оружием, сама мысль о том, что их вооруженные силы были разгромлены за столь короткий промежуток времени маленьким Израилем, была с учетом националистических настроений абсолютно невыносима — это был удар по арабской гордости, чувству собственного достоинства. Достаточно вспомнить бесконечные хвастливые заявления и угрозы тогдашних левобаасистских сирийских руководителей, антиизраильскую истерию на каирских улицах и т.п. В советской интерпретации арабские государства стали жертвами мирового империалистического заговора, орудием которого выступал Израиль, что свидетельствовало о явном неравенстве сил и объясняло превосходящую мощь противника. С монархической прозападной Иорданией, также ставшей жертвой войны 1967 г., дело обстояло не столь однозначно, но она и не была адресатом для советских антиимпериалистических инвектив.

На самом деле армии Египта и Сирии столкнулись с носителями иной культуры, и, соответственно, с иной культурой ведения войны — с квалифицированными военными кадрами и очень эффективной разведкой, с образованными младшими офицерами и рядовыми,

умеющими принимать самостоятельные решения, с в высшей степени мотивированным обществом. Ведение войны бывшими крестьянами, составлявшими основу арабских армий, привыкшими во всем ждать указаний, безынициативными, не могло быть успешным, вне зависимости от того, насколько отважно они сражались.

В условиях «холодной войны» видение происходящего в регионе не через призму противостояния двух супердержав и двух противоположных общественно-политических систем было характерно не только для СССР, но и для США. Достаточно вспомнить «доктрину Эйзенхауэра», в которой все происходящее в регионе увязывалось с кознями коммунизма.

Политика России в конфликте оказалась свободной от ограничений, налагавшихся классовым подходом, взвешенной и больше отражавшей реальности. Она реализовывалась в условиях восстановления отношений с Израилем, стремления к развитию и укреплению связей с большинством стран региона и различными вовлеченными в конфликт негосударственными субъектами («Хамас», «Хизбалла», «Фатх»), при новом уровне взаимодействия в конфликте с ЕС и США, но при весьма ограниченных возможностях российского экономического и финансового влияния.

В настоящее время между Египтом и Израилем, а также между Иорданией и Израилем существуют мирные договоры. В соответствии с Арабской инициативой, выдвинутой наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой и принятой в целом на арабском совещании в верхах в Бейруте в марте 2002 г., все арабские государства будут готовы нормализовать отношения с Израилем в контексте мира на Ближнем Востоке, предполагающего его уход к границам, существовавшим на 4 июня 1967 г., решение проблемы беженцев и создание палестинского государства на Западном берегу и в Газе со столицей в Восточном Иерусалиме³. Проблема установления нормальных отношений всех арабских государств с Израилем жестко увязана с решением палестинской проблемы, что позволяет сконцентрироваться именно на этой теме.

Общая характеристика конфликта

Палестино-израильский конфликт, заложивший основырабо-израильских противоречий и остающийся их элементом, системно и структурно отличается от отношений Израиля и арабских госу-

дарств. Он не является межгосударственным конфликтом, и для него наряду с общими причинами арабо-израильского противостояния характерны сильно выраженные этнотерриториальная и этнополитическая составляющие.

Исследованию специфики межэтнических конфликтов посвящены работы многих специалистов⁴. Главные выводы можно свести к тезису, что этнический конфликт часто рассматривается как нерешаемый и продолжительный, как одна из наиболее сложных форм конфликта с точки зрения управления и урегулирования. Хотя по своей структуре и содержанию израильско-палестинский конфликт выходит за рамки межэтнических столкновений, тем не менее сложность его разрешения, безусловно, определяется включенностью феномена этничности. Наличие этнического измерения приводит к тому, что конфликт воспринимается непосредственно конфликтующими сторонами не только как конфликт интересов, но и как конфликт ценностей. Американский специалист в этой области Джон Бертон следующим образом описывает понятие ценности: «Ценностями называются те идеи, привычки, традиции и верования, которые характерны для определенной социальной общности... Сохранение ценностей причина защитного и агрессивного вариантов поведения...»⁵ Интересы могут быть предметом для торга, а ценности примирить крайне сложно. Это означает, что в израильско-палестинском конфликте противоборствующие стороны не склонны идти на уступки по вопросам, которые, по их мнению, относятся к проблеме выживания и сохранения их народов, их уникальной культуры.

Для понимания механизмов возникновения и развития этнополитического конфликта большую значимость приобретает вывод о том, что «конструируемая и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическими институтами, обеспечение социального комфорта в рамках культурно гомогенных обществ»⁶.

Этничность как средство мобилизации может быть использована только тогда и там, где противопоставление — «мы» и «они» — воспринимается как взаимоисключающее, как стремление «их» размыть «нашу» культурную самобытность, поставив этнос на грань вымирания и растворения в доминирующей этнической группе (или пре-

тендующей на такое доминирование). Соответственно, лежащий на поверхности вывод сводится к следующему: пока «они» обладают властью и ресурсами, «они» будут проводить политику за «наш» счет. Надо самим брать власть и решать проблемы своего народа.

В этом контексте этническая солидарность формально становится синонимом политической солидарности, поскольку борьба ведется за расширение политических прав, с тем чтобы защитить свое дальнейшее существование в качестве группы или улучшить материальные условия жизни. Этничность, однако, определяет куда более высокий уровень сплоченности, чем любая идеологическая приверженность.

Особую роль в сохранении культуры играет государство — именно оно обеспечивает развитие образования, распространение грамотности, создает и поддерживает музеи и театры, формирует определенную политическую культуру. Когда речь идет об асимметричных конфликтах, в которых сталкиваются государства и этнические группы, не имеющие собственной государственности, они, естественно, чувствуют себя очень уязвимыми и пытаются создать собственное государство.

В палестино-израильском конфликте поиск компромиссов осложнен тем, что форма реализации национальных прав палестинского народа имела определенную заданность, которая по мере трансформации конфликта все более жестко определяла конечный результат урегулирования. Палестинский народ никогда не имел собственной государственности, тем не менее легитимность такой государственности определялась решением Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины⁷.

В условиях переговоров Израиля с палестинцами данное решение ГА ООН не могло не стать их базовым принципом, несмотря на то что окончательные цели урегулирования так и не были четко сформулированы. Удовлетворение национальных прав палестинского народа в какой-либо иной форме (например, автономия) рассматривалось палестинским сообществом лишь как промежуточный шаг на пути к основной цели — обретению собственной государственности. В этом контексте торг, который ведут обе стороны по вопросам границ, контроля над определенной территорией и возвращения беженцев, приобретает для них первостепенную значимость, поскольку касается проблемы жизнеспособности нового государства (для палестинцев) и возможности обеспечить безопасность в новых геополитических условиях (для Израиля).

Структурно конфликт является асимметричным: в нем участвуют стороны, не сравнимые ни по своей мощи, ни по влиянию, ни по мобилизационным возможностям. С одной стороны, в него с 1948 г. вовлечено Государство Израиль. С другой — палестинский народ, который последовательно представляли арабские государства, а затем палестинские представители — Организация освобождения Палестины (ООП) и Палестинская администрация (ПА).

Асимметричность конфликта проявилась и в том, что в него втянуты как регулярная армия, так и нерегулярные вооруженные формирования, представляющие собой военные ответвления тех или иных национальных движений и партий. Как правило, нерегулярные вооруженные отряды и формирования гораздо более безответственны. Обладая в силу своей природы более ограниченными средствами военного воздействия на ситуацию (лишенные тяжелой техники, мощного оружия и т.д.), они нередко берут на вооружение террористические методы. С одной стороны, к такому давлению прибегали палестинские организации — сначала светские, а затем исламистские. С другой, после 1967 г. провокационную роль подчас играли и вооруженные ультраправые израильские поселенцы.

Динамика конфликта

В соответствии с резолюцией ГА ООН № 181 (II) предлагалось разделить Палестину на два государства — еврейское, площадью 14,1 тыс. км², и арабское, площадью 11,1 тыс. км², а также выделить международную зону для Иерусалима. Английский мандат должен был закончиться не позднее 1 августа 1948 г. (позже сроки были перенесены на 15 мая 1948 г.), и тогда же должен завершиться вывод войск.

Можно напомнить, что план раздела был отвергнут арабскими государствами и представителями палестинских арабов. Прежде всего это объяснялось их принципиальным несогласием с тем, чтобы 56% территории Палестины было передано евреям, притом что они составляли там явное меньшинство. Не устраивал их и сам факт появления еврейского государства. Они опасались, что более модернизированное государство с европейским населением станет серьезным вызовом арабам, оттеснит их на вторые роли на земле их предков.

В нежелании арабов согласиться на часть Палестины просматривались, разумеется, с самого начала и межрелигиозные, и межэтнические противоречия, которые обострились в ходе еврейской колонизации Палестины в рамках сионистского проекта. Приехавшие

в Палестину еврейские пионеры, создавшие в конечном итоге свою экономику и политические институты, были бесконечно культурно чужды арабам, привыкшим иметь дело с местными еврейскими общинами, образ жизни которых не столь кардинально отличался от традиционного образа жизни местного населения (за исключением религии). Сохранившаяся на протяжении веков малочисленная еврейская община в Палестине, которая так раздражала динамичных и романтически настроенных еврейских националистов из Восточной Европы и России, не видевших никакого прока от приобщения ее к проекту создания государства, для арабов была привычным соседом, не представлявшим конкуренции, не имевшим политических амбиций, слабым и безопасным меньшинством. Наконец, имела место переоценка сил и возможностей, упование на арабские армии, которые готовили английские инструкторы и которые, по предварительной оценке арабских лидеров, должны были просто смести евреев и изгнать их из страны. Задача разгрома молодого, еще не ставшего на ноги еврейского государства с несколькими сотнями тысяч жителей не выглядела в их глазах сложной.

Первая арабо-израильская война 1948 г., ставшая для Израиля войной за независимость, закончилась национальной трагедией для палестинцев, которая еще больше обострилась по мере развития конфликта. Палестинское государство так и не было создано. Часть предназначенных ему территорий захватил Израиль, Газа перешла под административный контроль Египта, а Западный берег был присоединен к Трансиордании. В декабре 1949 г. король Абдалла объявил об его аннексии (парламент ратифицировал это решение 24 апреля 1950 г.) и о переименовании Трансиордании в Иорданию⁸. Иерусалим был поделен между Иорданией и Израилем: восточная его часть была аннексирована Иорданией, а западная — Израилем. Вдоль линий прекращения огня с арабскими государствами были созданы демилитаризованные зоны. Сотни тысяч палестинцев были вынуждены покинуть свои дома и стали беженцами.

В ходе «шестидневной войны» 1967 г. с Египтом, Сирией и Иорданией Израиль, разгромив арабские армии, захватил Западный берег и Восточный Иерусалим, Синайский полуостров, Газу и Голанские высоты. На практике это означало, что все территории, которые предназначались резолюцией ГА ООН 1947 г. арабскому государству, перешли под контроль Израиля и только он стал нести прямую ответственность за урегулирование палестинской проблемы.

Уже во второй половине июня 1967 г. стали разрабатываться планы строительства израильских поселений на Голанских высотах, а в отношении Западного берега появилось два подхода, которые, в за-

висимости от политической конъюнктуры, определяли израильское видение судьбы этих территорий.

Первый подход получил название «иорданский вариант». Смысл его заключался в том, чтобы вернуть большую часть Западного берега под иорданский суверенитет. Второй вариант — «палестинский» — предполагал создание на этих территориях автономии, т.е. зависимого от Израиля анклава с правами самоуправления. Премьер-министр Леви Эшкол руководствовался демографическими соображениями и целями безопасности. С одной стороны, он полагал, что Израилю необходимо осуществлять военный контроль до реки Иордан, но с другой — вовсе не хотел, чтобы Израиль контролировал огромное арабское население. Нежелание получить под израильский контроль более миллиона палестинцев явилось одним из факторов, побудивших Бен Гуриона в конце 1950-х годов отклонить предложение своего начальника генштаба о захвате Западного берега, когда режим короля Хусейна зашатался.

Формально Эшкол не «зацикливался» на автономии. Он даже не исключал предоставления независимости палестинцам. За особый статус Западного берега выступал начальник генштаба Рабин, который не доверял Хашимитам, а правые требовали аннексии. Интерес к сохранению значительной части Западного берега под израильским контролем был настолько велик, что уже 26 июня 1967 г. появился первый «план Аллона». В первоначальном варианте план предусматривал строительство поселений и укреплений в основном в пограничных с Израилем районах. Относительно судьбы оставшейся части территории предполагалось начать диалог с палестинскими представителями о предоставлении им автономии. Таким образом, первый план Аллона был рассчитан на палестинский вариант решения проблемы.

Приблизительно в это же время был сформулирован и «план Даяна». Он предусматривал закрепление на гряде рассекающих Западный берег холмов, которые будут связаны с Израилем дорогами. В четырех основных точках предполагалось строительство военных баз, окруженных поселениями, расположенными около основных арабских городов: Наблус, Дженин, Рамалла и Хеврон. План, предложенный Моше Даяном, был частично принят кабинетом министров 20 августа 1967 г. Он согласился с военным компонентом предложенной схемы, но строительство поселений в густонаселенных арабами районах считал неоправданным. Базой для израильской политики на захваченных территориях стал «план Аллона», который подвергался неоднократным изменениям и уточнениям и, самое главное, был переориентирован на иорданский вариант.

28 августа — 3 сентября 1967 г. состоялось арабское совещание в верхах в Хартуме. Оно вошло в историю как формула трех «нет» Из-

раило: «нет» миру, «нет» переговорам, «нет» признанию. Формально решения выглядели предельно жесткими и не оставляющими ни малейшей возможности для компромисса. Как считает английский автор Ави Шлаим, решения Хартума не были экстремистскими. Главный тон на совещании задавали Насер и Хусейн. В интерпретации арабов три «нет» выглядели не столь категорично. «Нет» миру не означало «нет» формальному мирному договору. «Нет» признанию Израиля де-юре, а де-факто не исключается. «Нет» прямым переговорам позволяло их вести через посредников. Ави Шлаим, цитируя воспоминания Хусейна, приводит слова Насера, с которыми тот обратился к королю: «Я чувствую ответственность за то, что произошло. Я не буду просить их уйти с Синая. Суэцкий канал может быть закрыт до того времени, пока не будет решен вопрос с Западным берегом и Газой, а также палестинская проблема. Поэтому идите и говорите об этом, говорите о комплексном решении проблемы и делайте все, что считаете нужным, кроме подписания сепаратного мира»⁹.

Трудно сказать, насколько израильское руководство было осведомлено о нюансах общеарабской позиции. В эйфории победы оно ожидало от арабских противников более четко выраженной готовности к примирению, в контексте которой территории могли стать предметом торга. Коль скоро таких предложений не поступало, Израиль начал активное освоение арабских территорий, рассматривая их уже не столько как предмет торга, сколько как необходимый элемент безопасности, принципиально улучшивший уязвимые израильские границы и обеспечивающий возможность эффективно противодействовать арабской враждебности. Помимо безопасности, территории Западного берега всегда имели особое, «библейское» значение для Израиля как земли древних царств Иудеи и Израиля. Историческая и духовная (ценностная) привязка к этим территориям принципиально осложняла возможности их эвентуального возвращения под арабский суверенитет.

22 ноября 1967 г. после долгих дебатов Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 242, в которой впервые был выдвинут и закреплён принцип «территории в обмен на мир» и сформулированы основные условия достижения этого мира. СБ ООН подчеркнул недопустимость приобретения территорий в ходе войны, подтвердил свою приверженность достижению справедливого и прочного мира в регионе на следующих принципах: вывод израильских войск с территорий, оккупированных в ходе недавнего конфликта; прекращение состояния войны и признание права всех государств региона на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость, на право жить в мире в безопасных и признанных границах. В резолюции также была подтверждена необходимость гарантий свободы навигации

через международные водные пути, решения проблемы палестинских беженцев, создания демилитаризованных зон¹⁰.

Текст резолюции № 242 был составлен Великобританией, намеренно выбравшей весьма расплывчатые формулировки. Так, в английском тексте перед словом «территории» (там, где говорилось о необходимости вывода израильских войск) был опущен определенный артикль «the». В таком виде текст мог трактоваться как вывод израильских войск не со всех оккупированных территорий, что, собственно, и использовало израильское правительство, не желавшее под предлогом безопасности расставаться со всеми захваченными в 1967 г. землями. Израиль делал упор на право жить в мире в безопасных и признанных границах, на право свободы навигации, а пункт о решении проблемы беженцев никогда не вызывал у него энтузиазма. Египет и Иордания, принявшие резолюцию, настаивали на полном выводе израильских войск. Сирия приняла резолюцию значительно позже.

С декабря 1967 г. Израиль стал рассматривать возможность решить проблему Западного берега в иорданском контексте. Интерес в израильском руководстве к палестинскому варианту стал все больше снижаться. Во-первых, переговоры с традиционными палестинскими лидерами никуда не вели — молодежь смотрела не на них, а на более динамичных лидеров ООП. Во-вторых, они фактически оказывались за рамками даже санкционированного ООН процесса поиска политического решения. В-третьих, в резолюции № 242 говорилось лишь о палестинских беженцах и не было сказано ни слова о палестинцах как самостоятельной национальной и политической силе.

В принципе этот момент определил неприятие резолюции со стороны ООП. Если после первой арабо-израильской войны 1948 г. палестинцы, оказавшиеся вне пределов Палестины, переживали глубокую травму, не имели ни возможности, ни сил к самоорганизации, полностью зависели от арабских государств, использовавших палестинскую проблему в своих политических интересах, то по мере углубления противостояния они обрели новую идентичность, стали воспринимать себя как особую общность, с единой исторической судьбой и родиной. Шел процесс становления народа, осознавшего свое предназначение и свои права, готового взять в собственные руки свою судьбу.

В палестино-израильских отношениях важным моментом была трансформация самого конфликта. Автоматически она не ведет к облегчению поисков политического решения и на различных этапах играет различную роль. В начале 1990-х годов трансформация обеспечила

возможность двусторонних прямых переговоров и заключение соглашений в рамках процесса Осло. Для того чтобы стали возможны переговоры в новом формате, отношения Израиля и палестинцев должны были достигнуть тупика, при котором продолжение оккупации означало бы для Израиля постоянные издержки; потребовался выход на политическую арену сил, способных обеспечить реализацию эвентуальных соглашений; должны были произойти изменения представлений непосредственных акторов о путях урегулирования конфликта, а также изменения его регионального и международного контекста.

Новая модель взаимоотношений между конфликтующими сторонами (Израиль — ПА), определившая дальнейшую трансформацию конфликта, стала источником новых вызовов и угроз. С одной стороны, отсутствие прогресса на пути урегулирования определило рост политической роли палестинских исламистских организаций, традиционно призывающих к джихаду против евреев. В принципе противостояние на межрелигиозной почве не было основополагающим в палестино-израильских отношениях. Среди палестинцев есть христиане. Их основные организации были представлены светскими националистами, которые почти не использовали религиозные лозунги в качестве инструмента военно-политической борьбы. С другой — в Израиле укрепились позиции религиозных кругов, не склонных идти на политические компромиссы. В результате этнотерриториальный и этнополитический конфликты, заложенные в основу палестинской проблемы, постепенно приобрели и этноконфессиональное измерение. В этом контексте было разрушено хрупкое доверие и под его обломками были похоронены если не все соглашения, заключенные в рамках Осло, то, во всяком случае, формат — прямые переговоры, в которых посредники играли лишь вспомогательную роль.

Планы урегулирования и идея конференции

Мадридская конференция, открывшаяся в октябре 1991 г., стала реализацией давно поддерживавшегося СССР и перешедшего в наследство РФ механизма урегулирования. Конференция рассматривалась в Москве как наиболее эффективный формат по следующим причинам. Она могла стать препятствием к монополизации процесса урегулирования Соединенными Штатами, при котором Советскому Союзу отводилась маргинальная роль. Израиль, которому на конференции противостоял объединенный арабский фронт, не мог бы

навязать арабам выгодные ему условия урегулирования (речь прежде всего шла о таких советских союзниках, как Сирия и ООП). Именно конференция под сопредседательством СССР и США лишняя раз подчеркивала особый глобальный статус Москвы и ее определяющее влияние на международные дела. Наконец, на конференции у СССР было больше шансов продвинуть свой собственный план урегулирования. В принципе в советских предложениях учитывались и стремление арабов получить территории, и палестинская проблема, и озабоченности Израиля относительно его безопасности. Проблема заключалась в том, что в конечном итоге советские предложения по урегулированию превратились в крайне жесткие рамки, не оставлявшие простора для компромисса, и в том, что СССР, поддерживавший главным образом классово близкие и достаточно радикальные режимы, не воспринимался другими участниками конфликта как честный посредник.

В основе советских предложений о мирном урегулировании арабо-израильского конфликта начиная с 1967 г. всегда лежал комплексный подход. Смысл его заключался в том, что необходимо решать все связанные с конфликтом проблемы. Советский подход не исключал поэтапности, но был нацелен на то, чтобы предотвратить сепаратные соглашения. В отличие от зашкаливавших от ненависти к «империализму и его прислужникам» политических заявлений, планы урегулирования, выдвигавшиеся СССР, были прагматичны и учитывали не только требования арабской стороны, но и необходимость обеспечения безопасности Израиля. Они полностью шли в русле резолюций ООН и содержали оригинальные подходы.

Примером может служить план поэтапного выполнения резолюции СБ ООН № 242 от 17 апреля 1968 г. Трудно поверить, что он получил одобрение тех же деятелей, которые клеймили Израиль и Запад. В плане, в частности, предлагалось:

«1. Израиль заявляет о своей готовности начать с зафиксированной даты вывод войск с оккупированных арабских территорий.

2. В день начала вывода израильских войск, осуществляемого по этапам под наблюдением представителей ООН, арабские страны — соседи Израиля, которые согласятся принять участие в таком плане, а также Израиль депонируют в ООН заявление (декларацию) о прекращении состояния войны, об уважении и признании суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе и их права жить в мире, в безопасных

и признанных границ, т.е. в соответствии с указанной резолюцией Совета Безопасности.

3. Израильские войска в течение месяца (условно) отходят с части арабских территорий на определенные рубежи на Синайском полуострове, на западном побережье реки Иордан (а также с сирийской территории, из района Эль-Кунейтра). На освобождаемых территориях восстанавливается арабская администрация и вводятся полицейские силы арабских государств. В день, когда израильские войска достигнут заранее обусловленных промежуточных рубежей на Синайском полуострове (например, 50—40 км от Суэцкого канала), правительство ОАР вводит войска в зону канала и начинает расчистку канала для возобновления судоходства.

4. В течение последующего месяца (условно) израильские войска отводятся на линии, которые они занимали до 5 июня 1967 г.

В день начала второго этапа отвода израильских войск ОАР и Израиль (или только ОАР в случае согласия ее правительства) заявляют о согласии на размещение войск ООН вблизи линии до 5 июня 1967 г. на Синайском полуострове, в Шарм-аш-Шейхе и в секторе Газа, т.е. восстанавливается положение в этом районе, существовавшее до 5 июня 1967 г.

Совет Безопасности принимает решение о направлении войск ООН в соответствии с Уставом ООН и подтверждает принцип свободы судоходства через Тиранский пролив и по Акабскому заливу для судов всех стран.

Учитывая особый характер Иерусалима, Иордания и Израиль соглашаются уточнить отдельно вопрос о его статусе с участием Совета Безопасности с учетом резолюций V чрезвычайной специальной сессии ГА ООН.

После завершения вывода израильских войск на линии межгосударственного разграничения через посредство Совета Безопасности либо путем подписания многостороннего документа окончательно вводятся в действие депонированные ранее декларации арабских стран и Израйля.

Совет Безопасности, опираясь на положения Устава ООН, принимает решение о гарантиях арабо-израильских границ (не исключается и вариант гарантий четырех держав — постоянных членов Совета Безопасности).

5. Совет Безопасности продолжает с участием заинтересованных сторон поиски решения вопроса о палестинских беженцах, о свобод-

ном проходе израильских судов через Суэцкий канал, а также о статусе Иерусалима»¹¹.

В приведенном документе, несмотря на спорность отдельных положений, очевидна сбалансированность подхода. В нем идет речь не только о выводе израильских войск с захваченных территорий, но и об обязательствах арабских государств признать Израиль и даже о депонировании соответствующего признания в ООН, об особом статусе Иерусалима, о размещении войск ООН на Синае.

Нельзя забывать и о том, что в своей практической политике СССР неоднократно оказывал сдерживающее влияние на наиболее радикальные и безответственные арабские силы (хотя эта линия строго не выдерживалась и имели место также иные действия). Вместе с тем советские предложения, требовавшие полного вывода израильских войск с оккупированных территорий, решения проблемы беженцев и обеспечения права всех государств на независимое существование и безопасность при соответствующих международных гарантиях, нередко воспринимались в условиях «холодной войны» как декларативные и односторонние.

Как уже говорилось, в условиях «холодной войны» ни США, ни СССР, исходя из правил «игры с нулевой суммой», почти никогда не поддерживали мирных инициатив друг друга. При этом обе державы нередко зависели от поведения и позиций своих региональных союзников, что снижало их маневренность и выработку более гибких подходов к урегулированию.

План, выдвинутый СССР 29 июля 1984 г., был наиболее полным отражением советской позиции по всем вопросам ближневосточного урегулирования, однако, в отличие от предложений 1968 г. с их определенной гибкостью и рациональностью, этот план был железобетонным отражением советской позиции, ориентированной на требования арабской стороны, и вряд ли мог быть использован как основа для начала переговоров. Он базировался на следующих принципах:

1. Недопустимость приобретения территорий силой (возвращение всех захваченных в 1967 г. земель, а также ливанских территорий).
2. Право палестинского народа во главе с его единственным законным представителем ООП на создание собственного государства на Западном берегу и в Газе.

3. Возвращение Восточного Иерусалима арабам и его превращение в неотъемлемую часть палестинского государства.
4. Прекращение состояния войны и взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности государств региона.

Даже зафиксированные принципы почти не оставляли простора для интерпретации; кроме того, Израиль не признавал ООП и не был готов вести с ней переговоры. В советских предложениях содержалась подробная концепция международной конференции под эгидой ООН, на которой должны были присутствовать все граничащие с Израилем государства и ООП¹². Документ содержал перечень основных вопросов урегулирования и технологию их решения на форуме, причем зафиксирована была максималистская позиция. Такая чрезмерная детализация и жесткость не оставляли простора для обсуждения проблем и выработки компромиссов.

После начала перестройки в СССР в подходы к урегулированию были внесены новые акценты, которые отражали большее внимание советского руководства к сути проблемы, чем к соперничеству с США в регионе и усилению советских позиций за счет игры на жестких националистических настроениях арабского мира. В апреле 1988 г. Ясир Арафат прибыл в Москву во главе официальной делегации и встретился с Михаилом Горбачевым. Обсуждение проблем урегулирования включало и созыв международной конференции, но акценты были расставлены по-новому. Как писал А. М. Васильев, «при определении состава будущей мирной конференции советское руководство уже не настаивало жестко на участии ООП на первом этапе, выдвигая различные формы, приемлемые для других участников. Призыв к самоопределению палестинцев совсем не обязательно означал немедленное создание государства, и название “Государство Палестина” было опущено как из коммунике переговоров Горбачева с Арафатом, так и из заявления Шеварднадзе в Каире»¹³.

Идея конференции как инструмента урегулирования арабо-израильского конфликта имела свою историю. После первой арабо-израильской войны предпринимались попытки примирить стороны на Родосской и Лозаннской конференциях. После «октябрьской войны» 1973 г., которую Израиль выиграл ценой очень больших для себя потерь, разрушившей представление его лидеров о том, что ситуация «ни войны, ни мира» может продолжаться неопределенно долго, стало возможным преодолеть его негативизм в отношении конференции

и собрать 21 декабря 1973 г. Женевскую конференцию по урегулированию на Ближнем Востоке под ко-спонсорством США и СССР. На конференции, где пленарное заседание продлилось фактически два дня, не удалось решить ни одного политического вопроса — были обговорены лишь военные меры по разъединению участвовавших в войне войск (на сирийском, египетском и ливанском фронтах). Через пару месяцев заседания были свернуты. В дальнейшем США способствовали тому, что переговоры перешли на двустороннюю египетско-израильскую основу, но концепция конференции как официально признанного всеми формата урегулирования сохранилась.

На самом деле конференция далеко не всегда устраивала самих участников конфликта. Израильские правительства относились к ней традиционно негативно, так как опасались совместного давления арабских государств, и предпочитали иметь дело с арабскими государствами по отдельности. Кроме того, до начала 1990-х годов они не признавали ООП, считали ее террористической организацией и не вели с ней переговоров, в то время как конференция могла легализовать участие ООП в процессе урегулирования. Не все арабы также были готовы согласиться с таким механизмом. Например, хотя для Сирии конференция обеспечивала важную для нее увязку собственных территориальных проблем (возвращение Голанских высот) с палестинской проблемой, она демонстрировала радикальную позицию, игнорируя Женеву, требуя присутствия ООП, которое в то время даже СССР не мог продать. Для египетского президента Садата возвращение на конференцию было абсолютно противопоказано. Он хотел выйти из войны с Израилем, переориентироваться на США, и конференция, на которой тон могли задавать арабские радикалы, была бы для этого препятствием.

Конференция получила новый импульс в 1977 г., что было связано с изменением американского подхода к ближневосточному урегулированию при администрации президента Дж. Картера. В основу американской политики была положена идея комплексного подхода — возвращения в Женеву, где в рамках мирной конференции должны были решаться основные вопросы конфликта. К таким основным вопросам президент Картер прежде всего относил палестинскую проблему. Провозглашенная президентом приверженность защите прав человека означала готовность Вашингтона более активно бороться не только за разрешение свободной эмиграции из СССР, но и за права палестинцев. «Отрицание этих прав (палестинцев. —

И. 3.), — писал Картер, — представляло собой позицию, не имеющую оправданий в глазах свободного и демократического общества, и я обещал сделать все от меня зависящее, чтобы искать решения проблем, подобной этой, независимо от того, где они могут встретиться»¹⁴. Намерение американского президента внести вклад в урегулирование ближневосточного конфликта диктовалось и его религиозностью. По мнению знавших его людей, Картер как истинный христианин считал важнейшим делом установление мира на Святой Земле.

Новые подходы администрации к урегулированию нашли свое отражение в том, что президент назвал израильские поселения на оккупированных территориях нелегальными, а также заявил, что палестинцам должен быть предоставлен «очаг» (или «отечество»). Картер дал понять, что в случае принятия ООП резолюции СБ ООН № 242 США будут готовы вступить в контакт с этой организацией. Предложенная формула не вызвала энтузиазма у руководства ООП, считавшего, что вступление в контакт недостаточная плата за принципиальную уступку. С точки зрения израильских лидеров, Картер отступил от обещаний, данных Киссинджером в ходе подписания Синайского соглашения с Египтом в 1975 г., не признавать ООП и не вести с ней переговоров. В отношении ухода Израиля с захваченных в 1967 г. территорий позиция президента шла в русле резолюции № 242 — он считал возможным лишь незначительные изменения границ, о чем заявил премьер-министру Рабину во время встречи с ним в Вашингтоне в марте 1977 г.

Президент и его администрация с самого начала взяли четкий курс на урегулирование арабо-израильского конфликта, в рамках которого американские интересы на Ближнем Востоке могли существенно укрепиться, в том числе и за счет ослабления позиций Советского Союза, которые после переориентации Египта на США сохранялись за счет связей с радикальными арабскими режимами. При этом вопросы тактики некоторое время оставались открытыми. С одной стороны, выбор в пользу комплексного решения проблемы диктовал возвращение на Женевскую мирную конференцию, где можно было бы не только «освятить» заключаемые соглашения, но и сдержать радикалов, зависящих от СССР, а также побудить Израиль к большим уступкам. С другой стороны, параллельно прорабатывался вариант сближения Египта и Израиля в контексте опыта заключения соглашения по Синаю 1975 г., рассматривающегося как первое политическое соглашение между противоборствующими сторонами, заключенное

при посредничестве госсекретаря США Г. Киссинджера. 2 октября 1977 г. было опубликовано совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку, которое создавало условия для созыва мирной конференции в Женеве под эгидой СССР и США.

Этот документ подтолкнул египетского президента Садата и израильского премьер-министра Бегина к продвижению двусторонних контактов. Ни тот ни другой лидер не желали возвращения в Женеву. Особенно опасен был женевский вариант для Садата, который понимал, что арабские государства не дадут ему возможности решить египетские проблемы в отрыве от устраивающих их всех решений по палестинскому вопросу, а также без возвращения Сирии Голанских высот. Его тревожила возможность усиления роли СССР, в чем он вовсе не был заинтересован. Бегина в совместном заявлении не устраивало все, и особенно упоминание о законных правах палестинского народа. 4 октября 1977 г. Картер и Вэнс встретились с Даяном, который от лица израильского правительства категорически отверг совместное советско-американское заявление. 5 октября появился американско-израильский рабочий документ по Женевской конференции. Он фактически блокировал возможность возвращения в Женеву, поскольку обставлял его неприемлемыми для большинства арабов условиями. В нем исключалась возможность создания независимого палестинского государства и говорилось только о решении «проблемы арабских беженцев и еврейских беженцев». Единственным важным моментом было то, что именно в этом документе израильское руководство впервые согласилось на участие палестинских арабов (но, разумеется, не ООП) в составе официальной арабской делегации. В документе обособливался вопрос о Западном берегу и Газе и говорилось, что «проблемы Западного берега и Газы будут обсуждаться в рабочей группе, включающей Израиль, Иорданию, Египет и палестинских арабов»¹⁵. Позже формула участия палестинских арабов в совместной иордано-палестинской делегации будет использована на мирной конференции в Мадриде, созванной в октябре 1991 г.

Созыв Мадридской мирной конференции по Ближнему Востоку происходил в новых региональных и международных условиях. Сыграли свою роль советская позиция в ходе иракского конфликта и операции «Буря в пустыне» (подробно об этом см. в гл. 2), в которой не было ни привычной поддержки Саддама Хусейна как режима социалистической ориентации, ни столь же привычного противостояния

с США; ослабление престижа ООП, слишком опрометчиво поддержавшей иракского лидера; маргинализация роли Израиля, которому США дали понять, что его участие в военных усилиях крайне нежелательно, включая меры по самообороне. Впервые на конференцию приехали все непосредственные участники конфликта, за исключением ООП. В Мадридском форуме участвовали сирийская, ливанская и иордано-палестинская делегации, в составе которой находились палестинцы (не члены ООП, но связанные с ней лица).

Главная роль в организации Мадридской конференции принадлежала Дж. Бейкеру и его команде. Роль СССР, переживавшего серьезные внутривнутриполитические трудности, была по сравнению с американской менее активной. Тем не менее стоит отметить, что летом 1991 г. советские дипломаты контактировали с сирийцами, палестинцами и даже с саудовцами, выполняя функции ко-спонсора конференции. Созыв такой полномасштабной конференции отвечал традиционным представлениям советского руководства о наиболее удачном механизме урегулирования. С его точки зрения, такая форма обеспечивала равноправное участие Москвы в урегулировании и препятствовала его монополизации Соединенными Штатами — опыт заключения египетско-израильских соглашений в Кэмп-Дэвиде уже был и закрепил выход Египта из орбиты советского влияния. Кроме того, конференция накладывала определенные обязательства на ее участников, включая принятие плана урегулирования, отвечавшего интересам Москвы. Она препятствовала любым попыткам одностороннего выхода из конфронтации.

Палестинцы с Западного берега и из Газы находились в составе иорданской делегации. Абдель Шафи, Ханан Ашрауи, Фейсал Хусейни были выходцами из палестинской интеллигенции, людьми образованными и уважаемыми. Выступление главы палестинской делегации А. Шафи было примером реалистического подхода. Он требовал прекращения оккупации и создания условий для реализации права палестинцев на самоопределение. Но одновременно поддержал идею переходного периода и конфедерации между Иорданией и палестинским государством. Руководство ООП, которое не было представлено в делегации, было прекрасно осведомлено обо всем и знало то, что собирается сказать Шафи. Умеренный тон его выступления демонстрировал не только плоды политической эволюции, которую претерпела ООП, но и желание произвести позитивное впечатление на израильскую общественность, обратиться к ней через голову изра-

ильского правительства. По контрасту речь Шамира на конференции была выдержана в традиционно жестком духе.

На Мадридской конференции переговоры велись в двустороннем и многостороннем форматах. Многосторонние переговоры осуществлялись с помощью созданного на Московской организационной встрече (январь 1992 г.) механизма, состоявшего из пяти рабочих групп. Проблематика этих групп включала: контроль над вооружениями и региональную безопасность; региональное экономическое развитие; беженцев; водные ресурсы; окружающую среду. Координационно-направляющие функции исполняла группа содействия (ГС) под сопредседательством России (в качестве правопреемницы СССР) и США. Членами ГС являлись участники двусторонних переговоров — Израиль, Сирия, Ливан, Иордания, палестинцы; региональные стороны — Египет, Саудовская Аравия; ведущие организаторы многосторонних рабочих групп — ЕС, Япония, Канада. На заседания ГС приглашались Норвегия в качестве председателя Временного координационного комитета по оказанию донорской помощи палестинцам и Швейцария как куратор «гуманитарного измерения» многостороннего процесса. С осени 1992 г. в многосторонние переговоры был введен представитель ООН (до этого Израиль при поддержке США блокировал решение этого вопроса). На базе консенсуса ГС могла принимать решения о приеме новых членов в многосторонние рабочие группы.

Целью рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности (РГКВРБ) являлось содействие стабилизации обстановки и выработка мер по предотвращению конфликтов. Межсессионная работа проводилась по двум направлениям — концептуальному (долгосрочные проблемы контроля над вооружениями) и оперативному (выработка мер доверия). В целом результаты работы этой группы оставались незначительными. Требования арабской стороны сводились к принятию концепции равных военных потенциалов, что подразумевало сокращение, а затем и ликвидацию ядерного арсенала Израиля. Израильская сторона всегда исходила из необходимости сохранения и поддержания военного превосходства над арабами как главной гарантии своей безопасности. Израильские представители пытались перевести дискуссию в русло выработки мер доверия, а арабские участники делали акцент на контроле над вооружениями. Для российского МИДа создание и функционирование этой группы стало своего рода первым крупным стартовым про-

ектом. Были предложены концептуальные рамки и конкретные пути достижения поставленных целей. Подробно о работе в этом направлении рассказал непосредственный участник событий А. Г. Бакланов¹⁶. Несмотря на сложный период становления РФ, российские дипломаты работали с полной отдачей и вносили свой вклад в работу конференции.

В задачи комитета, созданного в рамках рабочей группы по региональному экономическому развитию (РГРЭР), входило наблюдение за реализацией экономических проектов и определение их приоритетности. Эксперты комитета детально изучили содержание таких региональных проектов, как создание единой энергосистемы, строительство скоростных автомагистралей в Иордании, на палестинских территориях, в Израиле, Египте, концепции экономического развития района Юго-Восточного Средиземноморья и т.д.

В тематику рабочей группы по беженцам (РГБ) входили экономическая и социальная инфраструктура, вопросы создания базы статистических данных, воссоединения семей, организации рабочих мест и профессионально-технической подготовки, здравоохранения. Ее работу тормозило требование палестинцев о безоговорочном возвращении всех беженцев.

Рабочая группа по водным ресурсам (РГВР) сосредоточила свое внимание на поддержке региональных усилий по нахождению баланса между ростом населения и снабжением его водой. Начал функционировать Региональный центр по проблемам опреснения воды в Маскате. В 1995 г. Израиль, Иордания и палестинская сторона парafировали Декларацию принципов сотрудничества по вопросам, связанным с водопользованием.

Рабочая группа по окружающей среде (РГОС) разрабатывала Кодекс поведения для Ближнего Востока, представляющий собой общие принципы и основные направления решения экологических проблем региона.

Многосторонние переговоры продемонстрировали определенный прогресс, но и зависимость от общего состояния дел в политическом урегулировании. Со второй половины 1996 г. пленарные заседания рабочих групп не созывались в связи с осложнениями в арабо-израильских отношениях и фактической стагнацией палестино-израильского мирного процесса.

Двусторонние переговоры сталкивались с еще большими трудностями. Дискуссии с иордано-палестинской делегацией никуда не

вели. Израильская делегация не признавала права палестинцев на самоопределение. Для нее формула промежуточного соглашения по самоуправлению не означала согласия на создание в перспективе палестинского государства. Палестинцы же интерпретировали переходный период как шаг на пути к независимости. Они не доверяли израильтянам, полагая, что на самом деле Израиль стремится к усилению контроля над источниками воды на захваченных территориях, к дальнейшему их освоению через строительство поселений, но при этом пытается обеспечить себе более благоприятный политический климат. Палестинские члены иордано-палестинской делегации не были свободны в принятии решений. Они постоянно обращались к руководству ООП за инструкциями, что также лишало переговорный процесс динамики.

Не лучше обстояло дело и на израильско-сирийском треке. Фактически вступление Сирии в переговоры было само по себе свидетельством перемен, хотя сирийская позиция оставалась жесткой. Помимо объективных, на переговорах действовал и ряд субъективных факторов, еще больше затруднявших процесс. Главой израильской делегации был назначен генеральный директор канцелярии премьер-министра Бен Агарон. Как переговорщик он не обладал ни тактом, ни толерантностью, ни достаточным опытом. Сирийская делегация также не отличалась сдержанностью.

Переговоры с ливанской делегацией достаточно скоро зашли в тупик. Ливанцы настаивали на выполнении Израилем резолюции № 425 СБ ООН (март 1978 г.), требовавшей полного вывода израильских войск с ливанской территории¹⁷. В июле 1985 г. Израиль завершил отвод своих вооруженных сил из Ливана, за исключением зоны вдоль границы. По-прежнему Израиль контролировал Армию Южного Ливана (АЮЛ). В ответ на ливанские требования израильтяне соглашались отвести АЮЛ с узкой части приграничной с Израилем территории. Свое согласие на частичный уход Израиль сопровождал требованиями о проведении ливанцами переговоров с командующим марионеточной армией Антуаном Лахадом. Другим условием Тель-Авива было прекращение вылазок «Хизбаллы» и других радикальных группировок, совершаемых против Израиля из южных районов Ливана. Ливанское правительство не могло взять на себя подобных обязательств.

Конференция в Мадриде была последним для СССР и первым для российской дипломатии усилием по ближневосточному урегулиро-

ванию. Она обозначила окончательный конец биполярной эпохи, хотя и не привела к устранению соперничества глобальных держав в регионе. После нее международная конференция по ближневосточному урегулированию больше никогда не собиралась и была отодвинута на второй план другими событиями и другими форматами урегулирования.

Урегулирование сконцентрировалось вокруг палестино-израильского конфликта. Он был ядром общей конфронтации, но арабы к началу 1990-х годов начали от него уставать. Нефтяные монархии все более скупой поддерживали палестинцев, полагая, что нет смысла вкладываться в малоперспективное дело и портить отношения с Западом. Палестинцы оказывались во все более уязвимом положении в арабском мире.

Двусторонний формат

В начале 1990-х годов Россия не могла уделять прежнего внимания палестино-израильскому конфликту в силу тяжелого переходного периода, наступившего вслед за распадом СССР, глубокого системного кризиса, повлекшего за собой череду конфликтов в самой Российской Федерации и на постсоветском пространстве. Среди них осетино-ингушский конфликт, чеченский конфликт, грузино-абхазский конфликт, конфликт вокруг Нагорного Карабаха, межаджикский конфликт. Все они требовали особого внимания российского руководства и все имели общие черты. Эти конфликты возникали на развалинах многонационального государства или предшествовали ему, расшатывая государственные структуры, и представляли собой варианты этнополитического конфликта.

Нарастание этнонационалистических тенденций в советских республиках нашло свое выражение в политизации этнического фактора и наметившемся размежевании по этому принципу, в стремлении части титульной нации добиться изменения своего положения и повышения статуса в полиэтничном обществе за счет других групп. «Другие», «чужаки» воспринимались как ответственные за бедность, убожество и неравенство теми слоями, которые, не обладая современной культурой, транслировали свою социальную уязвимость в агрессию, быстро переходя к насилию. Осознанию неправомерного положения способствовали различные факторы. Либерализация режима в период перестройки привела к появлению критических пуб-

ликаций, репортажей по радио и телевидению, которые касались и положения в республиках региона. В частности, на общественное обсуждение были вынесены такие принципиально важные вопросы, как монокультурность сельского хозяйства и тяжелые экологические последствия, уровень жизни населения и т.п. Негативный информационный фон сам по себе способствовал росту представлений о несправедливости, постоянно допускавшейся по отношению к местному населению, об ущемленности и отсутствии реальной защиты.

Еще одним немаловажным фактором была политическая мобилизация, появление разного рода группировок оппозиционного толка, которые канализировали недовольство в определенное русло. Привычное уважение к власти и страх перед ней начали постепенно исчезать.

До развала СССР ослабление центрального руководства и постепенный отход от жестко авторитарной модели правления привели в 1989 г. к переходу в кризисную стадию давно тлевшего конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Как известно, националистические идеи направлены против старых границ и государств. Распад империй и возникновение ряда мелких государств под мощным напором национально-освободительных движений одновременно запускают механизм новых националистических движений, теперь уже в каждом из этих государств, где имеются национальные меньшинства, также стремящиеся к обретению государственности. Сначала распался СССР, а затем во многих независимых государствах возникли собственные проблемы, угрожающие их территориальной целостности. Этнонационализм, требующий, чтобы этнические и политические границы совпадали, приводит к занижению или отрицанию моральных стандартов, когда приемлемыми для общества могут стать этнические чистки, геноцид и пр.

Многочисленные конфликты в РФ и на постсоветском пространстве, определив крайне низкий уровень российской вовлеченности в урегулирование в первой половине 1990-х годов, тем не менее при всем различии причин, движущих сил, непосредственных поводов давали возможность российским специалистам использовать огромный опыт, полученный на Ближнем Востоке, при анализе происходящих событий и при выработке рекомендаций по урегулированию. Наиболее важными в этом плане стали подходы к урегулированию межджиджикского конфликта и конфликта вокруг Нагорного Карабаха, когда были применены методики, наработанные в ходе организа-

ции неофициальных встреч между палестинцами и Израилем, а также в рамках Дартмутской конференции, занимавшейся проблемами взаимодействия двух сверхдержав в различных региональных конфликтах, включая ближневосточный.

Важной причиной снижения роли России в урегулировании в начале 1990-х годов стал также личностный фактор. Тогдашний российский министр иностранных дел А. Козырев, судя по всему, хотел полностью избавиться от любых моментов, ассоциировавшихся с советской политикой на Ближнем Востоке, в том числе дистанцироваться от арабских стран, находившихся в прямой конфронтации с Израилем, и избегать столкновений с США по этому вопросу.

Не способствовала активизации российской политики в урегулировании (равно как и других внешних игроков) динамика самого конфликта. В процессе Мадридской конференции стало ясно, что она не может быть эффективным механизмом для решения всех вопросов в условиях, когда важнейший участник противостояния — ООП — не был на ней представлен. Решение о вступлении в прямые переговоры далось обеим сторонам не просто. Для Израиля речь шла о том, чтобы начать диалог с организацией, которая для него оставалась террористической. Для палестинцев, являвшихся участниками асимметричного конфликта, готовность вступить в переговоры с таким оппонентом, как Израиль, могла трактоваться как сдача и так не слишком сильных позиций. Как представляется, стороны осознавали стоящие перед ними трудности, но выбора у них уже не было. В начале 1990-х годов их проблемы в силу объективных причин отошли на второй план в мировой политике. О России уже говорилось. США были заняты собственными делами и выборами. Срок президента Буша-старшего закончился в 1993 г., и ему было уже не до Ближнего Востока, а Клинтон только вступал в должность. Переход к двустороннему формату был в определенной степени вынужденным — на сирийском треке продвижения не было, Египет свои проблемы с Израилем давно решил, а Иордания к тому времени уже разорвала административные связи с Западным берегом и иорданский вариант был окончательно похоронен. ООП, признанная единственным законным представителем палестинского народа, оказалась один на один с Израилем и была вынуждена в неблагоприятных для себя условиях доказывать заслуженность статуса, которого она столь долго добивалась.

Израильско-палестинский мирный процесс (процесс Осло) оказался сложным и противоречивым. Рост насилия в палестино-изра-

ильских отношениях произошел тогда, когда стороны приступили к обсуждению параметров окончательного соглашения. Что помешало добиться урегулирования или по крайней мере перевести конфликт на уровень политического противостояния? Насколько созданные палестинские институты и новый уровень взаимоотношений между палестинцами и Израилем отвечал задачам разрешения конфликта, а не был, возможно, помимо желания самих вовлеченных в переговоры сторон лишь отвлекающим от главных проблем маневром?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к формату переговоров, повестке дня, динамике и достигнутым соглашениям. Официальные контакты между Израилем и ООП, направленные на разработку политических соглашений, начались достаточно поздно, но неофициальные встречи, контакты и переговоры на общественном уровне длились на протяжении многих лет. Общественный диалог способствовал изменению климата в отношениях между сторонами, их взаимной дедемонизации. По мнению Гарольда Сондерса, принимавшего личное участие в подготовке кэмп-дэвидских соглашений и являющегося специалистом в области урегулирования конфликтов, «в 1993 г. израильтяне и палестинцы формализовали официальный мирный процесс, когда израильский премьер-министр Ицхак Рабин и председатель Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат пожали друг другу руки на лужайке Белого дома в Вашингтоне. Я полагаю, что израильтяне и палестинцы не могли бы сделать этот шаг, если бы многочисленные израильтяне и палестинцы не встречались в течение предыдущих 20 лет. Некоторые из этих встреч были продолжением семинаров, начатых в 1970-е годы третьей стороной, но большинство были встречами между израильтянами и палестинцами, ежедневно сталкивающимися друг с другом в обычной жизни»¹⁸.

Мадридская конференция дала старт переговорам Израиля с иордано-палестинской делегацией. Однако пять раундов переговоров в Вашингтоне, прошедших в период между окончанием конференции и израильскими выборами 1992 г., не принесли сколько-нибудь существенных результатов. Причины заключались в формате переговоров: вовлеченные в них представители конфликтующих сторон не были способны принимать компромиссные решения. В Израиле у власти находился кабинет Ицхака Шамира, одного из приверженцев идеи Великого Израиля. Соответственно, израильская сторона не была заинтересована в территориальных уступках и использовала пе-

реговоры, чтобы оттянуть время. Уже уйдя в отставку после выборов, И. Шамир признавался, что больше всего жалеет о том, что в предстоящие четыре года он не сможет расширять сеть еврейских поселений в Иудее и Самарии, чтобы можно было бы считать необходимую Израилью «демографическую революцию» завершённой¹⁹.

С иордано-палестинской стороны были представлены люди, зависимые от ООП, не способные без предварительных консультаций что-либо решить. Как пишет Ури Савир, бывший генеральный директор Министерства иностранных дел Израиля и один из главных участников подготовки израильско-палестинских соглашений в Осло, «в Вашингтоне (место, где проводились переговоры. — И. З.) проблема заключалась в том, что лидер с Западного берега Фейсал Хусейни не имел мандата, чтобы вести переговоры. По любому поднятому нами вопросу он обращался к руководству ООП... На деле мы в Вашингтоне вели переговоры с Арафатом по факсу!». По словам Шимона Переса, «было ясно, кто режиссирует палестинское шоу. Я сказал Рабину, что готов отправиться в Осло, встретиться тайно с их представителями и выяснить истинные намерения ООП. Нам необходимо продвигаться вперед и бесполезно терять время в Вашингтоне, притворяясь, что ООП там нет»²⁰.

Открытие палестино-израильского секретного канала было подготовлено многолетними усилиями норвежской дипломатии, активно использовавшей выгодное положение Норвегии, поддерживавшей дружеские отношения как с Израилем, так и с палестинцами и при этом не связанной обязательствами ни с одной из сторон.

Большую роль в организации контактов сыграл Терье Ларсен, норвежский ученый, работавший в одном из ведущих центров, специализирующихся на исследованиях проблем мира, и его жена Мона, сотрудница норвежского посольства в Каире. В феврале 1992 г. Ларсен встретился с находившимися с визитом в Осло членом руководства и главным финансистом ООП, директором палестинского банка «Самед» Ахмедом Курей (Абу Ала). В ходе этой встречи обнаружилось практически полное совпадение взглядов обоих собеседников в том, что касалось необходимости установления и развития контактов между ООП и Израилем. Затем, в мае 1992 г., накануне выборов в Израиле, которые принесли победу Партии труда, Ларсен встретился в Тель-Авиве с молодым депутатом кнессета от Партии труда Йосси Бейлином, впоследствии ставшим заместителем министра иностранных дел Израиля, и также пришел с ним к согласию по вопросу нала-

живания связей с ООП. Бейлин и Абу Ала стали впоследствии одними из основных «архитекторов Осло». По свидетельству английской журналистки Дж. Корбин, именно тогда возникла идея о недостаточной эффективности «мадридской» системы переговоров и о необходимости ее дополнения второй, секретной линией²¹.

К открытию нового секретного канала израильских лидеров подтолкнули и внутривластные соображения. В 1992 г. на правительство Рабина оказывали серьезное давление правые партии. Оно располагало только 62 местами из 120 в кнессете и могло рассчитывать на дополнительные пять голосов арабских партий и коммунистов только в случае проведения курса на урегулирование палестинской проблемы. Внешнеполитический успех мог бы решить многие проблемы. Кроме того, ситуация на оккупированных территориях складывалась все более неблагоприятно. Позиции «Хамас» усиливались вместе с радикализацией палестинского общественного мнения. Израильские репрессии против активистов «Хамас» заставляли даже «Фатх» выражать поддержку своим политическим оппонентам. В марте 1993 г. после очередных рейдов экстремистов Рабин закрыл границу по зеленой линии и запретил палестинским рабочим въезд в Израиль. По мнению английского автора Ави Шлаима, эта мера, хотя и носила тактический характер, одновременно отражала новое стратегическое видение ситуации правительством Рабина. Его главным принципом стала не попытка абсорбировать палестинские земли ради создания Великого Израиля, а раздел Палестины²².

Показательно, что основные тенденции, проявившиеся в связи со стагнацией переговоров в начале 1990-х годов, фактически сохранились, настолько они оказались устойчивыми. Им удалось пережить процесс Осло, хотя, пожалуй, «революция ожиданий» на палестинских землях несколько оттеснила их на второй план. Определение формата переговоров, позволявшего вести их с теми представителями, которые могли обеспечить реализацию принятых решений, было главным прорывом на пути урегулирования палестинской проблемы. Впервые переговоры велись не с теми палестинскими деятелями, которые устраивали Израиль (лидеры с оккупированных территорий, иорданские представители), а с теми, кто действительно разрабатывал и осуществлял стратегию палестинской борьбы против Израиля.

Палестино-израильские переговоры продолжались в различных уединенных резиденциях в Норвегии с января по август 1993 г. Повестка дня, естественно, касалась базовых принципов сосущество-

вания Израиля и палестинцев. Однако, чтобы перейти к их обсуждению, участникам надо было договориться о важнейшем принципе ведения переговоров. В затяжных конфликтах особенно болезненными являются вопросы, связанные со взаимными долголетними претензиями сторон друг к другу, перечислением взаимных обид и несправедливостей. В случае израильско-палестинского конфликта с его этно-территориальным измерением обращение к историческому прошлому грозило похоронить все попытки поиска компромиссов. Первое и важное взаимопонимание, к которому пришли обе стороны, было согласие не вести споров по поводу прошлого.

Завершающие раунды переговоров проходили в условиях серьезного кризиса во взаимоотношениях сторон, вызванного большим количеством разногласий по отдельным пунктам и деталям итогового документа в сочетании с сильным давлением временного фактора: в условиях настойчивого внимания журналистов к израильско-палестинским контактам обеим сторонам необходимо было сохранить переговоры в секрете вплоть до полного согласования текста итогового документа²³.

13 сентября 1993 г. в Вашингтоне была подписана Декларация принципов, которая предусматривала проведение выборов на Западном берегу и в секторе Газа, вывод израильских войск с части оккупированных территорий, прежде всего из сектора Газа и района вокруг Иерихона, начало переговоров о постоянном статусе Западного берега и сектора Газа в течение первых двух лет после подписания соглашения с целью согласования этого статуса и его официального провозглашения к концу пятилетнего переходного периода. Официальный статус предусматривал решение остающихся проблем — Иерусалим, беженцы, поселения и меры безопасности²⁴.

Официальному подписанию соглашения предшествовал обмен письмами между Я. Арафатом и И. Рабином, который был призван прежде всего обеспечить поддержку соглашения израильским электоратом, по-прежнему крайне негативно относившимся к ООП. Я. Арафат в своем письме от 9 сентября 1993 г. заявил о признании Организацией освобождения Палестины права Израиля на существование, резолюций СБ ООН № 242 и 338, о ее приверженности мирным способам разрешения конфликта и отказе от терроризма и насилия, включая обязательство предотвращать и наказывать подобные проявления со стороны любых своих членов, а также обязался официально оформить решением Национального совета Палестины пересмотр статей Палестинской национальной хартии, содержащих непризнание законности

существования Государства Израиль. В ответном письме И. Рабин заявил, что, учитывая данные руководством ООП обязательства, израильское правительство признает ООП представителем палестинского народа и согласно вести с ней переговоры в рамках ближневосточного мирного процесса²⁵.

Решение о передаче под палестинский контроль Газы и Иерихона означало появление официальной палестинской власти на территориях с определенными полномочиями. Наличие такой власти, обладающей, хоть и ограниченными, возможностями контроля, обеспечило заключение дальнейших соглашений и расширение зоны палестинской автономии.

Вместе с тем особенностью палестино-израильского диалога стала идея отложенного статуса, которая сыграла неоднозначную роль в урегулировании. С одной стороны, установление сроков для окончательного решения проблемы (пять лет) давало перспективу переговорам. С другой — главные противоречия между сторонами были сконцентрированы вокруг окончательного статуса, и отсутствие общего понимания, каким будет этот статус, углубляло недоверие и неудовлетворенность достигнутыми результатами. Главные вопросы конфликта были отложены, и возможность их компромиссного решения оставалась открытой. Они были фактически поставлены в жесткую зависимость от предыдущих этапов урегулирования — любое осложнение отодвигало их решение все дальше и дальше. Логика участников конфликта была понятна — израильское руководство опасалось слишком быстрого движения вперед в условиях, когда в израильском обществе идея палестинского государства со всеми вытекающими последствиями не была широко принята и существовала сильная оппозиция самим переговорам. Не случайно израильские правительства, несмотря на заключенные соглашения, продолжали расширять сеть поселений, и территория Западного берега продолжала сокращаться, как шагреновая кожа.

Что касается Арафата и его окружения, то им, вероятно, хотелось большей определенности, но возможность официального возвращения на палестинские территории и получение нового политического статуса выглядели после стольких лет конфронтации достаточно заманчиво.

Противоречия, заложенные в основе процесса Осло, проявились достаточно очевидно после убийства Рабина и прихода к власти на

выборах 1996 г. правого лидера Биньямина Нетаньяху. Стагнация мирного процесса вновь дала мощный толчок радикализации, росту терроризма, усилению влияния исламистов — «Хамас», «Исламский джихад» — и сползанию на аналогичные позиции молодой гвардии из «Фатха».

Понимая, что прямая денонсация израильско-палестинских соглашений неизбежно повлекла бы за собой самые серьезные политические последствия, Нетаньяху был вынужден смириться с реальностью, но при этом сделал все, чтобы заморозить мирный процесс. В течение нескольких месяцев он умышленно воздерживался от встречи с Я. Арафатом. Вскоре после своего избрания Нетаньяху пошел на прямое обострение отношений с палестинцами, приняв решение об открытии древнего туннеля под Старым городом Иерусалима, что было расценено мусульманами как посягательство на исламские святыни, в непосредственной близости от которых располагался туннель, а также нарушение статус-кво и шаг в направлении иудаизации Иерусалима²⁶.

Пока палестинцы и израильтяне вели секретные переговоры в двустороннем формате, у РФ не было возможностей воздействовать на их ход. Собственно, сам формат предусматривал выведение переговоров из-под зонтика великих держав. Тем не менее у российских специалистов было свое видение урегулирования, которое они пытались донести до США как сопредседателя международной конференции. Главным элементом российского подхода была необходимость вовлечения Сирии. От сирийского руководства в определяющей степени зависел успех соглашений с учетом его влияния на ООП и нежелания остаться один на один с Израилем по вопросу Голанских высот, грозившему превратиться в тривиальный пограничный конфликт. Прекрасно понимая специфику сирийской позиции, Е. М. Примаков пытался донести до американской стороны тот факт, что, сохраняя принципиальное требование освобождения Голанских высот, Дамаск мог бы проявить определенную гибкость, согласившись на поэтапные шаги, решив вопросы демилитаризации, создания наблюдательных постов и т.п. Для американцев такая постановка вопроса была достаточно неожиданной²⁷.

Судя по всему, США, сосредоточившие свое внимание на палестинской проблеме, к тому времени списали Хафеза Асада со счетов. Сирийский трек представлялся после нескольких неудач непробиваемым, и Асад не выглядел как договороспособный руководитель.

В случае, если бы российско-американское взаимодействие в плане урегулирования продолжилось, каждая из сторон могла бы содействовать размягчению, точнее, рационализации позиции своих союзников, но такого взаимодействия не было. Вашингтон, судя по всему, к нему не стремился, а высшее российское руководство не считало ближневосточное урегулирование важным для себя приоритетом — и без него проблем было достаточно.

Российское влияние в контексте ближневосточного урегулирования во второй половине 1990-х годов в значительной степени поддерживалось и обеспечивалось министром иностранных дел РФ Е. М. Примаковым. Не случайно в марте 1996 г. президент РФ Б. Н. Ельцин на международной встрече в Шарм-аш-Шейхе предложил провести новый раунд Мадридской конференции. В 1996—1997 гг. Е. Примаков трижды посетил Ближний Восток, причем все визиты включали длительные беседы с Хафезом Асадом. Осенью 1996 г. министр иностранных дел РФ встретился с недавно избранным премьер-министром Б. Нетаньяху.

29 мая 1996 г. в Израиле впервые была испытана новая избирательная система прямых выборов премьер-министра. Каждому выборщику предоставлялись два бюллетеня: один для голосования за партию, а второй — за кандидатуру премьера. В телевизионных дебатах преимущество Нетаньяху было очевидным. Он представлял собой молодое уверенное в себе поколение. Перес проиграл Нетаньяху исключительно в личном плане (Нетаньяху получил 50,4% голосов, Перес — 49,6%). При этом Партия труда выиграла 34 мандата, а «Ликуд» — 32²⁸.

Биньямин Нетаньяху родился в 1949 г. Он получил высшее образование в США, а затем вернулся в Израиль, чтобы пройти военную службу. В течение пяти лет служил в элитном подразделении и дослужился до звания капитана. В свое время в семье Нетаньяху произошла большая трагедия. Его старший брат Ионатан был единственным из израильских командос, погибшим в 1976 г., во время освобождения заложников в Энтеббе. Ионатан Нетаньяху стал в Израиле национальным героем, а Биньямин всю жизнь старался быть достойным его памяти. Возможно, это определило его политическую судьбу и энергию. Важно принимать во внимание и то обстоятельство, что Биби происходил из семьи, стоявшей у истоков Ревизионистского движения (правого сионистского лагеря). Его отец тесно сотрудничал с основателем движения Зеевом Жаботинским, и с точки зрения преемственности Нетаньяху, являвшийся молодым представителем закрытой израильской элиты, мог считаться «белой костью» и «принцем».

В 1982 г. Нетаньяху был назначен заместителем посла Израйля в США, а затем представлял Израиль в ООН. В 1988 г. он вернулся в Израиль и был избран членом кнессета от «Ликуда», а в 1993 г. стал лидером блока. Нетаньяху резко выступал против соглашений Осло I и Осло II, собирал многотысячные демонстрации против политического курса Рабина в палестинском вопросе. Он меньше других израильских лидеров был готов к территориальным компромиссам, а основой его курса стал лозунг «безопасность в обмен на безопасность», что представляло собой явный отход от формулы «территории в обмен на мир». Злые языки утверждали, что такой подход был семейным делом: Биби не хотел расстраивать старого ревизиониста отца и ссориться со своей женой, известной жесткими взглядами.

Как ни странно, несмотря на очевидные различия, Е. М. Примакову и Б. Нетаньяху удалось найти общий язык — в их отношениях появились элементы взаимопонимания. В определенной степени это могло быть связано с тем, что предшественник Нетаньяху — глава Партии труда Ш. Перес неоднократно давал понять, что Израиль не заинтересован в российском посредничестве, оставался глух к российским предложениям. Нетаньяху не собирался ставить препятствия на пути российской вовлеченности в урегулирование. С самого начала он заявил: «Я исхожу из необходимости активизации роли России в политическом урегулировании на Ближнем Востоке. Это не слова, это — мой курс»²⁹. В действительности Нетаньяху, не будучи заинтересованным в урегулировании, при котором ему придется отказаться от значительной части территории Западного берега и от Голанских высот, не ставил проблему достижения мира с палестинцами во главу угла своей внешней политики. Он был скорее готов рассматривать РФ как своего рода противовес США, особенно в тех случаях, когда политика администрации все больше вступала в диссонанс с израильскими интересами в его понимании. В попытках сблизить позиции Дамаска и Тель-Авива и открыть дорогу к мирному договору Примаков предложил возможность дополнительных и предварительных мер безопасности, постепенный израильский отход с Голанских высот при том понимании, что Израиль принимает в качестве принципа окончательное освобождение сирийской территории. Визит Примакова на Ближний Восток в октябре 1997 г. «был более успешен, когда по просьбе Нетаньяху он убедил Иерусалим и Дамаск в отсутствии военных намерений. Заместитель министра иностранных дел Виктор Посавалюк, который сопровождал Примакова, позже рассматривал

это как очень конструктивный пример российской активности в качестве коспонсора ближневосточного мирного процесса и как личное достижение Примакова»³⁰.

Выдвинутые Е. М. Примаковым инициативы были, естественно, гораздо шире, чем попытки примирить израильтян и сирийцев. Он выдвинул план выхода из кризиса, предусматривавший прекращение насилия, возобновление мирных переговоров на основе принципа «мир в обмен на землю» и создание региональной системы безопасности на Ближнем Востоке с участием всех государств. Он подчеркивал, что Москва намерена играть более значимую роль в ближневосточном процессе, но не для вытеснения США, а чтобы в полной мере соответствовать своему статусу коспонсора. Возобновились визиты в Россию Арафата (февраль 1997 г., октябрь 1998 г., август 2000 г.). Это свидетельствовало о желании руководства автономии видеть Москву в качестве влиятельного игрока, который мог бы заставить Израиль прекратить строительство новых поселений на оккупированных палестинских территориях и выполнить условия соглашений о поэтапном выводе войск. Были созданы российско-палестинский и российско-израильский рабочие комитеты по Ближнему Востоку, возглавляемые заместителями министра иностранных дел. Эти комитеты в 1996–1999 гг. провели пять заседаний³¹.

Тем не менее, рассматривая политику РФ в конфликте во второй половине 1990-х годов, трудно отделаться от ощущения ее вторичности по сравнению с другими направлениями российской политики. Резкая дестабилизация на Балканах, бомбардировки НАТО, стремление остановить войну и столкновение РФ с нарушением обязательств со стороны Запада — все это превращало ближневосточный конфликт в малозначимый объект на дипломатической карте.

Единственным достижением в процессе израильско-палестинского урегулирования за годы правления Нетаньяху, к которому Россия не имела прямого отношения, можно считать соглашение о передислокации войск в районе Хеврона, на подписание которого он был вынужден пойти в рамках сохранявшейся преемственности в израильской политике. Кроме того, и сам вопрос о передислокации войск (но не об их выводе) не выглядел для него принципиальной уступкой. Переговоры по этому вопросу начались при посредничестве специального представителя США Д. Росса 6 октября 1996 г., спустя три недели прерваны из-за невозможности достичь компромисса и возобновлены 21 декабря, после выборов в США. Соглашение было до-

стигнуто лишь 15 января 1997 г., после активного посреднического вмешательства иорданского короля Хусейна. По соглашению Хеврон был разделен на зоны «Н-1», под палестинским контролем, и «Н-2», под контролем Израиля (район компактного проживания израильских поселенцев)³². До заключения соглашения Хеврон являлся ареной постоянных стычек и столкновений.

После заключения соглашения по Хеврону Нетаньяху решил «сбалансировать» свою вынужденную уступчивость и провозгласил «новую битву за Иерусалим». Первым шагом в этом направлении стал план интенсивного жилищного строительства в восточноиерусалимском квартале Хар Хома (араб. Джебель Абу Гунейм), вызвавший возмущение палестинской общественности и осуждение многих стран Запада³³. И наконец, Нетаньяху выдвинул совершенно неприемлемый для палестинской стороны план окончательного решения территориального вопроса. Согласно этому плану, палестинцам предлагалось в конечном итоге не более 40% территории Западного берега. Этот план получил название «План Аллона-плюс», так как строился по тому же принципу, что и план Аллона 1976 г., но, в отличие от него, предлагал территориальный раздел не 30:70% в пользу палестинцев, а 40:60% в пользу Израиля³⁴.

Под давлением США правительство Нетаньяху было вынуждено в октябре 1998 г. после израильско-палестинско-американского совещания на высшем уровне в резиденции Уай-Ривер (штат Мэриленд, США) подписать меморандум о дальнейшей передислокации на Западном берегу, предусматривающей передачу новых участков земли под палестинский контроль, а также активизацию усилий сторон с целью достижения соглашения об окончательном статусе к маю 1999 г. Всего предполагалось в три этапа вывести израильские войска с 13% территории Западного берега, доведя площадь Палестинской автономии до 40% этой территории³⁵.

ООП, выполняя один из пунктов Меморандума Уай-Ривер, повторно вынесла на обсуждение Национального совета Палестины вопрос о внесении изменений в Палестинскую национальную хартию и исключении из нее пунктов, несовместимых с обязательствами, взятыми на себя палестинской стороной в рамках процесса мирного урегулирования с Израилем. 14 декабря 1998 г. в Газе в присутствии президента США Клинтона, обратившегося к собравшимся с речью, состоялось заседание Национального совета Палестины, проголосовавшего за отмену ст. 8–10 (об освобождении Палестины путем во-

оруженной борьбы), ст. 15 (о ликвидации сионистского присутствия в Палестине), ст. 19–23 (о непризнании резолюции ГА ООН № 181 о разделе Палестины на два государства, о непризнании исторических и религиозных связей евреев с Палестиной, об отказе от каких-либо вариантов решения палестинской проблемы, кроме «полного освобождения Палестины», о сионизме как орудии империализма и «незаконном движении», объявляемом вне закона³⁶.)

К декабрю правительство Нетаньяху приостановило выполнение своих обязательств, выдвинув новый список требований к ООП.

Правление Нетаньяху закончилось решением кнессета о самороспуске и проведении в мае 1999 г. досрочных выборов, на которых победу одержал лидер Партии труда («Авода») Эхуд Барак. После смены кабинета в Израиле переговорный процесс активизировался. 4 сентября 1999 г. в Шарм-аш-Шейхе (Египет) при участии госсекретаря США М. Олбрайт, президента Египта Х. Мубарака и короля Иордании Абдаллы II был подписан новый израильско-палестинский меморандум, предусматривающий возобновление процесса претворения в жизнь ранее достигнутых договоренностей, прежде всего Меморандума Уай-Ривер, создание совместных комиссий по урегулированию вопросов, связанных с палестинскими заключенными в израильских тюрьмах, дальнейшей передислокацией войск, проблемой беженцев и др. В меморандуме оговаривались также шаги по урегулированию проблемы свободы передвижения в Хевроне, обеспечения безопасности, строительства порта в Газе и др.³⁷

К началу 2000 г. далеко не все установленные даты были соблюдены. Израильское руководство сконцентрировалось на переговорах с Сирией, полагая, что мирный договор с этой арабской страной облегчит Израилю ведение переговоров с палестинской администрацией. Кроме того, в мае 2000 г. Барак санкционировал односторонний отвод войск из Южного Ливана к международно признанной границе в рамках выполнения резолюции СБ ООН № 425. Данный шаг должен был прекратить потери, которые несли войска под ударами радикальной шиитской организации «Хизбалла», создать более благоприятную обстановку для политических контактов с правительствами Сирии и Ливана, а также при продолжении обстрелов боевиками северных районов Израиля обеспечить легитимность ответных действий. Однако Барак попал в политическую ловушку. Перенеся акцент с палестинской проблемы на урегулирование израильско-сирийских отношений, он не добился результатов и одновременно

вызвал у палестинской стороны сильное раздражение. Арафат, озабоченный ростом числа израильских поселений и отсутствием реального продвижения на палестинском направлении, стал вновь угрожать провозглашением палестинского государства в одностороннем порядке.

Барак и Арафат становились заложниками настроений в своих обществах. В Израиле правые возмущались планами передачи палестинцам трех поселений на границах Восточного Иерусалима, Национально-религиозная партия угрожала выйти из правительственной коалиции, а «русская» партия «Израэль ба-Алия» явно оппонировала курсу правительства в палестинском вопросе. Барак оказался во главе столь шаткой коалиции, что в любой момент мог лишиться поддержки в кнессете. Единственный способ выхода из этой ситуации, как он полагал, — соглашение об окончательном статусе палестинских территорий, которое было бы вынесено на общенациональный референдум. Прекращение конфликта гарантировало бы ему массовую поддержку в Израиле, и в таких условиях неблагоприятная расстановка сил в кнессете уже не имела бы решающего значения. Торопиться Барака вынуждали не только внутренние, но и внешние факторы. Он надеялся на помощь президента Б. Клинтона, посредничество которого было ограничено временем: осенью 2000 г. начиналась подготовка к президентским выборам в США, способная отвлечь его от Ближнего Востока.

В то же время на Западном берегу и в Газе нарастало недовольство палестинцев политикой Арафата. По сравнению с 1993 г. (до заключения соглашений в Осло) значительно возросла безработица, свобода передвижения была ограничена, продолжалось строительство поселений и число израильтян там удвоилось. Израильское правительство даже оказывало помощь желающим переселиться на указанные территории, им давали займы и дополнительные субсидии.

Кризис ожиданий, связанных с мирным процессом, способствовал радикализации палестинского общества, которое все менее было готово принять компромиссный вариант урегулирования с Израилем. Даже представители «Фатха» (организации Арафата) заявляли, что мирный процесс — это заговор против национальных устремлений палестинского народа.

Переговоры в Кэмп-Дэвиде при американском посредничестве в июле 2000 г. были задуманы как попытка урегулировать наконец палестинскую проблему. В Кэмп-Дэвиде израильский премьер пред-

ложил план, по которому Израиль оставлял за собой 9,5% Западного берега и брал в долгосрочную аренду еще 10% территории вдоль реки Иордан. На Западном берегу оставались два больших анклава израильских поселений с коридором, обеспечивающим их связь со страной. Израиль сохранял контроль над границами будущего палестинского государства. Судя по всему, главным камнем преткновения на том этапе стал вопрос об Иерусалиме. Барак впервые нарушил основное табу израильской политики и предложил раздел города, провозглашенного после «шестидневной войны» 1967 г. «вечной и неделимой столицей» Израиля. Арафат настаивал на полном суверенитете над Старым городом, за исключением еврейского квартала и Стены Плача. Израильяне на это не могли согласиться и предлагали более изощренные варианты суверенитета. Настоящий диалог в Кэмп-Дэвиде так и не был начат, несмотря на попытки президента Клинтона сблизить позиции сторон. Саммит завершился совместным заявлением, в котором подчеркивались приверженность обеих сторон резолюциям ООН и их намерение избегать действий, способных предопределить исход переговоров (последнее должно было побудить Израиль снизить темпы строительства поселений, а палестинцев — не провозглашать свое государство)³⁸.

Барак оказался в сложном положении. Негативная реакция праж была предсказуема и не заставила себя ждать, но нарастало разочарование среди его сторонников, полагавших, что отказ Арафата принять план, принципиально отличавшийся от предложений предшествовавших израильских лидеров, означал нежелание палестинцев урегулировать конфликт. Драматизм ситуации заключался в том, что Барак и Арафат сделали все возможное для них и не были свободны в принятии решения о дальнейших шагах, хотя и ожидали их друг от друга. Более того, «окончательное урегулирование» Барака способствовало росту разочарования среди палестинцев в возможности реализации их национальных устремлений политическими средствами. То, что с точки зрения израильтян воспринималось как принципиальные уступки, для палестинцев означало перспективу остаться в весьма ограниченном пространстве без полного контроля над Восточным Иерусалимом и обеспечения возвращения своих беженцев.

Помимо реальных разногласий, между конфликтующими сторонами имелся набор субъективных обстоятельств, очень негативно влиявших на ситуацию (нажим на палестинское руководство со стороны ряда арабских стран, отвергавших какие-либо уступки по

беженцам и Восточному Иерусалиму; активность палестинских радикальных кругов, резко усилившаяся после одностороннего вывода израильских войск из Ливана в мае 2000 г., и т.д.). В среде палестинцев крепло представление о том, что Израиль понимает только язык силы. По их мнению, лишь военная сила вынудила израильтян уйти из Ливана и можно было добиться больших уступок от Тель-Авива, если продолжать оказывать на израильтян силовой нажим.

Попытки США возродить процесс переговоров продолжались. После интенсивных раундов американской дипломатической активности были организованы встречи Клинтона с Бараком и Арафатом в Нью-Йорке в начале сентября 2000 г. 26 сентября состоялась встреча Арафата и Барака, но надежды, что после нее вновь начнутся переговоры, были разбиты новым витком насилия. Начало интифады отсчитывалось с визита А. Шарона на Храмовую гору 28 сентября 2000 г., который стал толчком к восстанию. Показательно, что Барак сам санкционировал «мирный марш» Шарона, рассчитывая, что он укрепит позиции последнего в правом блоке «Ликуд» и подорвет влияние его оппонента Нетаньяху. На предстоящих выборах Барак предпочел бы иметь дело с Шароном в качестве соперника, полагая, что его было бы легче победить, чем более молодого и динамичного Нетаньяху. Для палестинцев визит Шарона послужил лишь призывом к сопротивлению.

Официальные стороны продолжали контактировать, но уже на фоне набирающего обороты вооруженного противостояния. У российского руководства складывалось впечатление, что США полностью монополизировали мирный процесс и хотя действительно сделали немало, но, даже столкнувшись с трудностями, не были готовы привлечь Россию на равных основаниях. В октябре 2000 г. в Шарм-аш-Шейхе состоялась встреча в верхах, на которой присутствовали представители США, Египта, Иордании, палестинских властей, Израиля, ООН и ЕС. Российский МИД поддержал эту встречу и подтвердил готовность РФ в ней участвовать на том же уровне, что и остальные участники. Как писал Е. М. Примаков: «Иными словами, российский президент был готов вылететь в Египет, что он подтвердил и во время одного из телефонных разговоров со мной. Однако приглашения не последовало. Позже заместитель госсекретаря США Пиккеринг скажет, что приглашали министра иностранных дел России, а он не прилетел. Однако дело именно в том, что приглашали министра иностранных дел в то время, когда все другие участники — США, Египет,

Иордания, Палестина, Израиль, ООН — были представлены высшими руководителями, а ЕС — высшим должностным лицом в области внешней политики»³⁹.

Достигнутые договоренности о прекращении столкновений так и не были реализованы, и попытки американской стороны и России параллельно предпринять усилия к снижению напряженности оказались тщетными. 9 декабря 2000 г. Барак объявил о своей отставке. Будучи неспособным контролировать обстановку в правительстве и теряя поддержку избирателей, он надеялся, что столь драматический жест побудит израильтян, поддерживающих партию «Авода», вновь сплотить ряды и поддержать его на внеочередных выборах, намеченных на начало 2001 г. В этих условиях прорыв на палестинском направлении мог бы обеспечить ему политическое будущее. Переговоры состоялись на базе американских ВВС «Боллинг» 19–24 декабря.

Президент Клинтон обнародовал свой план урегулирования, в соответствии с которым 95% территории Западного берега и весь сектор Газа передавались палестинцам. При этом Израиль обменивал 3% своих земель на 5% Западного берега, где находились три основных блока его поселений. План предусматривал раздел Иерусалима: арабские кварталы на востоке города отходили к палестинцам, а 11 поселений, построенных после 1967 г., — к Израилю; в Старом городе арабские святыни передавались под ограниченный палестинский суверенитет, а Стена Плача, иудейский квартал и часть армянского — под израильский суверенитет. Признавалось право палестинских беженцев на возвращение, но на территорию своего государства. Те, кто не в состоянии или не захочет воспользоваться этим правом, получают компенсацию и возможность поселиться в третьих странах, которые согласились бы их принять. Израиль тоже принял бы беженцев, однако только в количестве, «соответствующем его суверенному решению». В ответ палестинцы должны признать Израиль в его новых границах и закончить палестино-израильский конфликт. Израильские оккупационные силы будут выведены и заменены международным контингентом. Его армия останется в долине Иордана сроком на три года или менее, в зависимости от ситуации в регионе. Он сохранит три станции раннего предупреждения на Западном берегу, статус которых будет пересматриваться каждые 10 лет. В этих тезисах не все устраивало обе стороны; тем не менее Барак заявил 25 декабря 2000 г., что готов принять американские предложения безо всяких оговорок, если палестинцы сделают то же самое⁴⁰.

Однако Арафат и его сподвижники отвергли план Клинтона, вероятно, рассчитывая, что продолжающаяся интифада заставит Израиль пойти дальше предложений президента США. Сказалась и жесткая позиция ряда арабских государств, сузившая поле для политического маневра палестинцев. По-видимому, Арафат поболся пойти против набравших влияние экстремистов, в том числе из «Фатха». В любом случае отказ палестинской администрации принять американский план фактически означал продолжение кровопролития, похоронил возможность возобновления политического процесса и обеспечил приход к власти в Израиле Шарона. Продолжавшиеся контакты между палестинцами и израильянами практической пользы уже были лишены.

В феврале 2001 г. Шарон был избран премьер-министром Израиля, граждане которого жаждали «сильной руки» для обеспечения безопасности. Выбор боевого генерала, привыкшего не стесняться в средствах, был их естественной реакцией на опасность, с которой они столкнулись.

Новую интифаду отличали методы, самые доступные для палестинцев и одновременно наиболее болезненные для израильян, — индивидуальный террор. В Израиле гибель людей всегда воспринимается с огромной горечью. Здесь переплелись традиции, воспоминания о Холокосте, надежды на то, что в этой маленькой стране евреи наконец смогут зажить нормальной жизнью, реализовав свои национальные устремления. В Израиле, поддерживавшем демографический баланс главным образом за счет иммиграции, сложилось особое отношение к ценности человеческой жизни.

Шарон регулярно бросал все новые силы на подавление палестинского сопротивления, но взрывы продолжались по всему Израилю (а не только на контролируемых им палестинских землях), унося десятки жизней. Вопрос заключался не только в том, что регулярная армия не в состоянии эффективно бороться с террористами. Шахиды не нуждаются в особой инфраструктуре и используют примитивные методы — пояс или пакет со взрывчаткой, заминированная машина не требуют специальной военной подготовки. Гораздо важнее в данном случае процесс индоктринации молодежи, готовой пожертвовать жизнью ради политических целей. Особое внимание к ее соответствующей обработке проявляют исламские радикальные организации. При этом молодые люди широко вовлекаются в террористическую деятельность своим окружением. Групповые правила поведения, вы-

двигаемые ценности и методы их защиты не могут не восприниматься индивидуумом как обязательные, как определяющие его принадлежность к этой группе, вне которой его небогатая событиями и впечатлениями жизнь теряет смысл и остроту. Через готовность разделить эти групповые требования пролегает путь к быстрому социальному признанию, столь желанному для многих молодых людей.

Этническая мобилизация под радикальными исламскими лозунгами действительно придала интифаде особый, бескомпромиссный характер. Происходящие процессы были намного глубже и серьезнее, чем выбор новых методов сопротивления, — они свидетельствовали об изменении политического баланса сил и психологического настроения в палестинском обществе. Молодежь, которая сталкивалась исключительно с солдатами оккупационной армии, у которой не сложилось и не могло сложиться опыта позитивного взаимодействия с представителями другого народа, стала носителем слепой ненависти, той самой, которую пытались перебороть поколения палестинцев и израильтян, встречавшихся на неофициальном уровне, а с начала 1990-х годов и на официальных переговорах.

Национальное палестинское руководство оказалось в определенной мере дискредитированным. Коррупция, отсутствие профессионализма, разбалансированность процесса принятия решений привели к тому, что социальные проблемы были в значительной мере отданы на откуп исламистским организациям. Те собирали средства для палестинской бедноты, организовывали обучение молодежи и, естественно, осуществляли нужную им идеологическую обработку населения. В этих условиях политическая роль исламистских организаций, традиционно призывающих к джихаду против евреев, объективно возрастает. Если бы процесс урегулирования палестинской проблемы шел динамично и успешно, сопровождаясь улучшением благосостояния, то возможности для деструктивного влияния «Хамас» были бы сужены. В сложившихся условиях эта и подобные ей радикальные исламистские организации смогли канализировать протестные настроения в русло террора. За время интифады произошла героизация терроризма. Молодые активисты «Фатха» также не могли не подчиниться доминирующим групповым настроениям.

Сохраняющаяся напряженность вызывала все большую озабоченность в международном сообществе, в том числе и в арабском мире. Было очевидно, что палестинская проблема стала важным фактором радикализации «арабской улицы».

«Дорожная карта» и план одностороннего отделения

2 мая 2002 г. США совместно с Россией собрали четверку международных посредников (США, ООН, ЕС, Россия), наименованную «квartetом». 24 июня 2002 г. президент США Дж. Буш выдвинул собственные предложения; позже они были с уточнениями и изменениями одобрены членами «квartetа» и названы «дорожной картой». К этому времени стало ясно, что нужно расширить число посредников, которые будут не только содействовать контактам между двумя сторонами, но и вести разработку своего плана мирного урегулирования. Основной целью «дорожной карты» было создание независимого палестинского государства, а на пути к нему предусматривалось создание палестинского государства с временными границами.

Появление «дорожной карты» означало окончательное завершение процесса Осло. Израильско-палестинские переговоры и заключенные соглашения действительно не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они закончились не миром, а новым кровавым противостоянием. Процесс Осло не был «потерянным временем». Именно благодаря переговорам и взаимным контактам укоренилось признание необходимости создания палестинского государства.

Вместе с тем это признание не было равнозначно возможности начала серьезных переговоров между сторонами и подписания соответствующих соглашений. Арафат в контексте интифады перестал рассматриваться в Израиле как возможный партнер, а пришедший ему на смену Махмуд Аббас не обладал, как полагали в Израиле, достаточной полнотой власти, влиянием и возможностями резко ограничить деятельность исламистских радикалов.

6 июня 2004 г. израильский кабинет министров в целом одобрил план премьер-министра Шарона, предусматривавший односторонний уход израильтян из Газы и эвакуацию четырех поселений с Западного берега в 2005 г. В плане упоминались меры безопасности, которые предпримет Израиль, его намерение сотрудничать с иностранными специалистами, готовыми обеспечить подготовку палестинских сил безопасности, возможность рассмотрения в будущем строительства морского порта и аэропорта в Газе, благоприятное отношение к деятельности международных гуманитарных организаций. Во время разработки мероприятий было неясно, удастся ли А. Шарону претворить их в жизнь с учетом резкой критики плана

в блоке «Ликуд», а также широкого сопротивления эвакуации поселений в Израиле. Оно было обусловлено не только идейными соображениями правых и религиозных поселенцев, для которых право селиться на «исторических землях» не подвергается сомнениям, но и более прагматическими расчетами. Израильяне опасались, что односторонний уход может создать очередной прецедент для палестинских радикалов, убедить их в том, что под давлением Израиль можно заставить пойти на уступки. Кроме того, многие полагали, что Израилю нельзя оставлять в полосе Газы крайне нестабильный и все больше радикализирующийся палестинский анклав. Такого рода опасения разделяло и правительство, санкционировавшее мощные удары по руководству палестинских радикальных организаций, местам складирования и производства оружия.

Программа одностороннего отделения от палестинцев предусматривала до конца 2005 г. эвакуацию восьми тысяч поселенцев из сектора Газа и нескольких сот жителей четырех поселений, находящихся на севере Западного берега. Предполагалось, что каждая семья получит от 150 до 400 тыс. долл. для того, чтобы иметь возможность купить жилье такого же качества в пределах зеленой линии или в остающихся поселениях на Западном берегу реки Иордан.

Стратегия «отделения» включала, помимо эвакуации поселений, строительство защитной стены, вызвавшее немало споров относительно намерений израильских руководителей очертить новые границы. Кроме того, принимались меры по дальнейшему снижению зависимости Израиля от рабочей силы с Западного берега и из сектора Газа. В августе 2005 г. поселенцы были вынуждены покинуть Газу и север Западного берега, и эвакуация, которая морально и политически крайне тяжело далась израильскому обществу, была завершена.

«Одностороннее отделение» обозначило новый этап трансформации конфликта. С одной стороны, это признание реалий, а именно невозможности для Израиля контролировать огромное палестинское население, ни с демографической точки зрения, грозящей потерей еврейского характера государства, ни с политической (перспектива утраты демократических ценностей). С другой стороны, выбранный А. Шароном вариант был одновременно отражением его глубоких сомнений в том, что на нынешнем этапе возможно вести серьезные и результативные переговоры с палестинцами. Неспособность палестинских властей обуздать радикалов обусловила стремление Шарона перегруппировать силы, отгородиться от части палестинских терри-

торий и усилить тем самым безопасность Израиля и его граждан доступными средствами.

План Шарона получил новое развитие при премьер-министре Эхуде Ольмерте, который на базе идеи одностороннего отделения, не предусматривавшей подписания соглашения с палестинцами, выстроил собственные предложения, пойдя гораздо дальше Шарона. Ольмерт настаивал на соглашении с палестинцами об окончательном урегулировании, при котором Израиль аннексирует 6,3% территории Западного берега, где проживает 75% поселенцев, в обмен на 5,8% израильской территории, а также коридор, связывающий Хеврон и Газу по шоссе, принадлежащему Израилю, где, однако, не будет израильского присутствия. Этот план, разработанный в 2008 г. и переданный Аббасу, так и остался в виде карты с новыми границами⁴¹. В отсутствие согласованных действий «квартета» это было неудивительно.

«Хамас»: испытание ответственностью

Победа исламистского движения «Хамас» на выборах в палестинский парламент в конце января 2006 г. открыла новый этап в развитии ситуации на Ближнем Востоке. К власти в наиболее секулярном арабском обществе пришла организация, ставящая своей целью не только продолжение войны с Израилем до победного конца, но и исламизацию этого общества. «Хамас» является, по мнению ряда исследователей, исламистским, национальным и социальным движением, органично совмещающая все три направления деятельности. Ему удалось в отсутствие государства создать определенную инфраструктуру, особенно в сфере образования, занятости, здравоохранения. Многолетние усилия «Хамас» на этом направлении дали свой результат и, конечно, обеспечили этой организации массовую поддержку палестинского населения. Победа «Хамас» в наиболее секулярном арабском обществе объяснялась и спецификой современного исламизма, который не является по сути антимодернистским. «Хамас», равно как и многие другие исламистские организации по всему миру, является порождением современности. Лидеры исламистских движений на Ближнем Востоке имеют практически тот же социальный профиль, что и те, кто поколением ранее агитировал за баасизм, насеризм и арабский социализм.

По мнению американского исследователя Гленна Робинсона, «он опирается главным образом на городское население; его возглавля-

ют кадры, получившие образование на Западе, при очень незначительной роли духовенства, и он легко использует современные технологии для продвижения своего дела»⁴². «Хамас» и сходные с ней организации эффективно замещают государство на общинном уровне, обеспечивая военное сопротивление и выполняя социальные функции.

Светские власти оказались дискредитированными. Слабое, коррумпированное руководство, не способное представить населению четкой стратегии решения национальных задач, не смогло ничего противопоставить исламистам. Для многих именно «Хамас» символизирует ответственность за судьбу палестинского народа, дисциплину и честность. Хамасовцы, в отличие от сторонников «Исламского джихада», воспринимаются не как наемники и бандиты, а как свои люди, для которых проблемы создания социально справедливого общества стоят на первом плане.

«Хамас», лидеры которого позиционировали организацию как принципиального борца с Израилем, не склонного идти на компромиссы и не признающего существования этого государства, всегда были против переговоров с Израилем, не признавали соглашений, заключенных палестинским руководством в ходе процесса Осло, и готовы были лишь соблюдать долгосрочное перемирие (худна). Эта позиция обеспечивала «Хамас» внешнюю поддержку (Сирия, Иран, исламские фонды и организации) и помогала консолидировать общество в секторе Газа (впрочем, это удавалось все с большим трудом с учетом социально-экономических результатов блокады).

В тактическом отношении его приход, казалось, мало что изменил. Переговорный процесс был и так заморожен. С точки зрения израильских руководителей, у палестинцев не было лидеров, с которыми они были бы согласны вести переговоры. Все помнят, как отвергались любые переговоры с Арафатом во время интифады Аль-Акса. Логика отказа сводилась к следующему: либо он сам стоит за террористическими действиями и тогда с ним не о чем говорить, либо он не может добиться их прекращения и в этом случае говорить с ним бесполезно. Казалось, что избрание на пост главы палестинской администрации Махмуда Аббаса, умеренного и разумного политика, участвовавшего в переговорах с израильтянами еще в рамках процесса Осло (начало 1990-х годов), в корне меняло ситуацию и давало возможность разморозить мирный процесс. Ничуть не бывало — премьер-министр А. Шарон заявил, что Махмуд Аббас не сможет обеспечить выполнения эвентуальных соглашений, из чего следовало,

что и с ним бесполезно вести переговоры. В конечном итоге был взят курс на односторонние действия — односторонний уход с густонаселенных территорий Газы и части Западного берега, удержание которых грозило для Израиля изменением этнодемографического баланса и эрозией демократической системы. Для борьбы с терроризмом была возведена защитная стена, а по лидерам группировок, прибегавшим к террористическим методам, наносились постоянные удары.

Односторонние действия Израиля не во всем устраивали международных посредников — США, Россию, ЕС, ООН, — которые еще в 2002 г. разработали и предложили «дорожную карту», т.е. рамочный план движения к созданию палестинского государства. Односторонние действия Израиля можно было трактовать как действия, вписывающиеся в «дорожную карту», предусматривающую израильский уход с оккупированных территорий или как противоречащие ей, поскольку переговоры не велись и соглашения не подписывались. Более того, уход из Газы и некоторых поселений Западного берега создавал иллюзию постепенного урегулирования собственными израильскими силами. Если уход из Газы и создавал у израильских руководителей определенные иллюзии, он был очень прагматично воспринят лидерами «Хамас», которые без труда доказали своим избирателям, что без организованного ими давления на Израиль, в том числе и террористических действий на израильской территории, никакой уход не имел бы места. «Хамас» мог рассматриваться как победитель в ситуации, когда политический процесс находился в тупике и не давал результатов. «Четыре года борьбы дали больше, чем десять лет переговоров» — вот с какими лозунгами начали хамасовцы свой победный парламентский марафон.

Итак, приход «Хамас» исключил на неопределенное время возможность переговоров. Но одновременно «Хамас» стал соблюдать перемирие. Число террористических вылазок и обстрелов резко пошло на спад. «Хамас» предпочел бы сохранять перемирие ради консолидации своих позиций и не давать Израилю оснований для новых ударов по территориям в условиях, когда эти удары будут восприняты международным сообществом с пониманием. На практике этого не получалось. Ракеты «Кассам» летели в сторону израильских городов, Израиль отвечал ударами, и заколдованный круг сохранялся.

Очевидно, политику «Хамас» при всей важности ближневосточного урегулирования нельзя сводить только к готовности или неготовности к переговорам. Неменьшего внимания наблюдателей за-

служивает общая ситуация в палестинском обществе, внутреннее соперничество, перспективы реисламизации, социальные проблемы, безопасность.

Стагнация или политический провал?

Процесс урегулирования ближневосточного конфликта трансформировался в 2010–2014 годах от попыток возобновить палестино-израильские переговоры на условиях замораживания строительства израильских поселений до тупика, приведшего к обращению палестинской администрации в ООН и предоставлению Палестине статуса государства-наблюдателя.

Можно напомнить, что после прихода в Белый дом Б. Обамы другие участники «квартета» фактически признали ведущую, едва ли не монопольную роль США в ближневосточном урегулировании. В наборе внешнеполитических задач демократической администрации одной из ключевых была задача улучшения отношений с мусульманским миром. Ввод американских войск в Афганистан и их затянувшееся пребывание в этой стране, накапливающиеся проблемы Пакистана, война в Ираке, сложные отношения с Ираном, все большее разочарование арабских союзников США в связи с неудачей американского посредничества в ближневосточном конфликте — все это в комплексе породило недоверие и даже враждебность к США со стороны населения исламского ареала, который политика Буша затронула непосредственно. В то же время было очевидно, что местные элиты по-прежнему рассчитывали на американское посредничество, признавали ведущую роль США по встраиванию арабского мира в глобальную экономику.

Первым шагом Б. Обамы в направлении улучшения имиджа США в мусульманском мире стала его речь в Каире 4 июня 2009 г. В ней президент подчеркнул, что у США и последователей ислама нет и не может быть разногласий. Особое значение с точки зрения урегулирования имели те разделы речи, где говорилось о необходимости решения палестинской проблемы на основе принципа двух государств («Можно не сомневаться: положение палестинского народа нетерпимо. И Америка не повернется спиной к законным палестинским чаяниям — стремлению к достойной жизни, шансам на успех и к собственному государству») и о готовности США активно работать на этом направлении. Американский президент вновь со всей опреде-

ленностью выступил против строительства поселений на оккупированных территориях: «Мы также не признаем и легитимности продолжающегося процесса расширения израильских поселений»⁴³.

Попытки США добиться замораживания строительства поселений не были реализованы в полном объеме, а переговорный процесс фактически так и не был восстановлен как по объективным, так и по субъективным причинам. В сложившихся условиях стало наблюдаться некоторое расхождение позиций участников ближневосточного «Квартета». У Евросоюза сформировался свой подход к отдельным аспектам урегулирования.

Россия была готова поддержать линию на консолидацию политических усилий палестинцев, которая могла обеспечить для них более сильные позиции на переговорах. С точки зрения Москвы требовались достаточно активные действия в этом направлении с учетом перспективы революционных изменений в палестинском обществе. В нем присутствуют четко выраженные векторы напряженности и нынешние официальные лидеры нередко воспринимаются более нетерпеливой молодой частью электората как политически устаревшие и недостаточно легитимные. Поискам урегулирования мешал сохранявшийся идейно-политический раскол между исламистской организацией «Хамас» и «Фатхом», контролировавшим палестинскую национальную власть на Западном берегу.

Попытки примирить две враждующие палестинские организации предпринимались Саудовской Аравией, Египтом, но либо не привели к результатам, либо достигнутые соглашения продолжали пробуксовывать. Наблюдатели полагали, что жесткие подходы, соответствующие идеологии «Хамас», просто не позволят лидерам организации занять позицию, которая хотя бы косвенно могла свидетельствовать о готовности если не вести переговоры с Израилем, то, по крайней мере, не предпринимать усилий по их торпедированию.

Россия со своей стороны содействовала процессу национального примирения, воспользовавшись определенными преимуществами, позволяющими ей принять более активное участие в налаживании политического процесса. К этим преимуществам относится то, что Россия имеет хорошие отношения как с арабами, так и с Израилем.

Возможности России далеко не безграничны, тем не менее наметилась линия на расширение ее участия в урегулировании. Визит президента Медведева на Западный берег и в Иорданию в январе 2011 г., визит президента Путина в июне 2012 г. в Израиль, Палес-

тину и Иорданию эксперты расценивали как миротворческий. Высокий уровень визита свидетельствовал о том внимании, которое российское руководство уделяет ближневосточному конфликту. В то же время, учитывая сложность ближневосточных проблем, жесткость позиций конфликтующих сторон, их нежелание идти на уступки, визиты на высоком уровне не гарантируют прорыва и могут вызвать разочарование у тех, кто возлагает на них слишком большие надежды. Это неоднократно демонстрировали и президенты США, более плотно и непосредственно, чем высшее руководство РФ, занимавшиеся ближневосточным урегулированием.

РФ, несмотря на критику со стороны Израиля и некоторых западных государств, поддерживала связи с движением «Хамас», которое не считается в России террористическим. Российское руководство, осуждая террористические методы, еще больше затрудняющие поиски решения и дискредитирующие саму организацию, все же считало необходимым сохранять контакты с «Хамас». Неоднократно встречался с председателем политбюро «Хамас» Халедом Машаалем министр иностранных дел РФ С. В. Лавров. Это позволило 21–22 мая 2011 г. организовать под Москвой встречу представителей «Хамас» и «Фатха» для обсуждения насущных проблем примирения и выработки его общих принципов. Руководители четырех палестинских партий и движений, включая НФОП и ДФОП, приехали в Россию по приглашению Института востоковедения РАН. Большую помощь в организации оказал Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования. Это был редкий для России случай, когда к урегулированию были привлечены ученые и члены общественной организации.

Понятно, что руководством «Хамас» движут не столько идеологические, сколько прагматические соображения, прежде всего борьба за власть в палестинском движении. Именно прагматизм имеет своим результатом определенную эволюцию движения. 23 апреля 2014 г. «Фатх» и «Хамас» подписали в Газе соглашение о создании правительства национального единства. Такое техническое правительство было призвано положить конец расколу, длившемуся более 7 лет. В 2007 г. после победы на выборах началась резня, и хамасовцы вытеснили фатховцев из Газы. После того как на «Братьев-мусульман» и на «Хамас» был наложен запрет египетскими властями, позиции «Хамас» ослабли, и будущее стало представляться ее лидерам в мрачных тонах. Видимо, они смягчили позиции, что сделало примирение возможным. МИД России заверил, что «продолжит

оказывать палестинцам в рамках имеющихся у нас возможностей содействие в достижении подлинного национального единства»⁴⁴.

Для палестинцев преодоление тяжелого территориального (Газа — Западный берег) и идейно-политического раскола могло бы стать важным достижением. Наличие единого руководства позволяет проводить более ответственную внешнюю политику, принимать решения, которые не будут срываться, поскольку за ними стоит консолидированная позиция. Единство способно укрепить позиции палестинцев на переговорах с Израилем. Международное сообщество по-разному трактовало соглашение между «Хамас» и «Фатхом». Высказывались опасения, что позиция палестинцев будет ужесточаться, что хамасовцы будут навязывать всему палестинскому руководству более радикальную линию. Очевидно, Махмуд Аббас впервые сделал резкое заявление с осуждением Холокоста для того, чтобы разрушить эти опасения, показать, что они безосновательны.

Вопрос об укреплении позиций остро стоял не только перед «Хамас», но и перед палестинской администрацией. С одной стороны, готовность идти на серьезные компромиссы у израильских лидеров была невелика. С другой — палестинскому руководству было все сложнее довольствоваться очередными промежуточными мерами — нарастала его критика в палестинском сообществе, особенно среди молодежи, не видящей перспектив. 29 ноября 2012 г. руководство Палестинской администрации обратилось в ООН с просьбой о признании ею независимого палестинского государства в границах 1967 г., и этот статус был предоставлен. Процесс интеграции Палестины в международные структуры был продолжен. В апреле 2014 г. Израиль даже ввел санкции против Палестины в ответ на ее обращение в ООН с просьбой о присоединении к полутора десяткам международных договоров на правах государства. Данную заявку власти еврейского государства объявили нарушением договоренностей о перезапуске региональных мирных переговоров и возвращением к односторонним методам обретения независимости.

Для России проблем с признанием Государства Палестина не существовало — СССР, правопреемницей которого она является, признал независимость палестинского государства еще в 1988 г., когда ее провозгласил Национальный совет Палестины. Вместе с тем перед европейскими государствами встала проблема выбора. К признанию Палестины их подталкивали как необходимость нахождения общего языка с новыми режимами в арабских странах, так и вызывающий

все большее беспокойство внутренних мусульманский фактор. Подверженность живущих в Европе мусульман радикальным идеям была неоднократно продемонстрирована. Не случайно, что в ответ на решение Израиля о строительстве 3000 единиц жилья в Иерусалиме и за так называемой зеленой линией, в зоне Е, находящейся под наблюдением международного сообщества, Великобритания и Франция пригрозили отозвать своих послов из Израиля⁴⁵.

В сложное положение были поставлены и США. Вашингтон, категорически отказавшийся поддержать заявку палестинской администрации в ООН, тем не менее не мог игнорировать антиамериканские настроения в арабских государствах, вылившиеся даже в зверское убийство американского посла в Ливии. Не могла администрация отойти и от заявленной позиции неприятия строительства израильских поселений. В условиях получения палестинцами нового статуса Израиль был еще менее склонен идти на компромиссы. Одним из препятствий к переговорам было выдвинутое им требование признания еврейского характера государства, которое трактовалось ПА как отказ от принципа возвращения беженцев. «Квартет» столкнулся с новыми вызовами, когда под влиянием обстоятельств позиции входящих в него членов менялись и становились менее консолидированными.

У РФ есть собственные направления сотрудничества с участниками конфликта. Новым элементом стал курс на расширение экономических связей с палестинцами. В 2014 г. планировалось создать рабочую группу высокого уровня, которая займется экономическими вопросами. Газпром рассматривал целесообразность освоения газовых месторождений на средиземноморском шельфе сектора Газа, российский бизнес был готов участвовать в строительстве ТЭС на Западном берегу реки Иордан, имелись планы по разработке нефтяного месторождения в пригороде Рамаллы. Московские коммерческие структуры прорабатывали возможность закупок крупных партий овощей и фруктов и строительства завода в Палестине по производству консервов⁴⁶.

Если сравнивать влияние ближневосточного конфликта и «арабской весны» на безопасность России, то нестабильность и стратегическая неопределенность, порожденные событиями в арабском мире, все же представляют собой на нынешнем этапе куда более серьезный вызов, чем неурегулированность палестинской проблемы, что, однако, не означает возможности снижения внимания к конфликту. Это нашло подтверждение в ходе нового раунда военного

противостояния на Ближнем Востоке в июле 2014 г. В ответ на похищение и убийство палестинскими радикалами израильских подростков, Израиль начал операцию «Несокрушимая скала» с целью уничтожения военной инфраструктуры «Хамас» и других исламистских организаций в Газе, осуществлявших мощные обстрелы израильской территории. Реакция Москвы на эти события отражала как ее критику жестких мер Израиля в ходе операции в Газе, так и неприятие действий «Хамас». Министр иностранных дел С. В. Лавров отметил осознание Москвой серьезности для Израиля проблемы ракетных обстрелов из Газы, но сказал, что важно «не допустить раскручивания спирали насилия по типу “око за око, зуб за зуб”»⁴⁷. Участие РФ в международных структурах, занимающихся урегулированием, всегда играло для нее позитивную роль, оставляя важные каналы сотрудничества в условиях нараставших противоречий по другим региональным и нерегиональным вопросам. Однако напряженные отношения с США и ЕС, ставшие результатом кризиса вокруг Украины и присоединения к России Крыма и Севастополя, способны затормозить сотрудничество на ближневосточном направлении, но объективная потребность в нем сохранится.

¹ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. М.: Международные отношения, 1968. С. 160.

² Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. С. 22.

³ Arab League Summit: «Beiruth Declartion» (March 28, 2002) // The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East Conflict. Seventh Revised and Updated Edition / W. Laqueur and B. Rubin (eds). N.Y.: Penguin Books, 2008, Kindle e-books, Loc. 12968—12981.

⁴ Horowitz Donald L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1985; Gurr Ted Robert, with contributions by Barbara Harff, Monty G. Marshall, and James R Scaritt. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington: United States Institute of Peace Press, 1993; Central Asia and Transcaucasia. Ethnicity and Conflict / Ed. by Vitaly V. Naumkin. Westport; Connecticut: Greenwood Press, 1994.

⁵ Burton John. Conflict: Resolution and Provention. L.: The Macmillan Press Ltd., 1990. P. 37.

⁶ Horowitz Donald L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1985. P. 227.

⁷ Документы Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/peace/palestine/docs/ares181.pdf>.

⁸ *Shlaim Avi*. The Politics of Partition. King Abdulla, The Zionists and Palestine 1921–1951. Oxford: Oxford University Press. 1990. P. 395, 417.

⁹ Цит. по: *Shlaim Avi*. The Iron Wall. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2000. P. 259.

¹⁰ United Nations Security Council, “UNSC Resolution 242” // The Avalon Project at Yale Law School. Date of Access: 22 November 2006. URL: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/un/un242.htm>.

¹¹ АВП СССР. См.: СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы. М., 1989. С. 70–72.

¹² An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict. P. 493–495.

¹³ *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 332.

¹⁴ *Carter J.* Keeping Faith. Memoirs of a President. N.Y., 1982. P. 277.

¹⁵ Israel—U.S. Working Paper on The Geneva Conference, 5 October 1977 // Israel’s Foreign Relations. 1981. Vol. 4. P. 135.

¹⁶ *Бакланов А. Г.* Ближневосточная система безопасности: упущенные возможности // Ближний Восток, «арабское пробуждение» и Россия: что дальше?: Сб. статей / Отв. ред-ры В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики ИСАА МГУ им. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 91–107.

¹⁷ Резолюция 425. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.un.org/russian/document/scresol/1978/res425.pdf.

¹⁸ *Saunders Harold H.* A Public Peace Process N.Y.: St. Martin’s Press, 1999. P. xxi.

¹⁹ *Shlaim Avi*. The Iron Wall. P. 500.

²⁰ *Savir Uri*. The Process. 1000 Days That Changed the Middle East. An Insider’s Account of the Israeli-Palestinian Peace Accords by Israel’s Chief Negotiator. N.Y.: Vintage Books, 1988. P. 5.

²¹ *Corbin Jane*. Gaza First. The Secret Norway Channel to Peace Between Israel and the PLO. L.: Bloomsbury, 1994. P. 20–21, 27–28.

²² *Shlaim Avi*. Op. cit. P. 509–510.

²³ *Аббас Махмуд*. Путь к Осло М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. С. 216–225; *Savir Uri*. Op. cit. P. 65–67.

²⁴ The Palestinian-Israeli Peace Agreement: A Documentary Record. Washington: Institute for Palestine Studies, 1994. P. 268–282.

²⁵ *Bickerton Ian J., Klausner Carla L.* A Concise History of the Arab-Israeli Conflict. Upper Saddle River. N.J.: Prentice Hall, 1998. P. 273–274.

²⁶ Ibid. P. 302–303.

²⁷ *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. С. 288–289.

²⁸ 14-й кнессет — это был первый кнессет, в котором параллельно выборам в кнессет прошли прямые выборы на пост премьер-министра. Новая система выборов должна была увеличить влияние главы правительства относительно кнессета. Однако эта система привела к заметному ослаблению двух больших

партий («Авода» и «Ликуд»). На арене кнессета появились несколько средних по своим размерам партий (от 7 до 10 парламентских мест). Тот факт, что партия «Ликуд» насчитывала лишь 32 мандата, что намного меньше, чем партии предыдущих премьер-министров, несколько не способствовал достижению политической стабильности. Кнессет 14-го созыва был последним кнессетом, в котором партии «Ликуд» и «Авода» вместе обладали парламентским большинством. — Кнессет четырнадцатого созыва. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knesset.gov.il/review/>.

²⁹ Цит. по: *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. С. 295.

³⁰ *Kreutz A.* Op. cit. P. 21.

³¹ *Демченко А. В.* Роль России в урегулировании палестино-израильского конфликта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/rol_rossii_v_uregulirovanii_palestino-izraelskogo_konflikta_2011-09-02.htm.

³² *Bickerton Ian J., Klausner Carla L.* Op. cit. P. 303–305, 312–314.

³³ *Shlaim Avi.* Op. cit. P. 581–582.

³⁴ *Ibid.* P. 583.

³⁵ Israel Ministry of Foreign Affairs Website: Guide to the Peace Process. URL: <http://www.mfa.gov.il>.

³⁶ Israel Ministry of Foreign Affairs Website: Guide to the Peace Process; Palestine Liberation Organization Negotiation Affairs Department Website. URL: <http://www.nad.gov.ps>.

³⁷ Palestine National Authority Website. URL: <http://www.pna.org>.

³⁸ *Lalor Paul.* Appendix 2C. The Palestinian-Israeli peace process in 2000 // SIPRI Yearbook 2001, N.Y: Oxford University Press, 2001. P. 167.

³⁹ *Примаков Е. М.* Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002. С. 66–67.

⁴⁰ *Lalor Paul.* Op. cit. P. 172.

⁴¹ Haaretzexclusive: Olmert's plan for peace with the Palestinians. Dec. 17, 2009. URL: <http://www.haaretz.com/print-edition/news/haaretz-exclusive-olmert-s-plan-for-peace-with-the-palestinians-1.1970>.

⁴² *Robinson Glenn E.* Hamas as Social Movement // Islamic Activism. A Social Movement Theory Approach / Quintan Wiktorowitz (ed.). Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004. P. 117.

⁴³ Text: Obama's Speech in Cairo // The New York Times. 04.06.2009.

⁴⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunar-odnaya-panorama/1142117>.

⁴⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zman.com/news/2012/12/03/140200.html>; РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20121202/913131542.html#ixzz2HD2ryUhu>.

⁴⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunar-odnaya-panorama/1142117>.

⁴⁷ ИТАР-ТАСС. 2014. 18 июля.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Политика России в конфликтах на Ближнем Востоке является важнейшей составляющей ее общего курса в регионе. Она серьезно эволюционировала за годы существования РФ — от отказа от прежних позиций и обязательств к осмысленным попыткам возвращения в регион и закрепления там российских позиций. Ближневосточные сюжеты (ядерная программа Ирана, вопросы урегулирования ситуации в Сирии) оставляли простор для сотрудничества РФ с США даже в период наиболее острых разногласий и серьезного кризиса в отношениях. Такое сотрудничество не являлось необратимым и под влиянием политической конъюнктуры всегда могло быть свернуто, но имеющийся опыт и сохраняющийся взаимный интерес могут быть востребованы как на остром этапе кризиса, так и в более спокойные времена.

Ближний Восток нельзя считать основным полем соперничества России с США и ЕС, которое после украинских событий стало заметной составляющей глобальных международных отношений. Вместе с тем связывать обострение отношений с Западом только с «майданной революцией» и ее последствиями нет оснований. Внешнее вмешательство в дела Ливии и Сирии, несмотря на удаленность этих государств от России и значительно меньшую их значимость на шкале ее внешнеполитических приоритетов, стало триггером роста недоверия и недовольства, очередной раз продемонстрировав готовность Запада играть не по правилам, поставив целью свержение режимов, а не декларируемое продвижение демократии. Можно возразить, что продвижение демократии невозможно при сохранении диктаторов, но идущие в охваченных потрясениями арабских государствах процессы, несмотря на уход прежних лидеров, так же далеки от демократии, как и раньше. К такому выводу в России пришли задолго до «арабского пробуждения», еще во время внутривосточного «переформатирования» в Ираке.

Свержение Саддама Хусейна и устранение диктатуры, действительно причинившей иракскому народу огромные страдания, тем не менее не сделали ситуацию в Ираке достаточно управляемой, что-

бы обеспечить безопасность граждан после вывода американских войск. Судя по всему, такая же судьба (а может быть, и гораздо худшая в связи со слабой государственностью) ждет Афганистан после вывода войск союзников. Однако если использование военной силы против Ирака в 1991 г. было мотивировано его агрессией против Кувейта, а операция «Несокрушимая свобода» в Афганистане отражала борьбу с международным терроризмом, то внешняя поддержка сирийской оппозиции, включающей в себя силы тех же джихадистов и террористов, представлялась неоправданной, даже в условиях, когда режим Асада жестко и жестоко отстаивал возможность своего сохранения.

Разногласия между Россией и Западом по ближневосточным сюжетам все больше выходили за рамки несовпадений видения региональной ситуации. Они стали маркером более существенных противоречий, касающихся места и роли РФ на мировой арене, наличия у всех участников международных отношений «двойных стандартов» при определении национальных интересов и средств по их защите. Реабилитация военной силы и внешнего давления на местные режимы ограничивала возможности РФ по обеспечению собственных интересов, могла привести к маргинализации ее политики, которая сводилась бы лишь к вынужденному принятию результатов чужой для нее игры.

Конфликты на Ближнем Востоке помогли не только выявить новые линии напряженности в мировой политике, но и смикшировать их за счет совместных действий в сирийском конфликте, в ближневосточном конфликте. Именно иракский конфликт 1990–1991 годов поставил точку в «холодной войне», показав возможности сходного со стороны СССР и США восприятия происходящих событий и отношения к мерам реагирования на них. В настоящее время все чаще приходится слышать, что «холодная война» так и не закончилась и достаточно резкое обострение международных отношений является тому свидетельством. На самом деле «холодная война» завершилась вместе с распадом одного из ее главных участников — СССР. При этом сохранилась инерция давления на Россию, которая все еще воспринималась как соперник, несмотря на то что она уже не обладала глобальными возможностями СССР и проводила политику, в корне отличавшуюся от советской. Если в относительно менее значимых ситуациях, не затрагивающих жизненные интересы РФ,

с демонстрацией превосходства оппонентов она могла хоть и с трудом, но мириться, то на жизненно важном для нее постсоветском пространстве ситуация не могла не быть иной. К сожалению, западные государства, исходившие из того, что руководство отдельных постсоветских республик настолько свободно в своем внешнеполитическом выборе, что может создавать новые угрозы для РФ, совершили принципиальную ошибку. Мир после «холодной войны» был по-прежнему разделен красными линиями на сферы влияния, пересечение которых воспринималось как посягательство на суверенитет и ценностные установки.

Если типологизировать рассмотренные в данной книге конфликтные ситуации по степени их влияния на Россию и ее воздействия на события, то можно прийти к следующим выводам.

1. В период операции «Буря в пустыне» СССР обладал высоким влиянием на события, поскольку теоретически имел возможность отнестись к ним в духе привычного соперничества с США и поддержать Хусейна в пику усилиям американцев и их союзников. Этого, как известно, не произошло, но стремление администрации в Вашингтоне заручиться советской поддержкой и избежать ситуации, при которой Москва выступила бы как спойлер, было очень велико. Одновременно и иракский конфликт оказал принципиальное влияние на расстановку внутривосточных сил в СССР, закрепив курс на сближение с Западом.
2. Во время операции «Иракская свобода» в 2003 г. возможности РФ влиять на ситуацию были меньше, но игнорировать позицию РФ было нельзя потому, что она была подкреплена расколом в рядах союзников по вопросу военного вмешательства. Американцам пришлось создать коалицию и обойтись без мандата ООН.
3. Переформатирование региональной системы международных отношений в результате арабских революций породило новые вызовы для России, связанные в том числе с ухудшением отношений с США и другими западными державами. Россия практически не могла влиять на развитие ситуации в Египте и Тунисе, а также в Ливии, особенно после начала операции НАТО. Появилась тенденция превращения интервенциона-

лизма в универсальное средство, используемое Западом для свержения неугодных режимов под предлогом продвижения трансформации. Гражданская война в Сирии все больше напоминала «игру с нулевой суммой», во всяком случае до тех пор, пока США и РФ не нашли компромисса по вопросу об уничтожении химического оружия в Сирии.

В целом степень влияния «арабского пробуждения» на Россию была существенной. *Во-первых*, для России процессы смены режимов, сопровождающиеся пересмотром их внешнеполитических ориентиров, могут вызвать в отдельных случаях сложности при налаживании отношений с новыми правителями. Хотя в конечном итоге они сами будут заинтересованы в диверсификации связей, тем не менее в ряде государств РФ будет сложно восстановить весь комплекс военно-политических и экономических связей.

Во-вторых, цели ряда арабских государств Залива по «суннитизации» арабского мира не могут не приходиться в противоречие с российской позицией по Сирии и Ирану, естественно не связанной для нее с конфессиональным фактором, но ставшей составным элементом ее общей региональной стратегии.

В-третьих, для РФ существует потенциальная угроза в связи с резкой активизацией «джихадистов» на Ближнем Востоке и обогнавшимися перспективами роста радикального внешнего влияния исламистов на ситуацию в российских регионах с преобладающим мусульманским населением, а также и в Центральной Азии. Рост радикализма приводит в том числе и к укреплению террористических организаций, которые получают поддержку от своих суннитских братьев по вере.

В отличие от «арабской весны», поставившей перед российской политикой новые вызовы, ситуация в зоне палестино-израильского конфликта представляется более рутинной (несмотря на происходящие изменения) и в большей степени способна обеспечивать российскую кооперацию с другими внешними силами.

Политика России на Арабском Востоке в рассматриваемый период разрабатывалась и реализовывалась под воздействием многочисленных внутренних и внешних вызовов и при быстрой смене политических и военных событий в регионе. Несмотря на непрестанно возникающие жесткие обстоятельства, она могла рассматриваться

как достигающая определенных целей, хотя весь процесс протекал в экстремальных условиях, в жестком противоборстве с противостоящими точками зрения и с отнюдь не всегда гарантированным выигрышным результатом. Подходы РФ к многочисленным и разнообразным конфликтам в этой взрывоопасной части мира отличались последовательностью, что нередко помогало предотвратить худшие сценарии их развития.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббас, Махмуд 179, 181

Абдалла, король Трансиордании
143

Абдалла II, король Иордании 172

Азиз, Тарик 35

Аксененок А. Г. 14, 94

Алекперов, Вагит 57

Альфер, Йосси 127

Амер, Абдель Хаким 62

Аннан, Кофи 55, 99

Андропов, Ю.В. 121

Арафат, Ясир 41, 162, 170, 174, 177,
179

Арендт, Ханна 11

Аренс, Моше 3, 44, 123

Асад, Башар 25, 92, 95

Асад, Хафез 25, 167

Ашрауи, Ханан 155

аль-Бакр, Ахмед Хасан 35

Барак, Эхуд 172, 174, 176

Басаев Ш. 25

Бегин, Менахем 122, 154

Бейкер Дж. 37, 44, 155

Бейлин, Йосси 163

Белокреницкий В. Я. 14

Белоногов А. М. 38

Бен Али 67, 89

Бен Гурион, Давид 63

Бердяев Н. А. 60

Бернс, Уильям 99

Бовин А. Е. 121, 124

Богданов М. Л. 99

Брахими, Лахдар 99

Буазизи, Мохаммед 67

Буш Дж. 38, 42, 161, 179

Буш-младший Дж. 48, 51, 76

Васильев А. М. 121, 151

Вышинский А. Я. 118, 135

Ганнуши, Рашид 69

Гарфинкль, Адам 5

Герцог, Хаим 124

Горбачев М. С. 37

Грачев, Павел 117

Громыко А. А. 120

Даян, Моше 145, 154

Джибриль, Махмуд 90

Ельцин Б. Н. 168

Жаботинский, Зеев 168

Звягельская, Ирина 203

Зинни, Энтони 38

Зинькина Ю. В. 70

Иври, Давид 44

Игнатенко, Александр 106

Исаев Л. М. 70

Шамир, Ицхак 44, 156, 123

Ищенко Р. 95

Каддафи, Муамар 42, 68, 86, 88

Караганов, Сергей 98

Карасова Т. А. 14, 203

Картер Дж. 152, 154

Кац, Марк 14, 204
Клинтон Б. 171, 173, 175
Клинтон, Хиллари 97, 161
Корбин Дж. 164
Кортаев А. В. 70
Котов Ю. В. 122
Крашенинникова, Вероника 79
Крейц, Андрей 21
Кудрин, Алексей 57
Кузнецов В. А. 69
Кургинян, Сергей 78
Куреи, Ахмед (Абу Ала) 163

Лавров С. В. 99
Ларсен, Терье 163
Лахад, Антуан 158
Левин, Арье 123, 124
Липкин-Шахак, Амнон 35

Макаров Д. В. 4, 29, 201
Макмагон, Генри 34
Максимов М. А. 118
Малашенко А. В. 103
Маликов, Кадыр 116
Малышева Д. Б. 14
Манойло А. В. 77
Мартиросов, Георгий 123
Медведев Д. А. 75, 92, 132
Молотов В. М. 118
Мохи-эд Дин, Закария 62
Мубарак, Гамаль 72, 76, 88, 138
Мубарак, Хосни 38, 64, 70, 172
Мурси, Мохаммед 72, 87, 109

Нагиб, Мохаммед 62
Наджибулла, Мохаммед 46
Насер, Гамаль Абдель 62, 145
Наумкин В. В. 7, 101
Нетаньяху, Биньямин 165
Нетаньяху, Ионатан 168
Носенко Т. В. 14

Обама Б. 6, 57, 76, 95, 100, 126, 184
Олбрайт М. 172
Ольмерт, Эхуд 172, 181

Пан Ги Мун 98
Перес, Шимон 162, 169
Посавалюк, Виктор 169
Примаков Е. М. 19, 42, 121, 167, 175
Путин В. В. 49, 80, 92, 134

Рабин, Ицхак 144, 162–166
Ражбандинов М. З. 64
Робинсон, Гленн 181
Романов, Сергей Александрович 127
Росс, Дэнис 38, 43
Рубцов, Александр 10, 14

ас-Сабах, Джабер 35
Савир, Ури 163
Садат, Анвар 23, 62, 154
Салех, Али Абдалла 68
Салтыков-Щедрин М. Е. 30
Сондерс, Гарольд 162

Талабан, Джаляль 56
Тарасенко С. П. 38

Удугов М. 25
Уэбстер У. 35

Фарук, король Египта 62
Федотов, Юрий 56
Фейсал, король Ирака 34
Филоник А. О. 65

аль Халиф, Сальман бен Хамад 102
Хаттаб 26
Хейкал, Мохаммед 62
Хрущев Н. С. 63

Хусейн, король Иордании 34, 62,
144, 171

Хусейн, Саддам 21, 29, 32, 40, 145,
154

Хусейни, Фейсал 155, 163

Хусейн, шериф Мекки 34

Чейни Д. 35, 44

Чейни Р. 45

Шавит, Шабтай 35

Шади, Хамид 67

Шалит, Гилад 134

Шамир, Ицхак 128, 162

Шамун, Камиль 62, 63

Шафи, Абдель 155

Шеварднадзе Э. А. 37, 41, 123

Шехаб, Фуад 63

Шлаим, Ави 145

Эшкол, Леви 23, 144

Яковлев А. И. 14

Яндарбиев З. 25

ЛИТЕРАТУРА

Документы

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. М.: Международные отношения, 1968.

Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 16.

Документы внешней политики США. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fpc.state.gov/documents/>.

Документы ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/Docs>.

Ближневосточный конфликт 1947–1956, 1957–1967. Из документов архива внешней политики Российской Федерации. В 2 т. Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: МФД, 2003.

Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 года. Москва. Кремль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603>.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html>.

СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы. М., 1989.

The Arab-Israeli Reader. A Documentary History of the Middle East Conflict. Walter Laqueur and Barry Rubin (eds). Seventh Revised and Updated Edition. N.Y.: Penguin Books, 2008.

Israel's Foreign Relations. Selected Documents. 1947–1999. Vol. 17. M. Medzini (ed.). Jerusalem: Ministry of Foreign Affairs. 1976–2000.

Israel Ministry of Foreign Affairs Website: Guide to the Peace Process. URL: <http://www.mfa.gov.il/>.

Palestine Liberation Organization Negotiation Affairs Department Website. URL: <http://www.pad.gov.ps>.

The Palestinian-Israeli Peace Agreement: A Documentary Record. Wash.: Institute for Palestine Studies, 1994/.

President Delivers State of the Union Address. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>.

State of the Union Address. 2003. January 28. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/4541>.

Мемуары

Аббас Махмуд. Путь к Осло М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.

Белоногов А. М. МИД, Кремль, кувейтский кризис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Бовин А. Записки ненастоящего посла. Из дневника. М.: Захаров, 2001.

Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. Екатеринбург: Пиров, 2004.

Baskin G. The Negotiator. Freeing Gilad Shalit from HAMAS. New Milford: The Toby Press, 2013.

Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N.Y., 1982.

Монографии и сборники статей

Арабский кризис и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014; Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, «арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сб. статей / Отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012.

Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

Егорин А. З. Свержение Муамара Каддафи. Ливийский дневник, 2011–2012 годы. М.: ИВ РАН, 2012.

Иванов И. С. Внешняя политика в эпоху глобализации. М.: ОЛМА Медиа групп, 2011.

Малашенко Алексей. Ислам для России. Московский центр Карнеги (Carnegie Endowment). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: ИВ РАН, 2000.

Мельников Д. Е., Томашевский Д. Г. Международные отношения после Второй мировой войны Т. 3: 1956–1964 гг. М.: Политическая литература, 1965.

Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке: влияние на мировой рынок нефти / Рук. авт. кол-ва С. В. Жуков. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

Примаков Е. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012.

-
- Примаков Е. М.* Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002.
- Ражбадинов М. З.* Анатомия египетской революции-2011: Египет накануне и после политического кризиса в январе—феврале 2011 г. М.: ИВ РАН, 2013.
- Руденко Л. Н., Занбуа М., Филоник А. О.* Арабский мир на перепутье (революция против экономики). М.: ИВ РАН, 2014.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после «арабской весны» / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкин. М.: ЛЕНАНД, 2013.
- Шарипов У. З.* Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке / ИВ РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013.
- The Arab awakening: America and the transformation of the Middle East / Kenneth M. Pollack [et al.]. Wash.: The Brookings Institution, 2011.
- Arendt Hannah.* On Violence. Orlando: A Harvest Book, 1970.
- Bickerton, Ian J., Klausner, Carla L.* A Concise History of the Arab-Israeli Conflict. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1998.
- Burton John.* Conflict: Resolution and Prevention, London: The Macmillan Press Ltd., 1990.
- Corbin Jane.* Gaza First. The Secret Norway Channel to Peace Between Israel and the PLO. L.: Bloomsbury, 1994.
- Central Asia and Transcaucasia. Ethnicity and Conflict / Ed. by Vitaly V. Naumkin. Westport; Connecticut: Greenwood Press, 1994.
- Dabashi Hamid.* The Arab Spring: The End of Postcolonialism. L.; N.Y.: Zed Books Ltd, 2012.
- Dawisha Adeed.* The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy, and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2013.
- Gurr Ted Robert, with contributions by Barbara Harff, Monty G. Marshall, and James R. Scaritt.* Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington: United States Institute of Peace Press, 1993.
- Horowitz Donald L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1985.
- Islamic Activism. A Social Movement Theory Approach / Quintan Wiktorowitz (ed.). Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004.
- Kreutz A.* Russia in the Middle East. Friend or Foe? Westport, Connecticut, L.: Praeger Security International, 2007.
- Melman Y., Raviv D.* Friends in Deed. Inside the US-Israel Alliance. N.Y.: Hyperion, 1994.
- The Middle East Enters the Twenty-First Century / Ed. by Robert O. Freedman. Gainesville: University Press of Florida, 2002.

Russia between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century / Ed. by Gabriel Gorodetsky. L.: Frank Cass Publishers, 2003.

Saunders Harold H. A Public Peace Process N.Y.: St. Martin's Press, 1999.

Savir Uri. The Process. 1000 Days That Changed the Middle East. An Insider's Account of the Israeli-Palestinian Peace Accords by Israel's Chief Negotiator. N.Y.: Vintage Books, 1988.

Schneer J. The Balfour Declaration. The Origins of the Arab-Israeli Conflict. N.Y.: Random House, 2010.

Shlaim Avi. The Iron Wall. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2000.

Shlaim Avi. The Politics of Partition. King Abdulla, The Zionists and Palestine 1921–1951. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Доклады

Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Авторы доклада Виталий Наумкин, Александр Аксененок, Борис Долгов, Ирина Звягельская, Василий Кузнецов, Вениамин Попов. М., август 2013.

Россия и большой Ближний Восток / [В. В. Наумкин (рук). канд. юрид. наук А. Г. Аксененок; докт. ист. наук И. Д. Звягельская; канд. ист. наук Т. А. Карасова; канд. ист. наук В. А. Кузнецов; канд. ист. наук В. В. Попов; докт. ист. наук М. А. Сапронова; докт. ист. наук П. В. Стегний; канд. экон. наук А. О. Филоник; канд. ист. наук П. В. Шлыков]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.

Трансформации в арабском мире и интересы России. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2012. Авторы доклада В. В. Наумкин, А. Г. Аксененок, И. Д. Звягельская, В. А. Кузнецов.

Россия и «новые элиты» стран «арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия: рабочая тетр. / [А. И. Шумилин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013

Тренин Д. Россия и кризис в Сирии. М.: Московский центр Карнеги. Февраль 2013.

Crawford Neta C. Civilian Death and Injury in the Iraq War, 2003–2013. Costs of War. 2013. March. URL: <http://costsofwar.org/sites/default/files/Iraqciv2013.pdf>.

Kricheli Ruth, Livne Yair, Magaloni Beatriz. Taking to the Streets. Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism. 7.11.2011. P. 9. URL: <http://iis-db.stanford.edu>.

What Does the Arab Spring Mean for Russia, Central Asia, and the Caucasus. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program / Algerim Zikibaeva (ed.), Serge Korepin, Shalini Sharan (rapporteur). CSIS, September 2011.

Статьи и бюллетени

Звягельская Ирина. Россия и «арабское пробуждение»: восприятие и политика // Оценки и идеи. Бюллетень № 3. Т. 1. М.: ИВ РАН, апрель 2013.

Исаев Л., Коротаев А. Анатомия египетской контрреволюции. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/02/03/egypt/>.

Кац М. Российская политика на Большом Ближнем Востоке, или Искусство дружить со всеми. IFRI Центр Россия // ННГ. Апрель 2010. *Russie Nei.Visions.* No 49.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6—7.

Крейц А. Сирия: главный российский козырь на Ближнем Востоке. IFRI Центр Россия / ННГ. Ноябрь 2010. *Russie Nei. Visions.* No 55.

Кузнецов Василий. Немного крови в мутной воде. 23 мая 2013 // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Nemnogo-krovi-v-mutnoi-vode-15979>.

Наумкин В. В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens). 2014. № 4.

Пономарева Елена. Секреты «цветных революций». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svom.info/entry/223-sekret-y-cvetnyh-revolucij-prodolzhenie/>.

Рубцов А. Азартные игры со смертельным исходом // Новая газета. 2014. 3 марта.

Ben Nefissa, Sarah. The Egyptian Transition Arena: Between the Army Leadership, the Muslim Brotherhood and a Society in Full Transformation // IEMed Mediterranean Yearbook 2013. Barcelona, 2013.

Senkovich V. The Arab World's Potential Importance to Russia's Economy. URL: http://RussianCouncil.ru/en/inner/?id_4=1548#top. 2013. March 18.

Справочники и энциклопедии

The Encyclopedia of Middle East wars: the United States in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq conflicts / Spencer C. Tucker (ed.); Priscilla Mary Roberts (ed.), documents volume. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC, 2010.

The Encyclopedia of the Arab-Israeli conflict. A Political, Social, and Military History / Spencer C. Tucker (ed.); Priscilla Mary Roberts (ed.), documents volume. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2008.

The Encyclopedia of the modern Middle East and North Africa / Ed. by Philip Mattar. 2nd ed. U.S.: Thomson Gale, 2004.

An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict, Bernard Reich (ed), Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1996.

Irina Zvyagelskaya

THE MIDDLE EAST CLINCH
Conflicts in the Middle East and Russia's Policies

Summary

Conflicts in the Middle East — between the nations or of internal nature, those that have surfaced only recently or have developed for dozens of years — have had an impact on Russia's interests and have defined its response. Any military threat, concentration of foreign troops, civil war in the states located there, hostilities or terrorist acts can be a cause of Russia's concern. Russia's policies pursued in connection with the conflicts in the Middle East are a critical element of its general strategy in the region. These policies have sustained serious evolution throughout the years of the Russian Federation existence, have developed from the repudiation of former obligations to the reasonable attempts of returning into the region and enhancing the Russian influence there.

The book describes the Moscow approach towards Iraq's aggression against Kuwait that was halted by the intervention of the coalition forces, towards the overthrow of the Iraqi dictator as a result of external invasion, towards the wave of transformations in the Arab world and, finally, towards the protracted Arab-Israeli conflict.

The Middle East controversies offer a vast scope to contemplation. While reflecting the global tendencies and simultaneously the political, socio-economic and cultural specificity of the region, they pose crucial questions about the price of change in the societies that are utterly not ready to embrace it, the costs and problems associated with the military intervention, the rivalry and cooperation among the leading world powers.

About the Author

Irina D. Zvyagelskaya, Professor, Chief Research Associate of the Institute of Oriental Studies under the Russian Academy of Sciences (IVRAN). She is also Professor of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) and a lecturer with the Institute of Asian and African Countries (ISAA) under the Moscow State University. Her primary focus is the security issues, ongoing conflicts and hostilities, current international relations in the Middle East and Central Asia. She authored books and numerous articles, contributed chapters for collective monographs.

Научное издание

Звягельская Ирина Доновна

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КЛИНЧ
Конфликты на Ближнем Востоке
и политика России

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,0.

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495) 988-63-87
